

АРБИТРАЖНЫЕ СПОРЫ

Журнал
Арбитражного суда
Северо-Западного округа

№ 4 (96)
октябрь – декабрь 2021 г.

Зарегистрирован Роскомнадзором.
Свидетельство ПИ № ФС77-60338
от 29.12.14

Учредитель —
Арбитражный суд
Северо-Западного округа

Редакционный совет:
С. Ф. Маркин (председатель)
С. В. Соколова
А. Е. Филиппов
А. Е. Кузнецов
В. А. Филиппова
Ответственная за выпуск —
В. А. Филиппова

Издательство и редакция
ООО «КАДИС»
Гл. редактор — А. Е. Кузнецов
Исп. редактор — А. В. Пилипенко

Санкт-Петербург,
10-я Красноармейская ул., 17
Тел.: +7 (812) 493-54-66
site: www.arbspor.ru
e-mail: publish@arbspor.ru

Подписка — Л. П. Горбунова
тел.: +7 (812) 313-01-17
e-mail: fas@kadis.ru

№ 4 (96)
октябрь – декабрь 2021 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Елагина Ольга Константиновна

Практика рассмотрения Арбитражным судом Северо-Западного округа дел, связанных с применением Федерального закона «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок».....перейти к статье

Мунтян Лариса Борисовна

Судебная практика по делам об административной ответственности, предусмотренной статьей 16 Закона Санкт-Петербурга от 31.05.10 № 273-70 «Об административных правонарушениях в Санкт-Петербурге», за самовольное размещение (установку) и перемещение элемента благоустройства.....перейти к статье

Александрова Екатерина Николаевна, Стафеева Светлана Евгеньевна

О судебной практике кассационной инстанции по спорам, связанным с определением таможенной стоимости товаров.....перейти к статье

Захаров Василий Константинович

Действие правила о допустимости обращения взыскания на единственное жилое помещение гражданина во времени.....перейти к статье

Павлов Андрей Анатольевич

Отступное (опыт практического комментария).....перейти к статье

Гусев Антон Олегович

О некоторых вопросах оспаривания в делах о банкротстве брачных договоров.....перейти к статье

Осинов Владислав Александрович

Признание недействительными сделок лиц, недобросовестно вторгающихся в чужие договорные отношения.....перейти к статье

Овсянников Сергей Вадимович

Может ли соучастник схемы уклонения от уплаты налога перераспределить свои потери за счет другого соучастника? (Комментарий к определению Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 13.04.21 № 305-ЭС20-20802).....перейти к статье

СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА. АНАЛИЗ

Практика рассмотрения Арбитражным судом Северо-Западного округа дел, связанных с применением Федерального закона «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок»

Елагина Ольга Константиновна

Судья Арбитражного суда Северо-Западного округа

Предлагаемый материал представляет собой анализ практики рассмотрения Арбитражным судом Северо-Западного округа дел, связанных с применением Федерального закона от 30.04.10 № 68-ФЗ «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок».

Право на присуждение компенсации, предусматривающей обращение взыскания на средства бюджетов бюджетной системы Российской Федерации за нарушение права на исполнение судебного акта в разумный срок, закреплено в Федеральном законе от 30.04.10 № 68-ФЗ «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» и нашло отражение в главе 27.1 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации.

Глава 27.1 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации представляет собой специфический вид судопроизводства в арбитражном суде, имеющий своим предметом рассмотрение требования, выдвинутого против органов власти и их должностных лиц, которое, будучи удовлетворенным, потребует выплат из соответствующего бюджета. В условиях построения правового государства и демократического общества данная категория дел имеет большое значение, обуславливает важность выполнения судебной и исполнительной властью своих функций в установленном порядке.

Ключевые слова: компенсация за нарушение права на судопроизводство, компенсация за нарушение права на исполнение судебного акта, присуждение компенсации.

Федеральным законом от 30.04.10 № 68-ФЗ «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» (далее — Закон о компенсации) установлен специальный способ права на судебную защиту в виде присуждения компенсации, включающий в себя в том числе право на судопроизводство в разумный срок и право на исполнение судебного акта в разумный срок.

Лицо, право которого нарушено превышением разумных сроков судопроизводства или исполнения судебного акта, может обратиться с заявлением о выплате ему денежной компенсации. Рассмотрение данного заявления осуществляется по правилам главы 27.1 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (далее — АПК РФ).

В Законе о компенсации и главе 26 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации закреплён порядок подачи и рассмотрения соответствующего заявления компетентным судом.

В пункте 2 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации (далее — ВС РФ) от 29.03.16 № 11 «О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении дел о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» (далее — постановление № 11) разъяснено, что Закон о компенсации распространяется на случаи:

а) нарушения разумных сроков судопроизводства по делам, рассматриваемым судами общей юрисдикции и арбитражными судами в соответствии с установленными процессуальным законодательством правилами подведомственности и подсудности;

б) нарушения разумных сроков исполнения судебных актов, предусматривающих обращение взыскания на средства бюджетов бюджетной системы Российской Федерации в соответствии с действующим на момент возникновения данных правоотношений законодательством, в том числе:

— по искам к Российской Федерации, субъекту Российской Федерации, муниципальному образованию о возмещении вреда, причиненного физическому или юридическому лицу незаконными действиями (бездействием) государственных органов, органов местного самоуправления либо их должностных лиц;

— по административным исковым заявлениям, заявлениям о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок за счет средств федерального бюджета, бюджета субъекта Российской Федерации, бюджета муниципального образования;

— по искам о взыскании денежных средств за счет казны публично-правового образования, в том числе в порядке субсидиарной ответственности;

— возлагающих обязанности на органы государственной власти, органы местного самоуправления, их должностных лиц, государственных или муниципальных служащих произвести выплаты за счет средств федерального бюджета, бюджета субъекта Российской Федерации, местного бюджета;

— по денежным обязательствам казенного учреждения, органов государственной власти (государственных органов), органов местного самоуправления;

в) нарушения разумных сроков исполнения судебных актов, возлагающих на федеральные органы государственной власти, органы государственной власти субъектов Российской Федерации, органы местного самоуправления, иные органы и организации, наделенные отдельными государственными или иными

публичными полномочиями, должностных лиц, государственных и муниципальных служащих обязанность исполнить иные требования имущественного характера (неденежные) и (или) требования неимущественного характера (например, соответственно нарушение разумных сроков исполнения судебных актов, предусматривающих возложение на публично-правовое образование обязанности по передаче имущества в натуре или возложение на указанных выше субъектов обязанностей по совершению определенных юридически значимых действий);

г) нарушения разумных сроков в ходе досудебного производства по уголовным делам, по которым:

— установлен подозреваемый или обвиняемый;

— вынесено постановление о приостановлении предварительного расследования в связи с неустановлением лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого;

— применена мера процессуального принуждения в виде наложения ареста на имущество (в том числе исключительные права) лица, не являющегося подозреваемым, обвиняемым или лицом, несущим по закону материальную ответственность за их действия.

Статья 152 АПК РФ предусматривает шестимесячный срок для рассмотрения дела, однако сам факт его нарушения не является безусловным основанием для удовлетворения заявления о компенсации.

Если для полного и всестороннего рассмотрения дела и вынесения справедливого и обоснованного решения закрепленные законодательством сроки недостаточны, общая продолжительность судопроизводства может превышать процессуальный срок. При этом право на судопроизводство в разумный срок не будет нарушено.

Таким образом, подход к определению разумности срока рассмотрения дела определяется индивидуально, исходя из особенностей и сложности дела.

Лицо, право которого нарушено превышением разумных сроков судопроизводства или исполнения судебного акта, может обратиться с заявлением о выплате ему денежной компенсации.

Заявление о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок в качестве суда первой инстанции рассматривает соответствующий арбитражный суд округа (часть 3 статьи 3 Закона о компенсации).

Применительно к арбитражным делам заявление о компенсации может быть подано: 1) в шестимесячный срок со дня вступления в законную силу последнего судебного акта, принятого по делу, по которому было допущено нарушение разумных сроков; 2) до окончания производства по делу, по которому было допущено нарушение, в случае, если продолжительность рассмотрения дела превысила три года и заявитель ранее обращался с заявлением об ускорении его рассмотрения в порядке, установленном процессуальным законодательством Российской Федерации (часть 5 статьи 3 Закона о компенсации).

Заявитель должен обосновать размер требуемой компенсации.

3а 2020 год Арбитражным судом Северо-Западного округа (далее — АС СЗО) рассмотрено 21 дело, в том числе шесть дел о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок и пятнадцать дел — за нарушение права на исполнение судебного акта в разумный срок.

Из шести дел о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок рассмотрено шесть дел с принятием решения; из пятнадцати дел о присуждении компенсации за нарушение права на исполнение судебного акта в разумный срок рассмотрено с принятием решения девять дел, с прекращением производства — шесть дел.

О присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок принято решение по одному делу на сумму 10 000 рублей.

О присуждении компенсации за нарушение права на исполнение судебного акта в разумный срок принято четыре решения на общую сумму 95 000 рублей.

По решениям о присуждении компенсации направлены исполнительные листы, общий размер компенсации составил 105 000 рублей.

Рассмотрение дел по заявлениям о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок

... Общество обратилось в АС СЗО с заявлением о присуждении компенсации в связи с нарушением права на судопроизводство в разумный срок за период с 01.01.16 по 09.01.20 в размере 512 248 358 рублей, полагая, что арбитражные суды первой и апелляционной инстанций не совершили достаточных и эффективных действий, направленных на своевременное разрешение дела № А56-78752/2015, судебное разбирательство по которому к моменту подачи указанного заявления не окончено (введена процедура

реструктуризации задолженности), и общая продолжительность судопроизводства по названному делу превысила четыре года.

В качестве заинтересованного лица к участию в деле привлечена Российская Федерация в лице Министерства финансов Российской Федерации.

В силу части 1 статьи 223 АПК РФ и статьи 51 Федерального закона от 26.10.02 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее — Закон о банкротстве) дело о несостоятельности (банкротстве) должно быть рассмотрено в заседании арбитражного суда в срок, не превышающий семи месяцев с даты поступления заявления о признании должника банкротом в арбитражный суд.

По результатам рассмотрения дела о банкротстве гражданина арбитражный суд принимает судебные акты, указанные в части 1 статьи 213.6 Закона о банкротстве.

К числу таких судебных актов отнесено определение о введении процедуры реструктуризации задолженности.

Судом округа установлено, что общая продолжительность судопроизводства по делу № А56-78752/2015 составила более четырех лет, что превышает установленные законодательством сроки.

Вместе с тем предусмотренный статьей 51 Закона о банкротстве срок рассмотрения дела о банкротстве не является пресекательным и его истечение не является обстоятельством, исключающим возможность его продления.

Суд с учетом разъяснений, изложенных в пунктах 40–42, 44 постановления № 11, руководствуясь положениями Закона о банкротстве, оценив правовую и фактическую сложность дела, решением от 26.05.20 отказал во взыскании компенсации, установив, что увеличение продолжительности рассмотрения дела № А56-78752/2015 вызвано объективными причинами: процессуальной активностью лиц, участвующих в деле, реализующих свои права на подачу ходатайств и жалоб, необходимостью соблюдения судами процессуальных прав сторон и выполнения требований норм процессуального права, и не сопряжено с неоправданным длительным затягиванием судебного процесса.

Кассационная коллегия согласилась с выводами суда (*постановление АС СЗО от 31.08.20 по делу № А56-1077/2020*).

Определением ВС РФ от 23.11.20 № 307-ЭС20-18087 в передаче кассационной жалобы для рассмотрения в судебном заседании Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ отказано.

... Похожая ситуация сложилась при рассмотрении АС СЗО заявления гражданки С. о присуждении 200 000 рублей компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок ввиду длительного рассмотрения судом заявлений кредиторов, в том числе С., предъявивших требование к должнику в порядке пункта 8 статьи 42 Закона о банкротстве в рамках дела № А56-35523/2015/з.19.

Суд учел разъяснения, изложенные в постановлении № 11, оценил обстоятельства рассмотрения дела № А56-35523/2015/з.19 и проанализировал историю движения данного дела в автоматизированной системе «Картотека арбитражных дел». Установив, что в указанном деле имеют место значительное количество физических лиц — участников долевого строительства и отложение рассмотрения требований кредиторов, подлежащих рассмотрению в порядке очередности ранее заявления С., связано с заявленными ходатайствами сторон об отложении судебного заседания с целью мирного урегулирования спора, суд отказал в удовлетворении заявления о взыскании компенсации (*решение АС СЗО от 21.09.20 по делу № А56-63656/2020*).

В кассационном порядке решение АС СЗО не рассматривалось.

... Предприниматель обратился в АС СЗО с заявлением о присуждении компенсации в размере 200 000 рублей за нарушение права на судопроизводство в разумный срок. Предприниматель указал, что арбитражный суд не завершает рассмотрение дела № А56-63882/2016, к производству принята очередная кассационная жалоба ответчика, срок на подачу которой пропущен более чем на три месяца и восстановлен судом, назначение судебных заседаний происходило, по мнению заявителя, с нарушением разумных сроков.

В качестве заинтересованных лиц к участию в деле привлечены Министерство финансов Российской Федерации и Управление Федерального казначейства по городу Санкт-Петербургу.

Судом округа установлено, что в рамках дела № А56-63882/2016 рассматривалось заявление предпринимателя к управляющей компании о взыскании 600 000 рублей задолженности по договорам поставки, принятое судом к рассмотрению 17.09.16.

Решением суда первой инстанции от 18.06.17, оставленным без изменения постановлением апелляционного суда от 14.11.17, в удовлетворении иска отказано.

Постановлением АС СЗО от 02.04.18 судебные акты первой и апелляционной инстанций отменены в части отказа в удовлетворении иска, дело в этой части направлено на новое рассмотрение в суд первой инстанции.

Решением суда первой инстанции от 06.03.19 в удовлетворении иска отказано.

Постановлением апелляционной инстанции от 31.10.19 решение суда от 06.03.19 отменено, исковые требования удовлетворены; исполнительный лист выдан 23.01.20.

Постановлением АС СЗО от 06.08.20 постановление апелляционного суда от 31.10.19 оставлено без изменения.

Заявление на взыскание компенсации направлено предпринимателем в АС СЗО 08.01.20.

Суд с учетом разъяснений, изложенных в пунктах 40, 44, 48, 57 постановления № 11, в соответствии с частью 3 статьи 6.1 и частью 2 статьи 222.8 АПК РФ, принимая во внимание своевременность первоначального рассмотрения иска в трех инстанциях, направления дела на новое рассмотрение в суд первой инстанции, достаточность и эффективность действий судов по назначению судебных заседаний, пришел к выводу, что длительный период рассмотрения дела № А56-63882/2016 не связан с неэффективностью действий суда и ненадлежащим судебным контролем, а вызван объективными причинами, поведением сторон, сбором доказательств, сложностью дела, и решением от 29.05.20 отказал в удовлетворении заявления о взыскании компенсации.

Кассационная коллегия согласилась с выводами суда (*постановление АС СЗО от 15.09.20 по делу № А56-5468/2020*).

... Общество обратилось в АС СЗО с заявлением о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок в размере 150 000 рублей, ссылаясь на невыдачу судом исполнительного листа по делу № А56-95285/2019.

В качестве заинтересованных лиц к участию в деле привлечены Министерство финансов Российской Федерации и Управление Федерального казначейства по городу Санкт-Петербургу.

Судом округа установлено, что в рамках дела № А56-95285/2019 рассматривалось заявление общества о взыскании с ответчика задолженности по договору подряда.

Решением суда первой инстанции от 20.12.19, оставленным без изменения постановлением апелляционного суда от 10.07.20, исковые требования удовлетворены; исполнительный лист выдан 17.08.20.

Порядок исполнения судебных актов является самостоятельной стадией судебного процесса и регулируется разделом VII АПК РФ и Федеральным законом от 02.10.07 № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» (далее — Закон об исполнительном производстве).

Суд установил, что решение суда первой инстанции вступило в законную силу 10.07.20 (дата изготовления мотивированного судебного акта апелляционного суда), следовательно, обращение за выдачей исполнительного листа до указанной даты являлось преждевременным. Заявление общества о выдаче исполнительного листа в системе «Картотека арбитражных дел» зарегистрировано 13.08.20, и доказательств обращения общества с заявлением о выдаче исполнительного листа ранее указанной даты в материалы дела не представлено. Исходя из изложенного суд отказал обществу в удовлетворении заявления, поскольку действия судов явились достаточными и эффективными (*решение АС СЗО от 23.12.20 по делу № А56-71119/2020*).

В кассационном порядке решение АС СЗО не рассматривалось.

... Общество обратилось в АС СЗО с заявлением о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок в размере 315 000 рублей, ссылаясь на невыдачу судом исполнительного листа по делу № А56-119383/2019, рассмотренному в порядке упрощенного производства, который по истечении пяти месяцев после получения заявления о выдаче и направлении исполнительного листа так и не был получен.

В качестве заинтересованных лиц к участию в деле привлечены Министерство финансов Российской Федерации и Управление Федерального казначейства по городу Санкт-Петербургу.

Судом округа установлено, что в рамках дела № А56-119383/2019 рассматривалось заявление общества о взыскании с ответчика задолженности и процентов за пользование чужими денежными средствами.

Решением суда первой инстанции от 14.01.20, вступившим в законную силу, исковые требования удовлетворены.

В апелляционном порядке решение суда от 14.01.20 не обжаловалось.

Заявление о присуждении компенсации через систему «Мой арбитр» поступило в суд 15.07.20, исполнительный лист выдан 23.07.20.

Доводы общества о направлении 12.02.20 в суд ходатайства о выдаче исполнительного листа суд отклонил, поскольку представленная заявителем копия уведомления не свидетельствует о соотносимости почтового отправления № 69302043602382 с ходатайством о выдаче исполнительного листа. Согласно отчету об отслеживании отправления с почтовым идентификатором № 69302043602382, сформированному сайтом Почты России, вручение данного отправления адресату состоялось 01.06.20.

Нарушение срока выдачи исполнительного листа само по себе не означает нарушения права на судопроизводство в разумный срок.

Принимая во внимание отсутствие доказательств, достоверно подтверждающих получение арбитражным судом ходатайства общества о выдаче исполнительного листа либо свидетельствующих о наличии обстоятельств, препятствующих обществу в получении исполнительного листа, суд отказал в удовлетворении заявления, поскольку действия судов явились достаточными и эффективными. В указанных обстоятельствах возможность получения компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок не снимает со взыскателя обязанности активно действовать в целях исполнения судебного акта (*решение АС СЗО от 31.08.20 по делу № А56-59685/2020*).

В кассационном порядке решение АС СЗО не рассматривалось.

... Управляющая компания обратилась в АС СЗО с заявлением о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный

срок в размере 100 000 рублей, ссылаясь на невыдачу судом исполнительного листа по делу № А56-59695/2017 на взыскание процентов за пользование чужими денежными средствами до момента фактического исполнения обязательства по названному делу, указывая на продолжительность нарушения прав заявителя и негативные финансовые последствия ввиду длительного неполучения исполнительного листа.

В качестве заинтересованных лиц к участию в деле привлечены Министерство финансов Российской Федерации, Управление Федерального казначейства по городу Санкт-Петербургу и муниципальное унитарное предприятие «Жилищно-коммунальное хозяйство г. Гатчины» (далее — предприятие).

Судом установлено, что в рамках дела № А56-59695/2017 рассматривалось заявление управляющей компании о взыскании с предприятия неосновательного обогащения и процентов за пользование чужими денежными средствами, а также процентов за пользование чужими денежными средствами до момента фактического исполнения обязательства.

Решением суда первой инстанции от 23.03.18 в удовлетворении требований отказано.

Постановлением суда апелляционной инстанции от 16.07.18 (с учетом определения об исправлении описки от 26.07.18) решение суда от 23.03.18 изменено, исковые требования удовлетворены частично, взыскано неосновательное обогащение, а также проценты за пользование чужими денежными средствами и проценты за пользование чужими денежными средствами до момента фактического исполнения обязательства.

Постановлением суда кассационной инстанции от 29.10.18 судебные акты апелляционного суда оставлены без изменения.

Судом выданы 10.09.18 исполнительные листы на взыскание неосновательного обогащения, процентов за пользование чужими денежными средствами и расходов по уплате государственной пошлины.

Несмотря на неоднократные обращения управляющей компании в арбитражный суд с заявлением о выдаче исполнительного листа на взыскание процентов за пользование чужими денежными средствами до момента фактического исполнения обязательства, судом не был выдан испрашиваемый заявителем исполнительный лист.

Фактически названный исполнительный лист выдан 17.02.20, то есть после направления 05.02.20 заявления в АС СЗО о взыскании компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок.

Суд округа, принимая во внимание разъяснения, изложенные в постановлении № 11, и фактические обстоятельства дела, усмотрел в действиях суда первой инстанции при рассмотрении заявления управляющей компании о выдаче исполнительного листа на взыскание процентов за пользование чужими

денежными средствами до момента фактического исполнения обязательства по делу № А56-59695/2017 безосновательные, без уважительных оправдывающих обстоятельств отказы, что, в свою очередь, и нарушило право управляющей компании на получение ею денежных средств. Учитывая изложенное, АС СЗО пришел к выводу, что допущенное судом первой инстанции нарушение разумного срока рассмотрения заявления и длительное ненаправление исполнительного листа является значимым для заявителя, поскольку он был лишен возможности направить исполнительный лист в службу судебных приставов.

Исходя из обстоятельств дела, продолжительности нарушения и значимости его последствий, суд удовлетворил заявление управляющей компании частично в размере 10 000 рублей, поскольку заявленная сумма являлась чрезмерной (*решение АС СЗО от 22.05.20 по делу № А56-13823/2020*).

В кассационном порядке решение АС СЗО не рассматривалось.

Рассмотрение дел по заявлениям о присуждении компенсации за нарушение права на исполнение судебного акта в разумный срок

... Общество обратилось в АС СЗО с заявлением о присуждении компенсации в размере 321 033 рублей 19 копеек за нарушение права на исполнение решения арбитражного суда первой инстанции от 24.11.17 по делу № А66-3014/2017 в разумный срок, а также о выплате процентов годовых от суммы компенсации по ключевой ставке Центрального Банка Российской Федерации (далее — ЦБ РФ), действующей в соответствующие периоды, увеличенной на три процента, с момента истечения установленного срока исполнения решения о выплате компенсации и до полной ее уплаты.

Как следует из материалов дела, решением от 24.11.17 по делу № А66-3014/2017 с администрации за счет средств казны в пользу общества взыскано 2 434 948 рублей 25 копеек процентов за пользование чужими денежными средствами за период с 28.05.14 по 23.10.17.

Исполнительный лист выдан 02.02.18, в этот же день он предъявлен обществом для исполнения в финансовое управление администрации.

Таким образом, трехмесячный срок на исполнение решения суда с вышеуказанной даты истек 03.05.18.

Поскольку решение от 24.11.17 по делу № А66-3014/2017 в полном объеме должником не исполнено, определением суда от 13.11.19 на основании заявления общества на администрацию наложен судебный штраф в размере 5000 рублей.

Полагая свое право на исполнение судебного акта в разумный срок нарушенным и ссылаясь на его продолжающееся неисполнение, общество обратилось в АС СЗО с названным заявлением.

По мнению заявителя, при расчете компенсации должен быть использован правовой механизм, предусмотренный статьей 395 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ), с учетом периодов просрочки и применением процентной банковской ставки, действующей в конкретный период. Всего согласно представленной в суд таблице размер такой компенсации составляет в общей сумме 321 033 рубля 19 копеек за период с 03.05.18 по 25.02.20.

Суд округа, принимая во внимание разъяснения, изложенные в пунктах 44, 55, 60 постановления № 11, и фактические обстоятельства дела № А66-3014/2017, установил, что в данном случае срок для исполнения судебного акта, установленный бюджетным законодательством, начал исчисляться с 03.02.18, а истек 03.05.18, в связи с чем общая продолжительность неисполнения решения от 24.11.17 по делу № А66-3014/2017 составила два года четыре месяца и пять дней, что не отвечает критерию разумности.

Основываясь на принципах разумности и справедливости, учитывая продолжительность неисполнения судебного акта и значимость последствий для заявителя, суд решением от 09.06.20 удовлетворил заявление общества о взыскании компенсации частично в размере 10 000 рублей, поскольку заявленная сумма являлась чрезмерной, а основания для применения мер к исполнению судебного акта в виде указанного заявителем взыскания процентов годовых от суммы компенсации по ключевой ставке ЦБ РФ, увеличенной на три процента, с момента его принятия и до полной уплаты суммы компенсации по названному делу отсутствовали.

Кассационная коллегия согласилась с принятым решением (*постановление АС СЗО от 15.09.20 по делу № А66-4071/2020*).

... Аналогичная ситуация рассматривалась в рамках дела по заявлению общества о присуждении компенсации в размере 3 503 230 рублей 94 копеек за нарушение права на исполнение решения арбитражного суда первой инстанции от 17.10.14 по делу № А66-4293/2014 в разумный срок, а также о выплате процентов годовых от суммы компенсации по ключевой ставке ЦБ РФ, действующей в соответствующие периоды, увеличенной на три процента, с момента истечения установленного срока исполнения решения о выплате компенсации и до полной ее уплаты.

Судом установлено, что решением от 17.10.14 по делу № А66-4293/2014 с муниципального образования в лице администрации в пользу общества взысканы 8 202 250 рублей неосновательного обогащения, 1 887 200 рублей 96 копеек процентов, а также проценты за пользование чужими денежными

средствами на случай неисполнения судебного акта по ставке рефинансирования ЦБ РФ 8,25% годовых за каждый день просрочки с момента вступления решения в законную силу и до его фактического исполнения.

Исполнительный лист выдан 18.02.15 и предъявлен обществом 25.02.15 для исполнения в финансовое управление администрации.

Определением суда от 16.06.15 администрации предоставлена отсрочка исполнения решения от 17.10.14 по делу № А66-4293/2014 до 01.04.16, после истечения срока которой администрация частично исполнила решение, выплатив обществу 1 400 000 рублей долга.

Поскольку решение от 17.10.14 по делу № А66-4293/2014 в полном объеме не исполнено, общество, полагая, что администрацией нарушено его право на исполнение судебного акта в разумный срок, обратилось в АС СЗО с названным заявлением.

Суд округа, принимая во внимание разъяснения, изложенные в постановлении № 11, и фактические обстоятельства дела № А66-4293/2014, установил, что в данном случае продолжительность неисполнения судебного акта составила три с половиной года с учетом предоставленной судом отсрочки исполнения решения суда, но при этом администрацией предпринимались действия, направленные на исполнение указанного решения суда.

Оценив представленные сторонами доказательства, исходя из фактических обстоятельств дела, установив факт превышения администрацией разумных сроков исполнения судебного решения, учитывая принцип разумности и справедливости, а также ограниченные возможности бюджета муниципального образования, суд решением от 20.01.20 удовлетворил заявление общества о взыскании компенсации частично в размере 20 000 рублей.

При этом суд пришел к выводу, что с учетом положений части 1 статьи 5 Закона о компенсации и пункта 6 статьи 242.2 Бюджетного кодекса Российской Федерации (далее — БК РФ) отсутствуют основания для применения мер стимулирования администрации к исполнению судебного акта в виде взыскания процентов годовых от присужденной суммы компенсации по ключевой ставке ЦБ РФ, действующей в соответствующие периоды, увеличенной на три процента, с момента истечения установленного срока исполнения.

Кассационная коллегия согласилась с принятым решением (*постановление АС СЗО от 16.06.20 по делу № А66-15576/2019*).

Определением ВС РФ от 19.10.20 № 307-ЭС20-14775 в передаче кассационной жалобы для рассмотрения в судебном заседании Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ отказано.

... Предприниматель обратился в АС СЗО с заявлением о присуждении компенсации в размере 15 млн рублей за нарушение права на исполнение судебных актов по делам № А26-5991/2011 и А26-2371/2017 в разумный срок.

Как следует из материалов дела, постановлением суда кассационной инстанции от 06.02.13 по делу № А26-5991/2011 с администрации за счет казны муниципального образования в пользу предприятия взыскано 15 934 200 рублей 4 копейки задолженности; 23.09.14 на основании исполнительного листа возбуждено исполнительное производство № 19724/14/10017 о взыскании с администрации задолженности в размере 15 934 200 рублей.

Определением суда от 29.09.16 в рамках дела № А26-5991/2011 произведена замена взыскателя — предприятия на правопреемника — предпринимателя.

Решением арбитражного суда первой инстанции от 15.08.17 по делу № А26-2371/2017 с администрации в пользу предпринимателя взыскано 3 819 594 рубля 82 копейки процентов за пользование чужими денежными средствами за период с 16.08.14 по 15.08.18, а также проценты, начисленные в соответствии со статьей 395 ГК РФ на задолженность в сумме 13 657 805 рублей 22 копеек за период с 16.08.17 и по день фактической уплаты ответчиком задолженности. На основании указанного решения судом 15.08.17 выдан исполнительный лист, который 16.11.17 направлен предпринимателем на исполнение в администрацию. Поскольку в предусмотренный законом трехмесячный срок исполнительный лист не был исполнен, он был отозван и направлен в отдел судебных приставов; возбуждено исполнительное производство № 11749/18/10017.

Из представленных отделом судебных приставов в данное дело материалов сводного исполнительного производства № 19724/14/10017-СД следует, что по состоянию на 01.04.20 в погашение задолженности по делу № А26-5991/2011 в пользу предпринимателя взыскано 4 353 148 рублей 24 копейки (остаток — 9 921 961 рубль 86 копеек), а в погашение процентов по делу № А26-2371/2017 взыскано 656 084 рубля 86 копеек (остаток — 3 205 607 рублей 96 копеек).

Ввиду отсутствия на счетах администрации денежных средств для погашения сумм по сводному исполнительному производству № 19724/14/10017-СД отделом судебных приставов неоднократно налагался арест на недвижимое имущество муниципального образования, которое направлялось на реализацию посредством открытых торгов.

В связи с отсутствием заявок на торгах и признанием торгов несостоявшимися предпринимателю также предлагалось нереализованное имущество в счет погашения задолженности, от принятия которого он отказался, посчитав его неликвидным.

Также в рамках сводного исполнительного производства отделом судебных приставов обращено взыскание на право получения администрацией денежных средств по договорам аренды недвижимого имущества, заключенным с различными юридическими лицами, а также на дебиторскую задолженность по договорам аренды.

На момент рассмотрения данного дела под арестом находилось недвижимое имущество (земельные участки и нежилые помещения) на сумму 15 200 000 рублей, то есть сумму, превышающую задолженность администрации перед предпринимателем.

Полагая свое право на исполнение судебного акта в разумный срок нарушенным, предприниматель обратился в АС СЗО с соответствующим заявлением.

Суд округа, принимая во внимание разъяснения, изложенные в пунктах 19 и 46 постановления № 11, и фактические обстоятельства дела, установил, что в данном случае продолжительность неисполнения судебного акта (с момента предъявления исполнительного листа взыскателем) на день обращения предпринимателя с соответствующим заявлением в суд по делу № А26-5991/2011 составила более трех лет, а по делу № А26-2371/2017 — более двух лет, что не отвечает критерию разумности.

Основываясь на принципах разумности и справедливости, учитывая факт длительного неисполнения администрацией указанных выше судебных актов, а также частичное погашение администрацией задолженности в рамках сводного исполнительного производства и наличие арестованного отделом судебных приставов недвижимого имущества администрации, достаточного для полного погашения долга, суд решением от 29.05.20 удовлетворил заявление предпринимателя о взыскании компенсации частично в размере 50 000 рублей.

Кассационная коллегия не нашла оснований для отмены обжалуемого решения (*постановление АС СЗО от 01.10.20 по делу № А26-12504/2019*).

... Как следует из материалов дела, решением арбитражного суда первой инстанции от 31.05.18 по делу № А05-3701/2018 с администрации за счет средств казны в пользу общества взыскано 382 967 рублей 64 копейки пеней по государственному контракту.

Определением суда от 13.08.18 по делу № А05-3701/2018 произведена замена общества (взыскателя) на предпринимателя.

Исполнительный лист выдан 15.08.18 и направлен предпринимателем 04.10.18 для исполнения в администрацию (получен 11.10.18).

Поскольку решение от 31.05.18 по делу № А05-3701/2018 в полном объеме должником не исполнено, предприниматель обратился в АС СЗО с заявлением о присуждении компенсации за неисполнение судебного акта в разумный срок в размере 100 000 рублей. Решением АС СЗО от 25.10.19 по делу № А05-10416/2019 заявление предпринимателя удовлетворено частично в размере 10 000 рублей.

17.02.20 предприниматель обратился в АС СЗО с заявлением о присуждении компенсации в размере 100 000 рублей за нарушение права на исполнение в разумный срок вступившего в законную силу судебного решения по

делу № А05-3701/2018 за последующий (новый) период, указав, что после решения АС СЗО от 25.10.19 денежные средства во исполнение решения от 31.05.18 по делу № А05-3701/2018 не перечислены, что повлекло для него значительные убытки в виде невозможности использования денежных средств.

Принимая во внимание разъяснения, изложенные в пунктах 36, 39, 40, 55, 60 постановления № 11, и фактические обстоятельства дела, суд установил, что согласно вступившему в законную силу решению АС СЗО от 25.10.19 по делу № А05-10416/2019 период неисполнения судебного акта по делу № А05-3701/2018 по состоянию на 20.08.19 составил более 10 месяцев и какое-либо погашение в рамках исполнения дела № А05-3701/2018 отсутствует. За период с 10.04.19 по 14.02.20 администрацией произведена частичная оплата на общую сумму 22 000 рублей.

Основываясь на принципах разумности и справедливости, учитывая общую суммарную продолжительность неисполнения судебного акта и значимость его исполнения для заявителя, суд удовлетворил заявление предпринимателя о взыскании компенсации частично в размере 15 000 рублей (решение АС СЗО от 28.05.20 по делу № А05-1574/2020).

В кассационном порядке дело не рассматривалось.

... Судом округа установлено, что решением арбитражного суда первой инстанции от 12.02.13 по делу № А56-43163/2012, оставленным без изменения постановлением апелляционного суда от 09.04.13, суд обязал инспекцию Федеральной налоговой службы (далее — ФНС) произвести возврат обществу 114 812 847 рублей НДС за III квартал 2011 года и 637 849 рублей 15 копеек процентов за несвоевременный возврат налоговых сумм за период с 29.06.12 по 23.07.12 с последующим начислением процентов на сумму долга, начиная с момента вынесения решения судом по день фактической выплаты исходя из учетной ставки ЦБ РФ. Постановлением суда кассационной инстанции от 09.07.13 названные решение и постановление оставлены без изменения.

В целях принудительного исполнения судебных актов обществу выданы исполнительные листы, которые приняты управлением Федерального казначейства (далее — казначейство) к исполнению в порядке, установленном бюджетным законодательством.

Поскольку судебный акт по делу № А56-43163/2012 в части возврата НДС не исполнен и денежные средства на счет общества не поступили, исчисляя превышение разумного срока исполнения указанного судебного акта с 22.07.13 (даты принятия казначейством на исполнение исполнительного листа), общество обратилось в АС СЗО с заявлением о присуждении компенсации в размере 61 633 266 рублей за нарушение права на исполнение решения от 12.02.13 по делу № А56-43163/2012 в разумный срок.

Согласно расчету заявителя общий срок неисполнения судебного акта на дату подачи заявления составил 2375 календарных дней.

Как следует из материалов дела, во исполнение решения от 12.02.13 по делу № А56-43163/2012 инспекцией ФНС принято решение о возврате налога от 04.07.13, а также сформирована соответствующая заявка на возврат денежных средств от 05.07.13, которая была направлена в электронном виде в Федеральное казенное учреждение «Налог-Сервис» ФНС России в г. Санкт-Петербурге. Данная заявка в силу положений статей 160.1 и 166.1 БК РФ является для органов казначейства исполнительным документом.

Письмом от 20.08.13 казначейство сообщило инспекции ФНС о невозможности исполнения исполнительных документов ввиду действий третьих лиц — следственных органов в связи с осуществлением уголовного расследования, поскольку на основании постановления о производстве выемки от 04.07.13 следственными органами произведено изъятие документов, содержащих заявку на возврат денежных средств в пользу общества.

В дальнейшем налоговым органом было сформировано поручение на бумажном носителе, содержащее заявку от 12.03.14 на возврат НДС на сумму 114 812 847 рублей, которая направлена казначейству.

На основании постановления о производстве выемки от 13.03.14 и согласно протоколу от 13.03.14 в рамках уголовного дела произведена выемка указанного документа.

Также в ходе рассмотрения дела № А56-27163/2019, в рамках которого общество оспаривало действия казначейства по возврату исполнительного листа, выданного судом по делу № А56-43163/2012 на возврат НДС, установлено, что указанный исполнительный лист направлен в казначейство для исполнения и зарегистрирован 16.04.13 в журнале учета входящей корреспонденции, по заявлению общества он был возвращен последнему 15.07.13.

Исполнительный лист вновь направлен обществом 11.10.16 в казначейство на исполнение (также зарегистрирован в журнале учета входящей корреспонденции).

Казначейство направило в адрес общества уведомление от 13.10.16 о возврате исполнительного документа в связи с тем, что в нарушение пункта 1 статьи 21 Закона об исполнительном производстве с учетом положений пункта 1 части 1 статьи 321 АПК РФ срок предъявления исполнительного листа истек, а документов, подтверждающих продление сроков предъявления исполнительного листа, представлено не было.

Решением по делу № А56-27163/2019 суд признал действия казначейства по возврату исполнительного листа на возврат НДС соответствующими требованиям Закона об исполнительном производстве и статье 321 АПК РФ.

Суд округа, руководствуясь статьями 6.1, 222.1, 222.8 АПК РФ, Законом о компенсации, Законом об исполнительном производстве, БК РФ, Налоговым

кодексом Российской Федерации, с учетом разъяснений, изложенных в постановлении № 11, пришел к выводу об отсутствии оснований для присуждения компенсации за нарушение права на исполнение судебного акта в разумный срок и решением от 18.05.20 в удовлетворении заявления обществу отказал.

Судом также принят во внимание доказанный факт изъятия следственными органами документа, на основании которого казначейство должно было перечислить обществу из бюджета денежные средства, отсутствие у казначейства реальной возможности осуществить указанные действия, непредставление в материалы дела доказательств незаконности выемки заявок следственным органом, а также отсутствие доказательств обжалования действий следственного органа или обращения общества к следственным органам в течение всего периода.

Кассационная коллегия согласилась с выводами суда и оставила решение суда округа без изменения (*постановление АС СЗО от 03.09.20 по делу № А56-1119/2020*).

Определением ВС РФ от 28.12.20 № 307-ЭС20-20494 в передаче кассационной жалобы для рассмотрения в судебном заседании Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ отказано.

Аналогичная ситуация рассматривалась в рамках дел № А56-1113/2020 (*решение АС СЗО от 21.05.20, постановление АС СЗО от 05.10.20, определение ВС РФ от 14.01.21 № 307-ЭС20-22109*), № А56-1106/2020 (*решение АС СЗО от 26.05.20, постановление АС СЗО от 08.10.20, определение ВС РФ от 26.01.21 № 307-ЭС20-22112*), № А56-34298/2020 (*решение АС СЗО от 03.07.20, постановление АС СЗО от 19.10.20, определение ВС РФ от 19.02.21 № 307-ЭС20-23702*).

••• Арбитражный управляющий общества обратился в АС СЗО с заявлением о присуждении компенсации в размере 10 000 рублей за нарушение права на исполнение определения арбитражного суда первой инстанции от 30.11.18 по делу № А56-76951/2014 в разумный срок.

Судом округа установлено, что решением от 10.02.15 по делу № А56-76951/2014 общество признано несостоятельным (банкротом), в отношении него открыта упрощенная процедура конкурсного производства отсутствующего должника сроком на шесть месяцев, утвержден конкурсный управляющий.

Определением от 11.05.17 арбитражный управляющий отстранен от исполнения обязанностей конкурсного управляющего общества.

Определением от 30.11.18 по делу № А56-76951/2014 с Инспекции ФНС в пользу арбитражного управляющего взыскано фиксированное вознаграждение в размере 177 030 рублей 4 копеек и расходы за проведение конкурсного

производства в размере 33 650 рублей 26 копеек, в удовлетворении требований о возмещении транспортных расходов в размере 23 902 рублей 70 копеек отказано.

Постановлением апелляционного суда от 14.02.19 определение суда первой инстанции от 30.11.18 оставлено без изменения. Постановлением суда кассационной инстанции от 21.05.19 судебные акты первой и апелляционной инстанций в части отказа в удовлетворении требований о возмещении транспортных расходов в размере 23 902 рублей 70 копеек отменены, заявление арбитражного управляющего в указанной части удовлетворено.

В целях исполнения судебных актов выданы исполнительные листы.

Обращаясь в АС СЗО с заявлением о присуждении компенсации, арбитражный управляющий указал, что вступившее в законную силу определение суда от 30.11.18 по делу № А56-76951/2014 не исполнено.

Судом округа установлено, что в рассматриваемом случае взыскание произведено судом с заявителя по делу о банкротстве — инспекции ФНС.

Исполнение судебных актов по искам к публично-правовым образованиям, а также судебных актов, предусматривающих обращение взыскания на средства бюджетов по денежным обязательствам бюджетных учреждений, осуществляется в соответствии с главой 24.1 БК РФ.

Инспекция ФНС не может самостоятельно, вне установленного БК РФ порядка, выплатить в пользу арбитражного управляющего взысканные с нее денежные средства.

В силу пункта 1 статьи 242.3 БК РФ исполнительный документ, предусматривающий обращение взыскания на средства федерального бюджета по денежным обязательствам федерального бюджетного учреждения — должника, направляется судом по просьбе взыскателя или самим взыскателем вместе с документами, указанными в пункте 2 статьи 242.1 БК РФ, в орган казначейства по месту открытия в соответствии с БК РФ должнику как получателю средств федерального бюджета лицевого счета для учета операций по исполнению расходов федерального бюджета.

Между тем взыскатель просил суд направить исполнительный лист в инспекцию ФНС, а не в казначейство; в материалах дела отсутствуют доказательства, подтверждающие направление исполнительного листа в органы казначейства.

Учитывая вышеизложенное, принимая во внимание фактические обстоятельства дела и разъяснения, изложенные в постановлении № 11, а также поведение самого заявителя и иных участников дела с позиции разумности и заботливости, суд пришел к выводу об отсутствии правовых оснований для вывода о нарушении прав заявителя на исполнение судебного акта в разумный срок и для удовлетворения заявленного требования (*решение АС СЗО от 01.06.20 по делу № А56-14672/2020*).

В кассационном порядке решение АС СЗО не рассматривалось.

... Судом округа установлено, что в рамках дела № А05-9029/2019 общество оспаривало извещение управления лесничества об отказе в приемке лесной декларации общества об использовании леса для заготовки древесины в соответствии с проектом освоения лесов. Решением арбитражного суда первой инстанции от 13.11.19, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции от 14.02.20, требования общества удовлетворены; 07.05.20 судом выдан исполнительный лист.

Ссылаясь на нарушение права на исполнение решения суда в разумный срок, общество обратилось в АС СЗО с заявлением о присуждении компенсации в размере 100 000 рублей.

АС СЗО, руководствуясь частью 8 статьи 3 Закона о компенсации, частью 3 статьи 222.1 АПК РФ, с учетом разъяснений, изложенных в абзаце одиннадцатом пункта 27 и в пункте 38 постановления № 11, прекратил производство по делу о присуждении компенсации по заявлению общества, указав на отсутствие у него права на его подачу (*определение АС СЗО от 03.06.20 по делу № А05-3058/2020*).

В кассационном порядке определение АС СЗО не рассматривалось.

... Конкурсный кредитор общества обратился в АС СЗО с заявлением о присуждении компенсации в размере 80 563 474 рублей за нарушение права на исполнение решения арбитражного суда первой инстанции от 30.05.13 по делу № А56-76191/2012 в разумный срок.

Судом округа установлено, что решением от 30.05.13 по делу № А56-76191/2012, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции от 30.07.13, суд обязал инспекцию ФНС произвести возврат обществу НДС за I квартал 2012 года в размере 48 473 336 рублей, за II квартал 2012 года в размере 114 281 157 рублей; выплатить проценты за несвоевременный возврат НДС за период с 08.08.12 по 13.03.13 в размере 1 679 399 рублей 11 копеек и за период с 08.11.12 по 13.03.13 в размере 2 147 533 рублей 40 копеек с последующим начислением процентов на сумму несвоевременно возвращенного налога по день перечисления денежных средств на счет общества, а также возместить судебные расходы.

Постановлением суда кассационной инстанции от 21.10.13 названные решение и постановление оставлены без изменения.

По делу № А56-76191/2012 выданы исполнительные листы, которые приняты казначейством к исполнению в порядке, установленном бюджетным законодательством.

Кредитор, полагая, что он вправе требовать присуждения компенсации за неисполнение судебного акта в разумный срок, поскольку претендует на часть

денежных средств, присужденных решением суда по делу № А56-76191/2012, обратился в АС СЗО с названным заявлением.

АС СЗО, руководствуясь Законом о компенсации, пунктом 1 части 1 статьи 222.6 АПК РФ, с учетом разъяснений, изложенных в постановлении № 11, определением от 29.09.20 прекратил производство по заявлению кредитора, указав на отсутствие у него права на подачу заявления о присуждении компенсации за нарушение права на исполнение в разумный срок судебного акта, вынесенного в пользу банкрота. Право на компенсацию имеет только лицо, участвовавшее в судебном разбирательстве, или лицо, в пользу которого выдан исполнительный лист.

В данном случае заявитель не является лицом, участвующим в судебном разбирательстве по делу № А56-76191/2012, и лицом, в пользу которого выданы исполнительные листы по указанному делу.

Кассационная коллегия оставила определение АС СЗО о прекращении производства по делу о присуждении компенсации без изменения (*постановление АС СЗО от 03.12.20 по делу № А56-65193/2020*).

Аналогичная ситуация рассматривалась в рамках дела № А56-65190/2020 (*определение АС СЗО от 29.09.20, определение АС СЗО от 07.12.20*).

... Судом округа установлено, что решением арбитражного суда первой инстанции от 12.02.13 по делу № А56-43163/2012, оставленным без изменения постановлением апелляционного суда от 09.04.13, суд обязал инспекцию ФНС произвести возврат обществу 114 812 847 рублей НДС за III квартал 2011 года и 637 849 рублей 15 копеек процентов за несвоевременный возврат налоговых сумм за период с 29.06.12 по 23.07.12 с последующим начислением процентов на сумму долга начиная с момента вынесения решения судом по день фактической выплаты исходя из учетной ставки ЦБ РФ.

Постановлением суда кассационной инстанции от 09.07.13 названные решение и постановление оставлены без изменения.

По делу № А56-43163/2012 выданы исполнительные листы, которые приняты казначейством к исполнению в порядке, установленном бюджетным законодательством.

Поскольку судебный акт по делу № А56-43163/2012 в части возврата НДС не исполнен и денежные средства на счет общества не поступили, общество обратилось в АС СЗО с заявлением о присуждении компенсации в размере 62 740 500 рублей за неисполнение судебного акта в разумный срок.

АС СЗО, руководствуясь Законом о компенсации, пунктом 2 части 1 статьи 150 АПК РФ, определением от 23.06.20 прекратил производство по делу о присуждении компенсации по заявлению общества, поскольку данное заявление содержит те же фактические обстоятельства, тот же период неисполнения

судебного акта, те же требования и при его рассмотрении привлечены те же лица, что и по ранее рассмотренному делу № А56-90632/2019.

Кассационная коллегия оставила определение АС СЗО о прекращении производства по делу о присуждении компенсации без изменения (*постановление АС СЗО от 17.09.20 по делу № А56-3561/2020*).

Определением ВС РФ от 08.12.20 № 307-13С20-19407 в передаче кассационной жалобы для рассмотрения в судебном заседании Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ отказано.

Аналогичная ситуация рассматривалась в рамках дел № А56-19262/2020 (*определение АС СЗО от 25.05.20, постановление АС СЗО от 05.10.20, определение ВС РФ от 23.12.20 № 307-ЭС20-19971*), № А56-102738/2019 (*определение АС СЗО от 22.01.20, определение АС СЗО от 05.06.20, определение ВС РФ от 18.08.20 № 307-ЭС20-10543*).

Таким образом, в настоящее время при рассмотрении заявлений о нарушении права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок в Арбитражном суде Северо-Западного округа сложилась единообразная практика применения Закона о компенсации.

Вместе с тем, поскольку данный правовой институт имеет компенсаторный и оценочный характер, в судебной практике арбитражных судов Российской Федерации отсутствует единообразие относительно размеров присуждаемой компенсации и судебное усмотрение ограничивается нормативными правовыми актами.

Увеличение размера компенсации за нарушение права на судопроизводство в Российской Федерации возможно только при законодательном определении минимальной суммы присуждаемой компенсации.

СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА. АНАЛИЗ

Судебная практика по делам об административной ответственности, предусмотренной статьей 16 Закона Санкт-Петербурга от 31.05.10 № 273-70 «Об административных правонарушениях в Санкт-Петербурге», за самовольное размещение (установку) и перемещение элемента благоустройства

Мунтян Лариса Борисовна

Судья Арбитражного суда Северо-Западного округа

В статье рассматривается вопрос привлечения к административной ответственности за нарушение пункта 2.3.5.8.11 Правил благоустройства территории Санкт-Петербурга, утвержденных постановлением Правительства Санкт-Петербурга от 09.11.16 № 961 (установка или перемещение объектов для размещения информации, а равно эксплуатация указанных объектов).

Ключевые слова: вывеска, указатели, меню, пилоны автозаправочных станций, пилоны автодилеров, информационные щиты, стенды, знаки адресации.

Административное и административно-процессуальное законодательство находится в совместном ведении Российской Федерации и ее субъектов (пункт «к» части 1 статьи 72 Конституции Российской Федерации). В продолжение указанного положения Конституции Российской Федерации федеральное законодательство предусматривает, что законом субъекта Российской Федерации может устанавливаться административная ответственность за нарушение законов и иных нормативных правовых актов субъекта Российской Федерации, нормативных правовых актов органов местного самоуправления (пункт 1 части 1 статьи 1.3.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, подпункт 39 пункта 2 статьи 26.3 Федерального закона от 06.10.99 № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации»). Устав Санкт-Петербурга в статье 11 также устанавливает, что в совместном ведении Российской Федерации и Санкт-Петербурга находится в том числе административное и административно-процессуальное законодательство.

Положениями пункта 1 статьи 5 Закона Санкт-Петербурга от 25.12.15 № 891-180 «О благоустройстве в Санкт-Петербурге» (далее — Закон о благоустройстве в Санкт-Петербурге) Правительство Санкт-Петербурга наделено полномочием по подготовке и утверждению правил благоустройства территории Санкт-Петербурга, а также по внесению изменений в них.

Согласно подпункту 6 пункта 1 статьи 7 Закона о благоустройстве в Санкт-Петербурге правила благоустройства территории Санкт-Петербурга должны содержать виды элементов благоустройства.

В целях реализации Закона о благоустройстве в Санкт-Петербурге постановлением Правительства Санкт-Петербурга от 09.11.16 № 961 были утверждены Правила благоустройства территории Санкт-Петербурга (далее — Правила благоустройства), включающие виды элементов благоустройства.

Пунктом 2 статьи 16 Закона Санкт-Петербурга от 31.05.10 № 273-70 «Об административных правонарушениях в Санкт-Петербурге» (далее — Закон Санкт-Петербурга № 273-70, в редакции, действовавшей до 21 июля 2020 года) за самовольную установку или перемещение объекта для размещения информации без разрешения, выданного уполномоченным Правительством Санкт-Петербурга исполнительным органом государственной власти Санкт-Петербурга, а равно эксплуатацию указанных объектов, установленных и (или) перемещенных самовольно, без разрешения, выданного уполномоченным Правительством Санкт-Петербурга исполнительным органом государственной власти Санкт-Петербурга, предусмотрена административная ответственность.

Формулируя объективную сторону состава административного правонарушения, закрепленного в пункте 2 статьи 16 Закона Санкт-Петербурга № 273-70, законодатель использовал понятие «объект для размещения информации», определяя таким образом предмет, самовольная установка или перемещение которого влечет применение мер административной ответственности.

В действующем федеральном законодательстве понятие «объект для размещения информации» не используется.

В пункте 2.6 приложения № 2 к Правилам благоустройства (в редакции, действовавшей до 16 октября 2020 года) приведен перечень объектов для размещения информации, которые подпадают под действие пункта 2 статьи 16 Закона Санкт-Петербурга № 273-70: это вывески, указатели, меню, пилоны автозаправочных станций, пилоны автодилеров, информационные щиты, стенды, знаки адресации.

В силу пункта 2.3.5.8.11 приложения № 3 к Правилам благоустройства установка или перемещение объектов для размещения информации, а равно эксплуатация указанных объектов допускаются только при наличии разрешения, выданного уполномоченным Правительством Санкт-Петербурга исполнительным органом государственной власти Санкт-Петербурга.

При проверке наличия в действиях привлекаемого к административной ответственности лица состава правонарушения, ответственность за которое предусмотрена пунктом 2 статьи 16 Закона Санкт-Петербурга № 273-70, суды с учетом положений пункта 1.7 Правил благоустройства (на основании

сформированных уполномоченным органом материалов административного дела и возражений лиц, привлекаемых к административной ответственности и представленных ими документов) для привлечения такого лица к административной ответственности формально соотносили рассматриваемый в каждом конкретном деле «объект для размещения информации» с тем или иным видом объекта (вывески, указатели, меню, пилоны автозаправочных станций, пилоны автодилеров, информационные щиты, стенды, знаки адресации).

Как правило, такое установление особых затруднений у судов не вызывало и правоприменительных последствий не имело, поскольку отнесение объекта к тому или иному вышепоименованному виду было сопряжено лишь с достаточностью сформированной уполномоченным органом доказательственной базы. Вопрос о том, относится ли спорный объект к вывеске (предусматривающей наличие указанной в пункте 1.7 Правил благоустройства обязательной информации), особо не акцентировался, то есть значимым такой вопрос не являлся (дела № А56-28101/2017, А56-82527/2017, А56-9650/2018, А56-25667/2019, А56-58288/2019, А56-77466/2019, А56-158193/2018, А56-72122/2019, А56-76397/2019).

В судебных актах суды ссылались на пункт 2.6 приложения № 2, пункт 2.3.5.8, пункт 2.3.5.8.1 приложения № 3 к Правилам благоустройства и констатировали следующее: факт самовольной установки дополнительного элемента фасада здания — объекта для размещения информации (настенной вывески) без разрешения, выданного уполномоченным Правительством Санкт-Петербурга исполнительным органом государственной власти Санкт-Петербурга, установлен судом первой инстанции и подтверждается материалами дела (акт осмотра от... с фототаблицей и ситуационным планом, протоколом от... об административном правонарушении).

Таким образом, суды, рассматривая дела в период с 2018 по 2020 год (в том числе значительную часть в порядке упрощенного производства), фактически не учитывали положения пункта 1.7 Правил благоустройства, в котором раскрыто понятие вывески (в редакции, действовавшей до 16 октября 2020 года) как объекта для размещения информации о фирменном наименовании (наименовании) организации, месте ее нахождения (адресе) и режиме ее работы, не требующего наличия разрешения на размещение.

Такое понятие вывески полностью корреспондируется с требованием пункта 1 статьи 9 Закона Российской Федерации от 07.02.92 № 2300-1 «О защите прав потребителей», согласно которому изготовитель (исполнитель, продавец) обязан довести до сведения потребителя фирменное наименование (наименование) своей организации, место ее нахождения (адрес) и режим ее работы путем размещения указанной информации на вывеске.

В соответствии с положениями Федерального закона от 30.12.06 № 271-ФЗ «О розничных рынках и о внесении изменений в Трудовой кодекс Российской

Федерации» при входе на рынок должна быть размещена вывеска, оформленная на русском языке и при необходимости на других языках народов Российской Федерации, с указанием типа рынка, его наименования, режима его работы, наименования управляющей рынком компании (часть 3 статьи 12).

Федеральный закон от 24.11.95 № 181-ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» предусматривает обязанность федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления (в сфере установленных полномочий), организаций независимо от их организационно-правовых форм обеспечивать инвалидам надлежащее размещение носителей информации, необходимых для обеспечения беспрепятственного доступа инвалидов к объектам социальной, инженерной и транспортной инфраструктуры и к услугам с учетом ограничений жизнедеятельности инвалидов; дублирование необходимой для инвалидов звуковой и зрительной информации, а также надписей, знаков и иной текстовой и графической информации знаками, выполненными рельефно-точечным шрифтом Брайля (пункты 5, 6 статьи 15).

При этом Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях предусмотрена административная ответственность за нарушение права потребителя на получение необходимой и достоверной информации об изготовителе, о продавце, об исполнителе и о режиме их работы (часть 1 статьи 14.8), а также за уклонение от исполнения требований к обеспечению доступности для инвалидов объектов социальной, инженерной и транспортной инфраструктуры и предоставляемых услуг (статья 9.13).

Специальные требования к вывескам и их размещению установлены и в ряде других сфер общественных отношений.

Так, в соответствии с Основами законодательства Российской Федерации о нотариате, утвержденными Верховным Советом Российской Федерации 11.02.93 № 4462-1, Федеральная нотариальная палата утверждает стандарты оформления (макет) вывески и указателей при входе в здание или помещение нотариальной конторы, их предельные размеры и перечень размещаемой на них информации (статья 30).

Обязанность субъекта розничной торговли, осуществляющего торговлю товарами аптечного ассортимента, размещать вывеску, а также требования к ее содержанию и внешнему виду установлены Правилами надлежащей аптечной практики лекарственных препаратов для медицинского применения, утвержденными приказом Министерства здравоохранения Российской Федерации от 31.08.16 № 647н (раздел V, пункт 22).

Инструкцией о порядке изготовления, учета, использования, хранения и уничтожения бланков с изображением Государственного герба Российской Федерации, оформления и размещения вывесок федеральных судов общей юрисдикции, федеральных арбитражных судов, утвержденной приказом

Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации от 29.03.13 № 66, установлены требования к вывеске федерального суда общей юрисдикции и федерального арбитражного суда, включая, в частности, требования к месту ее размещения, содержанию, конструкции, форме, размеру, высоте и цвету букв, а также фону (пункты 1.3, 4.3, 4.4, 4.7).

Приведенные федеральные нормативные правовые акты, устанавливая случаи обязательного размещения вывесок, а также требования к их содержанию и внешнему виду, не связывают, однако, размещение вывесок с получением какого-либо разрешения от органов государственной власти субъекта Российской Федерации или органов местного самоуправления.

Не предусматривают данные нормативные правовые акты и возможность введения разрешительного порядка размещения соответствующих вывесок на уровне субъекта Российской Федерации или муниципального образования, на что указала *Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда Российской Федерации в апелляционном определении от 09.08.17 № 51-АПГ17-13*.

С начала 2020 года судебная практика по таким делам изменилась в связи с принятием Уставным судом Санкт-Петербурга постановления от 29.01.20 № 001/20-П.

Уставный суд Санкт-Петербурга признал положения пункта 2 статьи 16 Закона Санкт-Петербурга № 273-70 в той части, в которой на основании указанных законоположений решается вопрос о привлечении лица к административной ответственности за самовольную установку или перемещение вывески без разрешения, выданного уполномоченным Правительством Санкт-Петербурга исполнительным органом государственной власти Санкт-Петербурга, а равно эксплуатацию вывески, установленной и (или) перемещенной самовольно, без разрешения, выданного уполномоченным Правительством Санкт-Петербурга исполнительным органом государственной власти Санкт-Петербурга, не соответствующими Уставу Санкт-Петербурга, его положениям преамбулы, пункта 1 статьи 1, пункта 1 статьи 2, подпунктов 1 и 2 пункта 1, пунктов 2 и 3 статьи 11.

Таким образом, Уставный суд Санкт-Петербурга признал положения пункта 2 статьи 16 Закона Санкт-Петербурга № 273-70 не соответствующими Уставу Санкт-Петербурга только относительно одного вида объекта для размещения информации — вывески, а не всего перечня объектов для размещения информации.

Как следствие, оценка спорного объекта с восприятием его содержания и внешнего вида (оформления) как вывески стала для судов значимым обстоятельством.

Между тем суды первой и апелляционной инстанций, учтя названное постановление Уставного суда Санкт-Петербурга, ошибочно восприняли его как признание положений пункта 2 статьи 16 Закона Санкт-Петербурга № 273-70 не соответствующими Уставу Санкт-Петербурга в целом, то есть распространили такое исключение на все виды объектов для размещения информации.

Оценка спорного объекта с восприятием его содержания и внешнего вида (оформления) как вывески стала для судов значимым обстоятельством.

Анализ судебной практики за 2020 год показал, что ее формирование по вышеназванной статье зависело не столько от трудности правоприменения и от субъективной оценки судом такого объекта в качестве вывески либо возможности отнесения его к иным объектам для размещения информации (при прочих элементах доказанности состава правонарушения для возможного привлечения лица к административной ответственности по части 2 статьи 16 Закона Санкт-Петербурга № 273-70), сколько явилось следствием ошибочного восприятия (толкования) постановления Уставного суда Санкт-Петербурга от 29.01.20 № 001/20-П.

Со второй половины 2020 года (с учетом позиции Арбитражного суда Северо-Западного округа, изложенной в делах № А56-88051/2019, А56-104067/2019, А56-130783/2019, А56-118548/2019) для разрешения вопроса о возможном привлечении к ответственности (применительно к понятийному толкованию вывески) суды первой и апелляционной инстанций стали устанавливать содержание и внешнее оформление спорного «объекта для размещения информации» в каждом конкретном деле, тем самым решая важный вопрос о возможности/невозможности отнесения такого объекта к вывеске, на размещение которой не требуется разрешение уполномоченного органа.

Судами учтена также действующая в настоящее время редакция пункта 1.7 Правил благоустройства (в редакции постановления Правительства Санкт-Петербурга от 16.10.20 № 854, действующей с 16 октября 2020 года), согласно которой вывесками являются объекты для размещения информации об организации, индивидуальном предпринимателе в целях уведомления неопределенного круга лиц о месте своего расположения: фирменное наименование (наименование), коммерческое обозначение, изображение товарного знака, знака обслуживания, место нахождения (адрес), режим работы, профиль деятельности и(или) вид(-ы) реализуемых товаров.

В настоящее время никаких затруднений означенный вопрос у судов не вызывает.

Необходимо также отметить следующее.

Заявители, оспаривая постановления административных органов о привлечении к ответственности по пункту 2 статьи 16 Закона Санкт-Петербурга № 273-70, в случае установления судами, что спорный объект не является вывеской в понятии, данном в пункте 1 статьи 9 Закона Российской Федерации от 07.02.92 № 2300-1 «О защите прав потребителей», тем не менее полагали такое привлечение незаконным.

При этом заявители ссылались на то, что положения названного пункта признаны постановлением Уставного суда Санкт-Петербурга от 29.01.20 № 001/20-П не соответствующими Уставу Санкт-Петербурга (его положениям преамбулы, пункта 1 статьи 1, пункта 1 статьи 2, подпунктов 1 и 2 пункта 1, пунктов 2 и 3 статьи 11), а Законом Санкт-Петербурга от 09.07.20 № 335-75 «О внесении изменений в Закон Санкт-Петербурга „Об административных правонарушениях в Санкт-Петербурге“» пункт 2 статьи 16 Закона Санкт-Петербурга № 273-70 исключен (дела № А56-9763/2020, А56-10401/2020, А56-134644/2019).

Данный довод получил неоднозначную оценку судов первой инстанции, частично с ними согласился и суд апелляционной инстанции.

В рамках рассмотрения дел № А56-88051/2019, А56-113632/2019, А56-130783/2019, А56-118548/2019, А56-14091/2020 суд округа обратил внимание на то, что действительно Законом Санкт-Петербурга от 09.07.20 № 335-75 (принят Законодательным собранием Санкт-Петербурга 23.06.20; опубликован на официальном сайте Администрации Санкт-Петербурга 10.07.20; вступил в законную силу через 10 дней после его официального опубликования) пункт 2 статьи 16 Закона Санкт-Петербурга № 273-70 исключен; при этом означенная статья дополнена новым пунктом 3 следующего содержания:

«Самовольная установка или перемещение объекта для размещения информации без разрешения, выданного уполномоченным Правительством Санкт-Петербурга исполнительным органом государственной власти Санкт-Петербурга, а равно эксплуатация указанных объектов без разрешения, выданного уполномоченным Правительством Санкт-Петербурга исполнительным органом государственной власти Санкт-Петербурга, если такое разрешение обязательно, влечет предупреждение или наложение административного штрафа на граждан в размере от двух тысяч до пяти тысяч рублей; на должностных лиц — от десяти тысяч до двадцати тысяч рублей; на юридических лиц — от тридцати тысяч до ста тысяч рублей».

Таким образом, в пункте 3 статьи 16 названного закона дополнительно внесена оговорка «если такое разрешение обязательно», при сохранении аналогичной административной ответственности в виде соответствующих санкций.

Основанием для внесения указанного условия послужило постановление Уставного суда Санкт-Петербурга от 29.01.20 № 001/20-П.

В заключение следует признать, что после вынесения оспариваемых постановлений о привлечении к административной ответственности по пункту 2 статьи 16 Закона Санкт-Петербурга № 273-70 обязанность лиц, за неисполнение которой они привлечены к ответственности, не устранена; в настоящее время ответственность за такое правонарушение предусмотрена пунктом 3 статьи 16 Закона Санкт-Петербурга № 273-70 и не смягчена. Указанное делает невозможным применение положений части 2 статьи 1.7 «Действие законодательства об административных правонарушениях во времени» Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях с учетом разъяснений, содержащихся в постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 14.07.15 № 20-П, в пункте 33.2 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24.03.05 № 5 «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» (в редакции постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19.12.13 № 40), в пунктах 1 и 2 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 22.06.12 № 37 «О некоторых вопросах, возникающих при устранении ответственности за совершение публично-правового правонарушения».

СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА. АНАЛИЗ

О судебной практике кассационной инстанции по спорам, связанным с определением таможенной стоимости товаров

Александрова Екатерина Николаевна

Судья Арбитражного суда Северо-Западного округа

Стафеева Светлана Евгеньевна

Помощник судьи Арбитражного суда Северо-Западного округа

Правильное определение таможенной стоимости товаров имеет важное значение для участников внешнеэкономической деятельности, а также для участников предпринимательской деятельности на территории Российской Федерации, для обеспечения фискальной функции государства, поскольку является базой для исчисления таможенных пошлин, влияет на уровень цен на внутреннем рынке Российской Федерации.

В период с 2018 по 2021 год суды рассматривали споры о правомерности корректировки таможенной стоимости товаров, произведенной на стадии таможенного контроля до выпуска товаров, основываясь на представленных и раскрытых декларантом во время таможенного контроля документах и сведениях.

Перед судами также стояли вопросы о недостоверном декларировании в случаях выявления таможен по результатам таможенного контроля фактов предъявления таможенным и иным уполномоченным государственным органам в стране отправления и в стране назначения в отношении одного и того же товара документов, различающихся в части его стоимости.

Появились споры о подтверждении расходов, понесенных на перевозку товара по территории Евразийского экономического союза, для их вычета из таможенной стоимости товара, а также дела о включении в таможенную стоимость ввезенных товаров платежей по лицензионным соглашениям, роялти, дивидендов, выплаченных иностранному поставщику, являющемуся взаимосвязанным с покупателем лицом.

Ключевые слова: таможенная стоимость, корректировка таможенной стоимости, ТК ЕАЭС, ТК ТС, первый метод определения таможенной стоимости, резервный метод, недостоверное декларирование, таможенный орган страны отправления, бремя доказывания влияния взаимосвязи сторон сделки на цену, расходы на перевозку ввозимых товаров, расходы на экспедиторские услуги, включение в таможенную стоимость лицензионных платежей, включение в таможенную стоимость платежей за использование роялти, включение в таможенную стоимость дивидендов.

Вопросы определения таможенной стоимости товаров в 2018–2021 годах по-прежнему являлись актуальными в практике арбитражных судов Северо-Западного округа.

Таможенная стоимость, как это указано в статье 51 применяемого с 1 января 2018 года Таможенного кодекса Евразийского экономического союза

(далее — ТК ЕАЭС), в зависимости от вида товара и применяемых видов ставок является базой для исчисления таможенных пошлин. В свою очередь, исчисляемые от таможенной стоимости суммы таможенных платежей составляют значительную часть поступлений в федеральный бюджет. Соответственно, правильное определение таможенной стоимости имеет важное значение для обеспечения фискальной функции государства, а также выступает гарантией реализации принципа равного и справедливого налогообложения. Кроме того, именно таможенная стоимость товаров влияет на уровень цен на внутреннем рынке Российской Федерации.

Нормативные положения о таможенной стоимости товаров закреплены в главе 5 ТК ЕАЭС, а разъяснения о практике их применения приведены в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации (далее — ВС РФ) от 26.11.19 № 49 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике в связи с вступлением в силу Таможенного кодекса Евразийского экономического союза» (далее — постановление № 49).

При рассмотрении данной категории споров суды исходят из следующего.

В соответствии с пунктом 10 статьи 38 ТК ЕАЭС таможенная стоимость товаров и сведения, относящиеся к ее определению, должны основываться на достоверной, количественно определяемой и документально подтвержденной информации.

Согласно пункту 15 статьи 38 ТК ЕАЭС основой таможенной стоимости ввозимых товаров должна быть в максимально возможной степени стоимость сделки с этими товарами в значении, определенном статьей 39 ТК ЕАЭС.

Таможенной стоимостью ввозимых товаров является стоимость сделки с ними, то есть цена, фактически уплаченная или подлежащая уплате за эти товары при их продаже для вывоза на таможенную территорию Евразийского экономического союза (далее — ЕАЭС, Союз) и дополненная в соответствии со статьей 40 ТК ЕАЭС (пункт 1 статьи 39 ТК ЕАЭС).

Ценой, фактически уплаченной или подлежащей уплате за ввозимые товары, является общая сумма всех платежей за эти товары, осуществленных или подлежащих осуществлению покупателем непосредственно продавцу или иному лицу в пользу продавца. При этом платежи могут быть осуществлены прямо или косвенно в любой форме, не запрещенной законодательством государств-членов (пункт 3 статьи 39 ТК ЕАЭС).

При проведении таможенного контроля таможенной стоимости товаров, заявленной при таможенном декларировании, таможенным органом осуществляется проверка правильности определения и заявления таможенной стоимости товаров (выбора и применения метода определения таможенной стоимости товаров, структуры и величины таможенной стоимости товаров, документального подтверждения сведений о таможенной стоимости товаров) (пункт 1 статьи 313 ТК ЕАЭС).

В силу пункта 17 статьи 325 ТК ЕАЭС при завершении проверки таможенных, иных документов и (или) сведений в случае, если представленные в соответствии с данной статьей документы и (или) сведения либо объяснения причин, по которым такие документы и (или) сведения не могут быть представлены и (или) отсутствуют, либо результаты таможенного контроля в иных формах и (или) таможенной экспертизы товаров и (или) документов, проведенных в рамках такой проверки, не подтверждают соблюдение положений ТК ЕАЭС, иных международных договоров и актов в сфере таможенного регулирования и законодательства государств-членов, в том числе достоверность и (или) полноту проверяемых сведений, и (или) не устраняют оснований для проведения проверки таможенных, иных документов и (или) сведений, таможенным органом на основании информации, имеющейся в его распоряжении, принимается решение о внесении изменений (дополнений) в сведения, заявленные в таможенной декларации, в соответствии со статьей 112 ТК ЕАЭС.

Как разъяснено в пункте 11 постановления № 49, отсутствие подтверждения сведений о таможенной стоимости, заявленных в таможенной декларации и (или) содержащихся в иных представленных таможенному органу документах, а также выявление таможенным органом признаков недостоверного определения таможенной стоимости само по себе не может выступать основанием для вывода о неправильном определении таможенной стоимости декларантом, а является основанием для проведения таможенного контроля таможенной стоимости товаров в соответствии со статьей 313, пунктом 4 статьи 325 ТК ЕАЭС.

При проведении такой проверки таможенный орган, осуществляя публичные полномочия, обязан предоставить декларанту реальную возможность устранения возникших сомнений в достоверности заявленной им таможенной стоимости, в связи с чем не может произвольно отказаться от использования закрепленного в пункте 15 статьи 325 ТК ЕАЭС права на запрос у декларанта документов и (или) сведений, в том числе письменных пояснений, необходимых для установления достоверности и полноты проверяемых сведений, заявленных в таможенной декларации, и (или) сведений, содержащихся в иных документах.

В пункте 13 постановления № 49 указано, что, основываясь на положениях пункта 13 статьи 38, пункта 17 статьи 325 ТК ЕАЭС, таможенный орган принимает решение о внесении изменений (дополнений) в сведения о таможенной стоимости, заявленные в таможенной декларации, по результатам проверки таможенных, иных документов и (или) сведений, начатой до выпуска товаров, если соответствие заявленной таможенной стоимости товаров их действительной стоимости не нашло своего подтверждения по результатам таможенного контроля, в том числе при сохранении признаков недостоверности заявленной таможенной стоимости, не устраненных по результатам таможенного контроля.

Правильное определение таможенной стоимости имеет важное значение для обеспечения фискальной функции государства, а также выступает гарантией реализации принципа равного и справедливого налогообложения.

В связи с этим при разрешении споров, касающихся правильности определения таможенной стоимости ввозимых товаров, судам следует учитывать, какие признаки недостоверного определения таможенной стоимости были установлены таможенным органом и нашли свое подтверждение в ходе проведения таможенного контроля, в том числе с учетом документов (сведений), собранных таможенным органом и дополнительно представленных декларантом.

Непредставление декларантом документов (сведений), обосновывающих заявленную им таможенную стоимость товара, само по себе не может повлечь принятие таможенным органом решения о внесении изменений (дополнений) в сведения о таможенной стоимости, заявленные в таможенной декларации, если у декларанта имелись объективные препятствия к представлению запрошенных документов (сведений) и соответствующие объяснения даны таможенному органу.

Вместе с тем при сохранении неполноты документального подтверждения таможенной стоимости и (или) сомнений в достоверности заявленной декларантом таможенной стоимости, не устраненных по результатам таможенного контроля, по смыслу пункта 17 статьи 325 ТК ЕАЭС решение о внесении изменений (дополнений) в сведения о таможенной стоимости, заявленные в таможенной декларации, может быть принято таможенным органом с учетом информации, имеющейся в его распоряжении и указывающей на подтверждение того, что таможенная стоимость ввозимых товаров не соответствует их действительной стоимости.

Задачами настоящей работы являются анализ изменений, произошедших в практике разрешения данной категории споров по сравнению с предшествующими периодами, а также обозначение подходов, применяемых кассационной инстанцией при рассмотрении дел о корректировке таможенной стоимости.

Количественные показатели свидетельствуют о некотором снижении числа названных споров.

Так, если в 2018 году Арбитражным судом Северо-Западного округа было рассмотрено 97 дел, в рамках которых проверялась законность решений таможенных органов по вопросам определения таможенной стоимости товаров, то в 2019 году таких дел было 74, в 2020-м — 57, в первом полугодии 2021-го — 31.

При этом, если сравнить споры, рассмотренные арбитражными судами округа в 2014–2017 годах, и споры, разрешенные в 2018–2021 годах, можно увидеть, что по своему содержанию — основаниям, в связи с которыми таможенные органы принимали оспариваемые решения, — дела данной категории существенно изменились.

Как и ранее, часть споров обусловлена выявлением таможенными органами фактов занижения таможенной стоимости товаров по сравнению с ценовой информацией, имеющейся в распоряжении таможни, и неустранением декларантом возникших у таможни сомнений в достоверности заявленных сведений о таможенной стоимости, которые, как правило, вызваны неполнотой представленных при декларировании документов либо несоответствиями, противоречиями в них. Вместе с тем теперь лишь незначительное число дел касается вопросов включения в структуру таможенной стоимости лицензионных платежей, исчезли из практики суда округа споры, связанные с невключением в таможенную стоимость платежей по договорам лизинга, тогда как появились и дошли до кассационной инстанции споры о подтверждении расходов, понесенных на перевозку товара по территории ЕАЭС, для их вычета из таможенной стоимости товаров, а также дела о включении в таможенную стоимость ввезенных товаров дивидендов, выплаченных иностранному поставщику, являющемуся взаимосвязанным с покупателем лицом.

Несколько изменилось по сравнению с предыдущими периодами и соотношение споров, разрешенных в пользу участников внешнеэкономической деятельности (ВЭД).

Если в течение длительного периода времени в Северо-Западном округе до 80% судебных актов по спорам о корректировке таможенной стоимости принимались не в пользу таможенных органов, то начиная с 2016–2017 годов тенденция изменилась: сейчас в пользу участников ВЭД разрешается порядка 60% споров, соответственно, в пользу таможенных органов принимается до 40% судебных актов от общего числа дел, связанных с определением таможенной стоимости товаров.

В числе факторов, послуживших причиной такого изменения, следует отметить разъяснения, данные ВС РФ в постановлении Пленума от 12.05.16 № 18 «О некоторых вопросах применения судами таможенного законодательства» (далее — постановление № 18), в пункте 11 которого, по сути, **введено ограничение на представление декларантами в ходе судебного разбирательства в качестве доказательств новых документов, которые ранее не представлялись ими в таможенные органы при декларировании таможенной стоимости и в ходе таможенного контроля** (в настоящее время аналогичные разъяснения содержатся в пункте 14 постановления № 49).

Так, в пункте 11 постановления № 18 указано, что, рассматривая споры о правомерности корректировки таможенной стоимости, произведенной в рамках

таможенного контроля до выпуска товаров, судам следует учитывать, что исходя из взаимосвязанных положений статей 65–69 Таможенного кодекса Таможенного союза решение о корректировке принимается таможенным органом в соответствии с тем объемом документов и сведений, которые были им собраны и раскрыты декларантом на данной стадии.

Ввиду того, что судебное разбирательство не должно подменять осуществление таможенного контроля в соответствующей административной процедуре, новые доказательства признаются относимыми к делу и могут быть приняты (истребованы) судом, если ходатайствующее об этом лицо обосновало наличие объективных препятствий для получения этих доказательств до вынесения оспариваемого решения таможенного органа (пункты 8, 9 постановления № 18).

В частности, новые доказательства могут быть приняты судом, если со стороны таможенного органа декларанту не была обеспечена возможность устранения сомнений в достоверности заявленной таможенной стоимости. Представляемые таможенным органом новые доказательства принимаются судом, если обоснованы объективные причины, препятствовавшие их своевременному получению до вынесения решения о корректировке таможенной стоимости.

Данный правовой подход применяется судами округа.

... Например, по делу № А56-69176/2019, в рамках которого общество оспаривало законность решения таможни о внесении изменений (дополнений) в сведения, заявленные в декларации на товары, в связи с корректировкой таможенной стоимости, суд апелляционной инстанции отклонил ссылки заявителя на документы, представленные только в ходе судебного разбирательства и не представлявшие в таможенный орган.

Как следует из материалов дела, общество ввезло на таможенную территорию Союза товар (колеса ходовые из стали в сборе с шинами для грузовых автомобилей), заявив его таможенную стоимость по первому методу — по стоимости сделки с ввозимыми товарами.

Поскольку в распоряжении таможенного органа имелась информация о более высокой стоимости сделок с товарами того же класса или вида, ввозимыми при сопоставимых условиях, по сравнению с заявленной декларантом, таможня направила обществу запрос о представлении дополнительных документов для подтверждения правильности определения таможенной стоимости товара.

Проанализировав представленные по запросу обществом, а также компанией-перевозчиком документы, таможня пришла к выводу о том, что поставка товара осуществлена не на согласованных в контракте (СРТ-Выборг), а на иных условиях.

Таможня установила, что фактически товар был доставлен до пункта Котка (Финляндия), откуда перевозчик доставил товар в Санкт-Петербург (Россия),

перевозка товара по указанному маршруту оплачена декларантом, однако документы, подтверждающие несение таких расходов и включение их в структуру таможенной стоимости, при декларировании товара, а также в ходе проверки по запросу таможенного органа обществом представлены не были.

Обратившись в суд, общество в подтверждение своих доводов представило дополнительное соглашение к внешнеторговому контракту, которым был изменен порядок поставки. В названном соглашении стороны определили, что с целью ускорения поставки товаров и минимизации сроков простоя (демередж) в порту покупатель оплачивает доставку товаров от порта разгрузки Котка (Финляндия) до согласованного места Выборг (Россия).

Исходя из разъяснений, приведенных в пункте 14 постановления № 49, апелляционный суд отклонил ссылки заявителя на упомянутое дополнительное соглашение. Суд указал, что ввиду непредставления декларантом указанного дополнительного соглашения таможен, получив от перевозчика документы о порядке доставки товара, обоснованно заключила, что заявленные обществом при декларировании условия поставки не соответствуют фактическим обстоятельствам, установленным таможенным органом в ходе проверки.

Таким образом, недостоверное заявление декларантом таможенной стоимости, в том числе в связи с использованием сведений, не отвечающих требованиям пункта 10 статьи 38 ТК ЕАЭС о достоверности, количественной определенности и документальной подтвержденности информации, является основанием для принятия таможенным органом оспариваемого решения о внесении изменений в декларацию в отношении таможенной стоимости.

Поскольку выявленные таможенным органом признаки недостоверности заявленной таможенной стоимости декларантом в ходе проведения проверки не были устранены, суд апелляционной инстанции пришел к выводу о правомерном внесении изменений в декларацию в отношении таможенной стоимости рассматриваемого товара. Ценовую информацию, использованную таможенным органом, суд признал отвечающей требованиям таможенного законодательства, в связи с чем отказал в признании оспариваемого решения недействительным.

Суд округа согласился с данным решением, отметив, что причины непредставления дополнительного соглашения и документов, подтверждающих порядок доставки товара, при декларировании товара, а также по запросу таможенного органа общество не указало. Объективные обстоятельства, препятствующие представлению названных документов в таможенную декларацию, декларантом не приведены и судами также не установлены.

Определением ВС РФ от 01.09.20 № 307-ЭС20-10847 обществу отказано в передаче дела в Судебную коллегия по экономическим спорам ВС РФ.

Другим фактором, внесшим коррективы в судебную практику по рассматриваемой категории споров, явилась правовая позиция,

сформулированная в пункте 9 постановления № 18 и отраженная в *определениях Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 23.12.15 № 303-КГ15-10416 и 303-КГ15-10774, от 03.05.17 № 306-КГ16-15912, от 07.06.17 № 306-КГ16-16638*, согласно которой **от лица, ввозящего на таможенную территорию товар по цене, значительно отличающейся от сопоставимых цен идентичных (однородных) товаров, разумно ожидать поведения, направленного на заблаговременное собирание доказательств, подтверждающих действительное приобретение товара по такой цене и доступных для получения в условиях внешнеторгового оборота.**

Кроме того, в *определении от 07.06.17 № 306-КГ16-16638 по делу № А06-8845/2014* ВС РФ отметил, что при разрешении данной категории споров необходимо учитывать полноту и достаточность представленных декларантом при декларировании и в ходе дополнительной проверки документов для целей подтверждения заявленных сведений о таможенной стоимости.

... По упомянутому делу такие документы, как прайс-лист продавца (производителя товара), на основании которого можно было бы проанализировать сведения о стоимости ввозимого товара в стране отправления и объяснить причины отличия цены сделки от цены на однородный товар, а также экспортная декларация, позволившая бы уточнить сведения, заявленные продавцом при вывозе товара в соответствии с законодательством страны вывоза, декларантом представлены не были, что не позволило таможенному органу устранить послужившие основанием для проведения дополнительной проверки сомнения в достоверности сведений о заявленной в декларации таможенной стоимости товаров и правомерности ее определения по цене сделки на основании представленных обществом документов.

Данные обстоятельства в совокупности с тем, что по названному делу суды не дали надлежащей оценки информации, представленной таможенным органом, по сделкам с идентичными/однородными товарами, ввезенными в Российскую Федерацию при сопоставимых условиях, послужили основанием для отмены ВС РФ принятых по делу судебных актов судов первой, апелляционной и кассационной инстанций и принятия нового решения — об отказе в удовлетворении заявленных требований о возврате излишне уплаченных таможенных платежей в связи с необоснованной корректировкой таможенной стоимости.

В этой связи необходимо отметить еще одну особенность рассматриваемой категории споров: решение по делу зависит от анализа и оценки судебными инстанциями значительного числа доказательств в их совокупности и взаимной связи, по результатам которых суды могут сделать вывод о подтвержденности либо неподтвержденности представленными декларантом документами заявленных сведений о таможенной стоимости.

В качестве примера оценки судебными инстанциями документов, представленных в подтверждение заявленных сведений о таможенной стоимости, исходя из сформулированных ВС РФ подходов можно привести дело № А56-20330/2017.

... Общество оспаривало законность решений таможенного органа о корректировке таможенной стоимости интегральных схем (микропроцессоров) Intel.

При таможенном оформлении данного товара его таможенная стоимость была заявлена декларантом по первому методу определения таможенной стоимости — по стоимости сделки с ввозимыми товарами согласно статье 4 действовавшего в спорный период Соглашения между Правительством Российской Федерации, Правительством Республики Беларусь и Правительством Республики Казахстан от 25.01.08 «Об определении таможенной стоимости товаров, перемещаемых через таможенную границу Таможенного союза» (далее — Соглашение от 25.01.08). В подтверждение заявленных сведений общество при декларировании представило инвойсы, международные товарно-транспортные накладные, гарантийные сертификаты, упаковочные листы, спецификации, расчет цены контракта и иные документы. Товары были выпущены таможней в соответствии с заявленной таможенной процедурой «выпуск для внутреннего потребления».

В дальнейшем в ходе камеральной проверки таможня выявила признаки, свидетельствующие о недостоверности заявленных сведений о таможенной стоимости товаров, в том числе значительное расхождение заявленной таможенной стоимости с ценовой информацией, имеющейся в распоряжении таможенного органа. В связи с этим таможня запросила у декларанта дополнительные документы и сведения, а также направила запросы отправителю товаров, производителю продукции (компании Intel) и его представительству в Российской Федерации, компаниям, осуществляющим перевозку спорного товара, и организациям, которым реализована часть товара.

В ответ на требования таможенного органа заявитель представил запрашиваемые документы лишь частично. Также лишь частично были исполнены запросы таможенного органа иными лицами.

Посчитав, что представленные документы не позволили определить таможенную стоимость ввозимого товара по первому методу и не устранили сомнения в достоверности заявленных декларантом сведений, таможня приняла решения о корректировке таможенной стоимости товаров по резервному методу определения таможенной стоимости, доначислила таможенные платежи и направила декларанту требования об их уплате.

Суд первой инстанции удовлетворил требования декларанта, придя к выводу о том, что у таможни отсутствовали правовые и фактические основания для корректировки таможенной стоимости товаров, поскольку заявитель

представил документы, подтверждающие таможенную стоимость товара по стоимости сделки с ввозимыми товарами (по первому методу); использованные им данные являются количественно определенными и достоверными, содержат необходимую информацию о цене товара, об условиях поставки и оплаты. Таможней, в свою очередь, не доказана невозможность применения заявленного декларантом метода определения таможенной стоимости товара, а также невозможность использования представленных документов.

Апелляционный суд установил, что декларантом не представлены прайс-лист производителя и экспортная декларация страны отправления, а имеющиеся сведения не основаны на достоверной, количественно определенной и документально подтвержденной информации, что не позволило таможенному органу устранить сомнения в достоверности заявленных сведений и применить метод определения таможенной стоимости по стоимости сделки с ввозимыми товарами. Представленными документами и пояснениями также не обоснован объективный характер отличия цен на декларируемые товары от ценовой информации, содержащейся в базах данных таможни. Использованные таможенным органом источники ценовой информации признаны приемлемыми и сопоставимыми с условиями заключенной обществом сделки. В связи с этим апелляционный суд отменил решение суда первой инстанции и отказал в удовлетворении заявленных требований, с чем согласился и суд округа.

Разрешая спор, суды руководствовались разъяснениями, изложенными в постановлении № 18, в том числе в пунктах 5, 6, 9, 10 и 11, и исходили из того, что примененная сторонами внешнеторговой сделки цена ввозимых товаров не может быть отклонена по мотиву одного лишь несогласия таможенного органа с ее более низким уровнем в сравнении с ценами на однородные (идентичные) ввозимые товары или ее отличия от уровня цен, установившегося во внутренней торговле. Вместе с тем одним из правил таможенной оценки является наделение таможенных органов правом убеждаться в достоверности декларирования таможенной стоимости исходя из действительной стоимости ввозимых товаров, которое реализуется при проведении таможенного контроля. При этом единственным основанием для принятия таможенным органом решения о корректировке таможенной стоимости является ее недостоверное заявление декларантом, в том числе в связи с использованием сведений, не отвечающих установленным требованиям.

С учетом приведенного официального толкования закона суд апелляционной инстанции объективно констатировал отсутствие со стороны общества должной степени раскрытия информации, позволяющей таможене в ходе контрольного мероприятия удостовериться в наличии всех необходимых сведений, подтверждающих обоснованность именно первого метода определения таможенной стоимости товаров (по цене сделки).

Суды установили, что для подтверждения заявленной таможенной стоимости таможня дополнительно запросила у декларанта ряд документов.

Общество представило часть запрошенных документов: копии коносаментов, инвойсов и упаковочных листов; договоры на поставку товаров для продажи на таможенной территории Таможенного союза, дополнительные соглашения и спецификации к ним; документы о постановке на учет и реализации ввезенных товаров, товарные накладные и счета-фактуры. При этом декларант сообщил, что дистрибьюторские, дилерские и иные соглашения, заключенные с компанией Intel и иными лицами на поставку товаров, аналогичных/идентичных проверяемым, не могут быть представлены в связи с их отсутствием у декларанта; прайс-лист изготовителя проверяемых товаров и прайс-лист продавца на оцениваемые, идентичные, однородные товары, а также товары того же вида и класса обществу не предоставлялись; скидки к первоначальной цене не предоставлялись; экспортная декларация продавцом также не представлена.

Оценивая законность решения таможенного органа, апелляционный суд отметил, что цена товара «процессор», заявленная при декларировании, составляет от 9,9 доллара США / шт., большая часть цен на рассматриваемые товары также составляет от 11,6 до 12,06 доллара США / шт. Данная информация соответствует уровню цен в коммерческом предложении отправителя товара.

Однако по сведениям за сопоставимый период, имеющимся в распоряжении таможенного органа, цена однородных товаров значительно выше цены товаров, ввезенных обществом, и составляет от 14,2 доллара США / шт. до 700,52 доллара США / шт.; при этом стоимость процессоров Intel не может составлять менее 13 долларов. Цена товара «процессор» различных моделей производства компании Intel публикуется на официальном сайте производителя и является общедоступной.

Суд также принял во внимание, что внешнеторговый контракт, на основании которого осуществлялась поставка, заключен обществом с компанией-продавцом, которая не является ни производителем, ни официальным дистрибьютором компании Intel. Между тем заключение внешнеэкономического контракта напрямую с производителем без участия посредников существенным образом влияет на цену закупаемого товара, которая будет меньше, чем стоимость такого же товара, купленного у посредника, ввиду того, что коммерческая деятельность предполагает получение прибыли.

Из материалов дела не следует, что обществу предоставлялись какие-либо скидки при приобретении товара, вместе с тем цена, которая указана в коммерческом предложении компании-продавца, значительно ниже той, по которой идентичный товар реализовывался покупателям непосредственно самой компанией Intel. Таким образом, представленное обществом коммерческое предложение не подтверждает достоверность заявленной декларантом таможенной стоимости товара.

В свою очередь, общество в ходе камеральной таможенной проверки не представило в таможенный орган ни прайс-лист производителя, ни экспортную

декларацию страны отправления, которые позволили бы таможенному органу устранить сомнения в действительной стоимости товара в стране вывоза. Каких-либо мер для представления запрошенных таможенным органом документов и подтверждения заявленной таможенной стоимости декларант также не предпринял — не запросил продавца о предоставлении прайс-листа и экспортной декларации, хотя такая возможность была предусмотрена контрактом. Не были заявлены декларантом и возражения относительно использованных таможенным органом источников ценовой информации.

На основании изложенного апелляционный суд пришел к выводу о том, что декларант не представил доказательства, устраняющие признаки недостоверности указанных в декларациях сведений о таможенной стоимости, в связи с чем заявленная обществом таможенная стоимость товара не может быть признана документально подтвержденной. Представленными декларантом при таможенном оформлении, в ходе дополнительной проверки и судебного разбирательства документами, сведениями и пояснениями не обоснован объективный характер отличия цен на декларируемые товары от ценовой информации, содержащейся в базах данных таможенных органов. При таких обстоятельствах таможенным органом правомерно приняты оспариваемые решения о корректировке таможенной стоимости товара.

Суд округа согласился с выводами суда апелляционной инстанции, поскольку действия лица, ввозящего товар на таможенную территорию государства, соответствовали бы принципам разумности и осмотрительности, предъявляемым к поведению участников гражданского оборота, если бы такие субъекты при ввозе товаров по цене, значительно отличающейся от цен сделок с однородными товарами, заранее собирали доказательства, подтверждающие цену сделки. Запрашиваемая таможенным органом информация позволила бы ему определить, по каким конкретным причинам имеется отклонение заявленной таможенной стоимости от имеющейся в распоряжении таможенного органа ценовой информации.

В данном случае в ходе таможенного контроля и судебного разбирательства общество в полной мере располагало процедурными (процессуальными) возможностями для защиты своих прав (интересов), однако не реализовало их в объеме, который бы свидетельствовал о своевременности и полноте взаимодействия декларанта с таможенным органом, об адекватности принимаемых декларантом мер для подтверждения заявленной таможенной стоимости.

Таким образом, по названному делу вопрос о значительной разнице между заявленной таможенной стоимостью и фактической стоимостью товаров после ее корректировки либо стоимостью однородных товаров решен с учетом конкретных обстоятельств дела и объема представленных доказательств. Судом апелляционной инстанции дана надлежащая оценка значимым условиям рассматриваемого внешнеторгового контракта, а равно совокупности мер,

принятых декларантом во взаимодействии с таможенной (в рамках таможенного контроля) для полного, последовательного и объективного устранения возникших у таможенного органа обоснованных сомнений в достоверности заявленных обществом сведений о таможенной стоимости.

О недостоверном декларировании сведений о таможенной стоимости товаров следует говорить также в случае выявления таможенной по результатам таможенного контроля фактов предъявления таможенным и иным уполномоченным государственным органам в стране отправления и в стране назначения в отношении одного и того же товара документов, различающихся в части его стоимости, — инвойсов, экспортных деклараций, коносаментов и иных документов, содержащих ценовую информацию.

По сути, речь идет о случаях, когда в распоряжении таможенного органа появляются документы, свидетельствующие о том, что до границы ЕАЭС товар проходил таможенное и иное оформление по одной стоимости, а после границы — по другой, более низкой стоимости. Соответственно, получив такие документы, таможенный орган приходил к выводу о недостоверном декларировании таможенной стоимости и принимал решение о ее корректировке на основе имеющихся в его распоряжении документов.

... Так, по делу № А56-90063/2019 общество на условиях поставки CIF Санкт-Петербург ввезло на таможенную территорию ЕАЭС товар (угорь жареный, замороженный, не фаршированный), задекларировав его таможенную стоимость по первому методу определения таможенной стоимости — по стоимости сделки с ввозимыми товарами, а по части деклараций — по резервному методу.

После выпуска товара в ходе камеральной таможенной проверки от таможенного округа Фучжоу Китайской Народной Республики (КНР) получены документы, на основании которых выданы сертификаты о происхождении задекларированных обществом товаров, — инвойсы и коносаменты, номера которых указаны в декларациях на товары.

В ходе анализа документов Балтийской таможенной выявлены расхождения в сведениях, указанных в инвойсах, представленных обществом при таможенном декларировании товаров, и инвойсах, полученных из КНР, в части информации о стоимости товаров: стоимость товаров, указанная в инвойсах, поступивших по запросу из КНР, выше цены в инвойсах, представленных декларантом при таможенном оформлении товаров. При этом в документах из КНР сведения об отправителе/производителе, получателе товаров, стране происхождения, номерах инвойсов, количестве мест, наименовании и количестве товара, весе нетто, номерах контейнеров совпадают со сведениями, заявленными обществом при декларировании товаров.

По результатам проверки таможенной, исходя из полученных от таможенного округа Фучжоу КНР документов (инвойсы и коносаменты), установлено, что поставка товаров в стране отправления осуществлялась в соответствии с коммерческими документами, отличными от представленных декларантом при таможенном декларировании при ввозе на территорию ЕАЭС; таможенная стоимость товаров существенно занижена.

С учетом изложенного таможен, посчитав, что сведения о таможенной стоимости товара заявлены декларантом недостоверно, приняла решения о внесении изменений (дополнений) в сведения, заявленные в декларациях на товары, определив таможенную стоимость на основе ценовой информации, полученной от таможенного округа Фучжоу КНР.

Законность названных решений явилась предметом судебного разбирательства и подтверждена *постановлением Арбитражного суда Северо-Западного округа от 20.10.20. Определением ВС РФ от 16.04.21 № 307-ЭС20-23455* обществу отказано в передаче дела в Судебную коллегия по экономическим спорам ВС РФ.

По аналогичным спорам Арбитражный суд Северо-Западного округа начиная с 2015 года последовательно формировал подход, согласно которому при наличии у таможенного органа очевидно относимых к рассматриваемым партиям товара документов, свидетельствующих о поставке товара из страны вывоза по иной цене, нежели заявлена декларантом при таможенном оформлении, такие документы не могут быть отклонены судами только на том основании, что при декларировании товара представлены необходимые документы, подтверждающие заявленную таможенную стоимость товара (*дела № А52-2864/2014, А56-9936/2015, А56-6493/2015, А56-15351/2015, А56-80410/2015*).

В подобных ситуациях заявленная декларантом таможенная стоимость может быть признана основанной на достоверной, количественно определенной и документально подтвержденной информации только в случае устранения всех выявленных противоречий относительно таможенной стоимости товара, в том числе выяснения причин имеющих в документах расхождений.

При этом кассационная инстанция исходит из того, что поставка товара в рамках внешнеэкономической деятельности является единым непрерывным процессом, совершаемым сторонами сделки по обе стороны границы, и оформляемые при этом документы должны соответствовать содержанию сделки и не противоречить документам, составленным иностранным контрагентом, включая документы, представляемые им в таможенные органы страны отправления.

Данный правовой подход отражен и в практике арбитражных судов других округов: *постановлениях Арбитражного суда Дальневосточного округа по делам № А51-22435/2017, А51-9111/2018, А51-9112/2018, А51-10004/2018, А51-10002/2018, А51-9106/2018, А51-20586/2018, А51-25959/2018, Арбитражного суда*

Западно-Сибирского округа по делам № А03-11489/2018, А03-12856/2019, Арбитражного суда Московского округа по делу № А41-67059/2019, Арбитражного суда Центрального округа по делу № А62-5869/2019, Арбитражного суда Северо-Кавказского округа по делу № А32-291/2018.

На наш взгляд, при выявлении противоречий и расхождений в документах, подтвержденных отвечающими критериям допустимости и достоверности доказательствами, следует признать, что таможенный орган в соответствии с требованиями части 5 статьи 200 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (далее — АПК РФ) доказал, как минимум, наличие обоснованных сомнений в достоверности заявленных сведений о таможенной стоимости ввозимого товара, и теперь в силу требований статьи 65 АПК РФ именно на декларанта возлагается бремя устранения таких сомнений — путем доказывания, что оформление различных по содержанию документов обусловлено иной целью, нежели намеренное введение таможенного органа в заблуждение относительно цены ввозимого на территорию ЕАЭС товара. В случае же неустранения возникших у таможи сомнений суды справедливо констатируют заявление декларантом недостоверных сведений о таможенной стоимости товаров.

В рассматриваемый период практика Арбитражного суда Северо-Западного округа по данным спорам складывалась в целом единообразно (иной правовой подход на уровне кассационной инстанции имел место только *по делу № А56-66825/2019*). Вместе с тем суды первой и апелляционной инстанций испытывали очевидные затруднения с правильным распределением бремени доказывания: именно по названным спорам в округе много отмен судебных актов этих инстанций.

Так, в 2018–2021 годах кассационной инстанцией рассмотрено восемь дел, в рамках которых основанием для принятия таможенной решений о внесении изменений в декларации послужили факты оформления в отношении одного и того же товара двух экземпляров инвойсов, экспортных деклараций либо коносаментов и иных документов, содержащих разную информацию о стоимости товара. Из этих восьми дел только по трем делам судебные акты первой и апелляционной инстанций оставлены судом округа без изменения (*дела № А56-100026/2017, А56-83130/2019, А56-47720/2020*), тогда как по пяти делам судебные акты отменены с принятием судом кассационной инстанции нового решения по спору либо с направлением дела на новое рассмотрение в суд первой инстанции ввиду неполного выяснения обстоятельств и несоответствия выводов судов имеющимся в деле доказательствам (*дела № А56-97178/2017, А56-72058/2017, А56-38730/2019, А56-90063/2019, А56-15561/2020*).

... В частности, *по делу № А56-90063/2019*, удовлетворяя заявленные требования и признавая выводы таможи о заявлении недостоверных сведений о таможенной стоимости товара необоснованными, судебные инстанции отметили,

что инвойсы, которые получены в Китае, по оформлению не соответствуют рекомендациям Европейской экономической комиссии Организации объединенных наций (ЕЭК ООН), в них отсутствует подпись продавца товара, в то время как в инвойсах, представленных при декларировании товара, такая подпись имеется и, кроме того, она совпадает с подписями в заключенных контрактах. В инвойсах из КНР указан базис поставки FOB, что не соответствует условиям поставки CIF, указанным в инвойсах, представленных обществом при таможенном оформлении. Доказательства того, что товар поставлен именно на условиях FOB, как полагает Балтийская таможня, в материалы дела не представлены.

Суды также приняли во внимание, что декларантом в рамках камеральной таможенной проверки представлены документы по постановке товара на бухгалтерский учет после его ввоза на таможенную территорию ЕАЭС, по реализации его на внутреннем рынке, документы по оплате товара по внешнеторговым контрактам вместе с ведомостями банковского контроля, пояснения по условиям продажи. Данные документы, по мнению судов, в полной мере подтверждают заявленные сведения о таможенной стоимости товара. Согласно отчетам об оценке рыночной стоимости товара его таможенная стоимость соответствует рыночному уровню цен в период покупки товара. В ответ на запрос общества продавцы подтвердили оплату товара в сумме, указанной в инвойсах, представленных при декларировании товара.

Вместе с тем суды не учли, что в основу принятых таможенным органом решений положены установленные исходя из анализа полученных из КНР документов факты оформления по каждой из спорных поставок двух инвойсов, свидетельствующие о том, что в стране отправления поставки осуществлялись в соответствии с коммерческими документами, отличными в части ценовой информации от представленных декларантом при таможенном декларировании товара при ввозе на территорию ЕАЭС.

При таком положении суд округа заключил, что выводы судебных инстанций по существу спора сделаны при неправильном применении положений статьи 65 действовавшего в рассматриваемый период Таможенного кодекса Таможенного союза, статьи 38 ТК ЕАЭС и обусловлены неверным распределением бремени доказывания, а также несоответствием выводов установленным по делу фактическим обстоятельствам.

Кассационная инстанция признала необоснованными доводы заявителя о недопустимости в качестве доказательств документов, полученных от китайской стороны.

В соответствии со статьей 3 Соглашения между Правительством Российской Федерации и Правительством КНР о сотрудничестве и взаимной помощи в таможенных делах от 03.09.94 (далее — Соглашение о сотрудничестве) таможенные службы сторон данного соглашения по собственной инициативе или по запросу предоставляют друг другу всю имеющуюся

информацию, которая может помочь в обеспечении точного взимания ввозных или вывозных таможенных пошлин, налогов и сборов.

По запросу таможенной службы одной стороны таможенная служба другой стороны передает этой таможенной службе информацию, касающуюся в том числе подлинности официальных документов, выданных в отношении грузовой декларации, предъявляемой таможенной службе запрашивающей стороны; были ли товары, ввезенные на территорию государства запрашивающей стороны, законно вывезены с территории государства другой стороны; были ли товары, вывезенные с территории государства запрашивающей стороны, законно ввезены на территорию государства запрашиваемой стороны (статья 5 Соглашения о сотрудничестве).

Таким образом, в установленном названным Соглашением порядке таможенной службой КНР представлены инвойсы и коносаменты, на основании которых в стране вывоза товара уполномоченным органом были оформлены сертификаты о его происхождении, представленные, в свою очередь, при декларировании товара в Российской Федерации по спорным поставкам. При этом действительность сертификатов о происхождении товара, выданных на основании полученных из КНР инвойсов, обществом не оспаривалась.

Несоответствие инвойсов рекомендациям ЕЭК ООН в этом случае не имеет правового значения, поскольку данные документы рассматривались уполномоченным органом КНР при оформлении сертификатов о происхождении товаров как действительные и содержащие достоверные сведения.

При таких обстоятельствах суд округа констатировал, что документы от китайской стороны получены в рамках Соглашения о сотрудничестве, не требуют легализации, являются допустимыми и относимыми к рассматриваемым поставкам доказательствами, следовательно, правомерно расценены таможенным органом как свидетельствующие о недостоверном заявлении сведений о таможенной стоимости ввезенного товара при таможенном оформлении в ЕАЭС.

В данном случае при наличии у таможни обоснованных и документально подтвержденных сомнений в достоверности заявленной декларантом таможенной стоимости товара бремя доказывания обратного в силу статьи 65 АПК РФ перешло на лицо, ввозящее товар.

В ходе камеральной таможенной проверки, а затем в рамках судебного разбирательства декларанту была предоставлена возможность доказать достоверность заявленных сведений о таможенной стоимости товара, вместе с тем в полной мере право подтвердить поставку товара по цене, указанной при декларировании, заявителем не реализовано. В связи с изложенным суд округа отказал обществу в удовлетворении заявленных требований, признав корректировку таможенной стоимости законной.

Еще одной категорией дел, в рамках которых поднимался вопрос о правильном распределении бремени доказывания, стали споры, касающиеся проверки законности решений таможенных органов о корректировке таможенной стоимости в связи с влиянием взаимосвязи сторон сделки на цену, фактически уплаченную или подлежащую уплате за ввезенные товары.

Несмотря на то что этот вопрос был последовательно урегулирован ВС РФ сначала в пункте 19 постановления № 18, а затем в пункте 20 постановления № 49, значительное число дошедших в анализируемый период до суда кассационной инстанции споров обусловлено неверным распределением бремени доказывания.

Как разъяснено в абзаце первом пункта 20 постановления № 49, в соответствии с положениями подпункта 4 пункта 1 и пункта 4 статьи 39 ТК ЕАЭС стоимость сделки с ввозимыми товарами (первый метод) не применяется для целей таможенной оценки ввозимых товаров, если стороны сделки являются взаимосвязанными лицами и имеющаяся между ними взаимосвязь повлияла на цену, фактически уплаченную или подлежащую уплате за эти товары.

Понятие «взаимосвязанные лица» раскрыто в статье 37 ТК ЕАЭС, согласно положениям которой это лица, отвечающие хотя бы одному из перечисленных ниже условий:

- они являются сотрудниками или директорами (руководителями) организаций друг друга;
- они являются юридически признанными деловыми партнерами, то есть связаны договорными отношениями, действуют в целях извлечения прибыли и совместно несут расходы и убытки, связанные с осуществлением совместной деятельности;
- они являются работодателем и работником;
- какое-либо лицо прямо или косвенно владеет, контролирует или является держателем пяти или более процентов выпущенных в обращение голосующих акций обеих из них;
- одно из них прямо или косвенно контролирует другое;
- оба они прямо или косвенно контролируются третьим лицом;
- вместе они прямо или косвенно контролируют третье лицо;
- они являются родственниками или членами одной семьи.

В силу пункта 4 статьи 39 ТК ЕАЭС факт взаимосвязи между продавцом и покупателем сам по себе не должен являться основанием для признания стоимости сделки неприемлемой для определения таможенной стоимости ввозимых товаров. В этом случае должны быть проанализированы сопутствующие продаже обстоятельства. Если указанная взаимосвязь не повлияла на цену, фактически уплаченную или подлежащую уплате, стоимость сделки признается приемлемой для определения таможенной стоимости ввозимых товаров.

Исходя из этого ВС РФ в абзаце втором пункта 20 постановления № 49 отметил, что в тех случаях, когда указание о совершении сделки с ввозимыми товарами между взаимосвязанными лицами сделано при декларировании товаров либо взаимосвязь участников сделки установлена при проведении таможенного контроля и таможенным органом выявлены признаки недостоверного декларирования таможенной стоимости, декларант обязан подтвердить, что фактически уплаченная или подлежащая уплате за товар цена была установлена в отсутствие влияния на нее взаимосвязи сторон сделки, в том числе посредством раскрытия информации о ценообразовании (пункт 5 статьи 39 ТК ЕАЭС).

Таким образом, к юридически значимым для разрешения дела обстоятельствам следует отнести не только установление взаимосвязи участников сделки, но и выявление таможенным органом признаков недостоверного декларирования таможенной стоимости. Именно при обнаружении совокупности названных обстоятельств к декларанту переходит бремя доказывания отсутствия влияния взаимосвязи на цену, фактически уплаченную или подлежащую уплате за ввезенные товары.

Этот подход реализуется судами при рассмотрении дел данной категории.

... Например, по делу № А56-14439/2017 суды констатировали, что таможенной в ходе судебного разбирательства представлены доказательства, указывающие на наличие признаков влияния взаимосвязи сторон по сделке на цену товара, установленную внешнеэкономическим контрактом, — имеющиеся в распоряжении таможенного органа сведения, согласно которым стоимость однородных товаров в сопоставимый с рассматриваемой поставкой период времени была выше почти в два раза.

Суды проанализировали условия ввоза спорной поставки и признали правомерной корректировку таможенным органом таможенной стоимости ввезенных товаров, поскольку со своей стороны декларант каких-либо доказательств отсутствия влияния взаимосвязи между продавцом и покупателем на цену, фактически уплаченную или подлежащую уплате, либо документов и сведений, отражающих сопутствующие продаже обстоятельства или подтверждающих, что стоимость сделки с товарами близка к одной из проверочных величин, не представил.

... Однако в рамках дела № А56-4869/2016 при тех же условиях (установление таможенной факта взаимосвязи сторон сделки и наличие данных о декларировании иными лицами однородных товаров по значительно более высокой стоимости) суды первой и апелляционной инстанций признали недействительным решение таможни о корректировке таможенной стоимости, указав, что таможенный орган не доказал влияние фактора взаимосвязи на условия сделки.

Суд кассационной инстанции обратил внимание судов на установление таможенной не только взаимосвязи сторон внешнеэкономического контракта, но и выявление признаков недостоверного декларирования таможенной стоимости, документально подтвержденных в ходе судебного разбирательства, в связи с чем отменил принятые по делу судебные акты и принял новое решение по делу, подтвердив законность решения таможни о корректировке таможенной стоимости.

Необходимо отметить, что вывод о влиянии либо отсутствии влияния взаимосвязи между продавцом и покупателем на цену товара должен быть сделан по результатам исследования таможенным органом, а затем и судами условий и обстоятельств совершения конкретной сделки.

В соответствии с пунктом 5 статьи 39 ТК ЕАЭС декларант вправе доказать отсутствие влияния взаимосвязи между продавцом и покупателем на цену ввезенного товара путем представления:

- дополнительных документов и сведений, в том числе дополнительно запрошенных таможенным органом, характеризующих (отражающих) сопутствующие продаже обстоятельства;

- документов и сведений, подтверждающих, что стоимость сделки с ввозимыми товарами близка к перечисленным в указанном пункте проверочным величинам, в основе которых лежит стоимость сделки с идентичными или однородными товарами при продажах таких товаров покупателям, не являющимся взаимосвязанными с продавцом лицами.

... В частности, при направлении дела № А21-8490/2019 на новое рассмотрение суд округа отметил, что суды не проанализировали представленные обществом в таможенный орган и в материалы дела документы об отсутствии влияния взаимосвязи сторон на цену сделки и не установили, имеются ли в них сведения, подтверждающие, что в данном случае покупатель и продавец взаимно продают и покупают товары на тех же условиях, в том числе по сопоставимым ценам (то есть по ценам того же уровня), как если бы они не являлись взаимосвязанными лицами. Сведения, подтверждающие, что стоимость сделки с ввозимыми товарами близка к одной из указанных в подпункте 2 пункта 5 статьи 39 ТК ЕАЭС проверочных величин, судами также не приведены.

... Отсутствие в судебных актах судов первой и апелляционной инстанций оценки выводов таможенного органа о влиянии взаимосвязи сторон сделки на цену товара послужило основанием для направления судом округа дела № А56-125364/2019 на новое рассмотрение. По итогам нового рассмотрения суды всех трех инстанций признали законным оспариваемое решение таможни о внесении изменений (дополнений) в заявленные в декларации на товары сведения в части таможенной стоимости товара. Суды исходили из того, что обществом не

устранен признак недостоверности заявленных сведений о таможенной стоимости, выразившийся в выявлении таможенной факта более низкой цены декларируемых товаров по сравнению с ценой на отвечающие критериям идентичности товары при сопоставимых условиях их вывоза. Общество также не представило доказательства, свидетельствующие об отсутствии влияния на цену сделки факта взаимосвязи продавца и покупателя, в том числе достоверные доказательства приобретения вывозимого товара на внутреннем рынке, его оплаты и оприходования в бухгалтерской отчетности. Более того, как установили суды, биржевые цены, указанные обществом, также значительно превышали задекларированную стоимость вывозимого товара.

Вместе с тем, помимо названных дел (№ А56-4869/2016, А21-8490/2019 и А56-125364/2019), иные споры, в рамках которых также исследовался вопрос о влиянии взаимосвязи сторон сделки на цену ввозимых (вывозимых) товаров, затруднений у судебных инстанций не вызвали.

По делам № А56-46429/2016, А56-74380/2016, А56-79496/2016, А56-44744/2017, А56-2695/2017, А56-88533/2019, А56-71195/2019, А56-61648/2019 суды пришли к выводу о том, что декларантами не подтверждено отсутствие влияния взаимосвязи между продавцом и покупателем на цену сделки, документы и сведения, отражающие сопутствующие продаже обстоятельства или подтверждающие, что стоимость сделки с товарами близка к одной из проверочных величин, не представлены.

Отдельного внимания заслуживают дела, в рамках которых суды разрешали вопрос о том, каким образом должны быть документально подтверждены расходы на перевозку ввозимых товаров по таможенной территории Союза от места прибытия этих товаров на территорию ЕАЭС для вычета таких расходов из таможенной стоимости.

Несмотря на то что соответствующая норма об исключении из таможенной стоимости расходов по перевозке товаров по территории Союза имела и в действовавшем до 1 января 2018 года Соглашении от 25.01.08 (пункт 2 статьи 5), ранее, до 2020 года, споры о порядке ее применения Арбитражным судом Северо-Западного округа не рассматривались.

В настоящее время в подпункте 2 пункта 2 статьи 40 ТК ЕАЭС предусмотрено, что таможенная стоимость ввозимых товаров не должна включать в себя расходы на перевозку (транспортировку) ввозимых товаров по таможенной территории Союза от места прибытия таких товаров на таможенную территорию Союза при условии, что они выделены из цены, фактически уплаченной или подлежащей уплате, заявлены декларантом и подтверждены им документально.

Исходя из конструкции приведенной нормы, транспортные расходы могут быть исключены из таможенной стоимости товаров при условии, что такие расходы:

- связаны с перевозкой декларируемых товаров;
- выделены из цены товаров;
- документально подтверждены.

В практике кассационной инстанции появились споры об обоснованности вычетов из таможенной стоимости товаров расходов на их перевозку по таможенной территории ЕАЭС, ключевым вопросом по которым стало определение того, какие именно документы являются достаточными, чтобы считать транспортные расходы документально подтвержденными.

По мнению таможенных органов, нельзя считать документально подтвержденными транспортные расходы по территории Союза в тех случаях, когда такие расходы хотя и выделены во внешнеэкономическом контракте на поставку декларируемого товара, а также в счетах (инвойсах) продавца, однако не выделены в договоре перевозки и инвойсах, оформленных перевозчиком, либо декларантом при таможенном оформлении не представлены договор перевозки и инвойсы перевозчика.

В обоснование доводов о необходимости представления договора перевозки и в тех случаях, когда перевозка осуществляется силами иностранного поставщика, таможенные органы, как правило, ссылаются на перечень документов, приведенный в приложении № 1 к Порядку декларирования таможенной стоимости товаров, утвержденному решением Комиссии Таможенного союза от 20.09.10 № 376 (далее — Перечень № 376), согласно пункту 1 которого при определении таможенной стоимости по методу по стоимости сделки с ввозимыми товарами лицом, заполнившим декларацию таможенной стоимости, должны быть представлены следующие документы:

- договор по перевозке (договор транспортной экспедиции, если такой договор заключался), погрузке, разгрузке или перегрузке товаров;
- счет-фактура (инвойс) за перевозку (транспортировку), погрузку, разгрузку или перегрузку товаров;
- банковские документы (если счет-фактура оплачен) или документы (информация) о транспортных тарифах или бухгалтерские документы, отражающие стоимость перевозки (если перевозка товара осуществлялась собственным транспортом декларанта).

В отсутствие таких документов таможенные органы приходят к выводу о заявлении декларантом недостоверных и документально не подтвержденных сведений о расходах на перевозку товаров по таможенной территории ЕАЭС, заявленных к вычету из таможенной стоимости товаров, что в большинстве случаев влечет принятие таможенными органами решений о внесении изменений в сведения, указанные в декларациях на товары, и включении транспортных расходов в полном объеме в таможенную стоимость товаров.

Также, по мнению таможенных органов, не подлежит вычету из таможенной стоимости товаров в составе транспортных расходов вознаграждение экспедитора, поскольку экспедиторские услуги в подпункте 2 пункта 2 статьи 40 ТК ЕАЭС не поименованы, соответственно, к вычету могут быть заявлены только непосредственно расходы на перевозку.

Судебная практика по делам об оспаривании таких решений таможенных органов находится в стадии формирования.

... Так, по делу № А66-1394/2019 суд округа согласился с выводами таможни, а также судов первой и апелляционной инстанций о том, что представленные обществом инвойсы не могут рассматриваться в качестве документов, подтверждающих осуществленные транспортные расходы, так как составлены продавцом, а не перевозчиками (экспедиторами товаров), с которыми заключались соответствующие договоры по перевозке товаров (транспортной экспедиции), соответственно, такие инвойсы не являются подтверждением величины заявленного вычета.

В данном случае документы, перечисленные в пункте 1 Перечня № 376, декларант не представил.

Как следует из материалов дела, перевозчиками устанавливалась общая стоимость перевозки, стоимость транспортных расходов по таможенной территории ЕАЭС из общей стоимости перевозки не выделялась, а заявленные обществом при таможенном декларировании сведения о расходах на перевозку товаров по таможенной территории ЕАЭС не корреспондируются с данными, представленными фактическими перевозчиками товаров.

При этом суду не представлены доказательства, подтверждающие, что общество предприняло все возможные меры для подтверждения заявленных вычетов из таможенной стоимости, в том числе направляло соответствующие запросы продавцу и перевозчикам для получения запрошенных у него таможенных документов.

Таким образом, суды пришли к выводу о том, что у общества имелась возможность получить необходимые сведения и документы для надлежащего подтверждения транспортных расходов, однако декларант такую возможность должным образом не реализовал.

Кроме того, суды приняли во внимание порядок определения иностранным продавцом сумм транспортных расходов, включаемых в инвойсы на поставку товара.

Согласно письму продавца письменной формы контракта на оказываемые транспортные услуги между продавцом и компанией-перевозчиком не существует. Перевозчик выставляет счета в адрес продавца один раз в конце месяца на сумму всех транспортных услуг, оказанных в этом месяце. На основании полученной от перевозчика информации компания-продавец

осуществляет разбивку сумм расходов на транспорт, указанных в инвойсах, представленных декларантом при таможенном оформлении ввозимых товаров.

Установив изложенное, суды признали обоснованным вывод таможи о том, что компания-продавец самостоятельно распределяет расходы при отсутствии документального подтверждения от перевозчика понесенных расходов на конкретном участке перевозки, так как на момент выставления инвойса на поставку товаров у продавца отсутствует информация о фактической стоимости транспортных расходов и, следовательно, разделение величины расходов по перевозке (транспортировке) до пункта пропуска на границе Российской Федерации (место прибытия) и от пункта пропуска до места назначения на территории ЕАЭС проводится без учета стоимости транспортировки, указанной в инвойсе на транспортировку от экспедитора, — документа, фактически подтверждающего стоимость транспортировки.

При таком положении суды справедливо заключили, что выявленные несоответствия и непредставление обществом части истребованных документов не позволили таможе убедиться в достоверности сведений о транспортных расходах по территории Союза.

... Иная ситуация имела место по делу № А66-5900/2019.

Посчитав, что представленные обществом при декларировании и по запросу таможенного органа документы иностранного продавца не подтверждают заявленный вычет из фактически уплаченной за товары цены расходов по транспортировке товаров после их прибытия на таможенную территорию ЕАЭС, таможня приняла решения о внесении изменений и (или) дополнений в сведения, указанные в декларациях на товары.

Суд первой инстанции признал принятые решения недействительными, поскольку декларантом представлены инвойсы продавца товаров, подтверждающие расходы на перевозку по территории ЕАЭС, достоверность указанной в них информации таможей не опровергнута, а непредставление дополнительных документов при наличии объективных препятствий к их получению не является основанием для корректировки таможенной стоимости.

Апелляционный суд с таким выводом не согласился и с учетом требований Перечня № 376 посчитал, что в отсутствие документов перевозчиков о стоимости транспортировки товаров по территории Союза заявленные декларантом вычеты из таможенной стоимости нельзя признать документально подтвержденными, в связи с чем отказал обществу в удовлетворении заявленных требований.

Также, по мнению апелляционного суда, в величину заявленных вычетов, помимо расходов на перевозку (транспортировку) ввозимых товаров, декларантом в нарушение условий, установленных пунктом 2 статьи 40 ТК ЕАЭС, включены расходы на экспедиторские услуги, что не предусмотрено названной нормой.

Суд кассационной инстанции, разрешая названный спор, исходил из закрепленной в пункте 6 действовавшего в спорный период постановления № 18 (в настоящее время — пункт 8 постановления № 49) презумпции достоверности представленной декларантом информации, бремя опровержения которой лежит на таможенном органе.

В данном случае стороны контракта на поставку товаров в дополнительном соглашении установили, что общая стоимость транспортных расходов по перевозке и экспедированию товара, стоимость фрахта по территории Российской Федерации, включая хранение и перевалку, будет указана в инвойсах, кроме поставок на условиях FCA. Предоставление покупателю иных документов, подтверждающих величину расходов по перевозке (транспортировке) товаров и содержащих их разделение на расходы до места прибытия на таможенную территорию ЕАЭС и по таможенной территории ЕАЭС, в контракте и дополнительных соглашениях к нему стороны не предусмотрели.

При таможенном оформлении покупатель представил в таможенный орган полученные от продавца коммерческие инвойсы, которые содержат сведения о стоимости транспортных услуг как по доставке груза на территории Российской Федерации, так и сведения о стоимости услуг по доставке груза вне территории Российской Федерации. Также декларант предъявил письма продавца об отказе в предоставлении документов об организации перевозки и о порядке расчета транспортных расходов, который производился продавцом на основании тарифов на перевозку по рассматриваемому контракту, содержащихся в указанном письме.

В ходе судебного разбирательства в судах первой и апелляционной инстанций таможенный орган не опроверг информацию о размере понесенных транспортных расходов. Недостоверность указанных в инвойсах сведений о стоимости транспортных услуг по доставке груза на территории Российской Федерации не выявлена таможей на этапе таможенного контроля (соответствующие выводы в оспариваемых решениях отсутствовали), не установлена судами и не подтверждена полученными таможей письмами перевозчиков (которые лишь сообщили, что не производили разделение расходов по стоимости доставки до места прибытия на территорию ЕАЭС и по таможенной территории Союза).

Как посчитала кассационная инстанция, тот факт, что компания-продавец самостоятельно распределила расходы по перевозке, сам по себе о недостоверности заявленных сумм либо их произвольном заявлении не свидетельствует. Такое распределение произведено продавцом на основании тарифов, установленных на перевозку по спорному контракту.

Таможня, в свою очередь, документально не подтвердила, что заявленные к вычету суммы не соответствуют стоимости доставки товара по территории Российской Федерации, в том числе при заключении договоров перевозки на обычных условиях.

В этой ситуации непредставление при таможенном оформлении документов, перечисленных в Перечне № 376, по мнению суда округа, не лишает декларанта в силу положений статьи 108 ТК ЕАЭС, а также пункта 8 Положения об особенностях проведения контроля таможенной стоимости товаров, ввозимых на таможенную территорию Евразийского экономического союза, утвержденного решением Коллегии Евразийской экономической комиссии от 27.03.18 № 42 (далее — Положение № 42), права подтвердить заявленные сведения иными документами.

В пункте 10 Положения № 42 определено, что в качестве объяснения причин, по которым документы и (или) сведения, запрошенные таможенным органом у декларанта при проведении контроля таможенной стоимости товаров, не могут быть представлены и (или) отсутствуют, рассматриваются представленные декларантом документы и (или) сведения, в том числе письменные пояснения, подтверждающие, что: а) запрошенный документ не существует или не применяется в рамках сделки; б) лицо, располагающее запрошенными документами и (или) сведениями, отказало декларанту в их предоставлении или декларантом не получен ответ от лица, располагающего запрошенными документами и (или) сведениями.

Согласно пункту 9 постановления № 18 предусмотренная пунктом 3 статьи 69 Таможенного кодекса Таможенного союза обязанность представления по требованию таможенного органа документов для подтверждения заявленной таможенной стоимости может быть возложена на декларанта только в отношении тех документов, которыми тот обладает либо должен располагать в силу закона или обычаев делового оборота.

Исходя из приведенных нормативных положений и разъяснений, суд первой инстанции правомерно учел пояснения общества, данные таможенному органу, об отсутствии возможности представить как при таможенном декларировании, так и при проведении таможенной проверки договоры по перевозке и банковские платежные документы по оплате транспортных расходов в связи с тем, что организация доставки товара осуществлялась продавцом. В данном случае компания-продавец отказала обществу в предоставлении контрактов на оказание транспортных услуг и иных документов относительно доставки товара, сославшись на конфиденциальность информации (о чем в дело представлены соответствующие письма).

В отношении включенных в вычет расходов на экспедиторские услуги суд округа, оставляя в силе решение суда первой инстанции, отметил, что апелляционный суд не обосновал критерии, по которым отнес вознаграждение за оказание транспортно-экспедиторских услуг к упомянутому в статье 40 ТК ЕАЭС вознаграждению посредникам (агентам) и брокерам, и не опроверг доводы заявителя о том, что вознаграждение за организацию перевозки (транспортно-экспедиторские услуги) следует рассматривать как часть расходов на перевозку (транспортировку) ввозимых товаров. Кроме того, соответствующие выводы о

том, что вознаграждение за оказание транспортно-экспедиторских услуг следует относить к вознаграждению посредникам (агентам), в решениях таможни отсутствуют.

В такой ситуации, с учетом объяснений декларанта и при наличии сведений об имеющихся объективных препятствиях к представлению запрошенных документов, кассационная инстанция согласилась с выводом суда первой инстанции о том, что у таможенного органа отсутствовали основания для принятия оспариваемых решений.

Вместе с тем судебные акты всех трех инстанций по названному делу были отменены *определением Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 22.12.20 № 307-ЭС20-13121*, дело направлено на новое рассмотрение в суд первой инстанции.

ВС РФ указал на неполное выяснение судами обстоятельств, имеющих значение для правильного разрешения спора, отметив следующее.

Таможенный орган в ходе рассмотрения дела отмечал, что компания-продавец и общество являются взаимосвязанными лицами по смыслу статьи 37 ТК ЕАЭС, о чем имеется указание в декларациях на товары.

По мнению таможенного органа, взаимосвязь сторон сделки повлияла на достоверность декларирования, поскольку иностранная компания-поставщик при составлении инвойсов самостоятельно распределила упомянутые расходы на перевозку (транспортировку) товаров в отсутствие документального подтверждения их величины, полученного от перевозчиков (экспедиторов). При этом ни декларант, ни взаимосвязанный с ним иностранный поставщик не раскрыли доказательства, подтверждающие действительное применение перевозчиками (экспедиторами) тех тарифов, с использованием которых в инвойсах поставщика была определена и указана стоимость расходов на перевозку (транспортировку) товаров, задекларированных обществом.

Приведенные доводы имели значение для правильного разрешения дела, поскольку в своей совокупности они могут свидетельствовать о произвольности заявленных в декларациях вычетов расходов на перевозку (транспортировку) и о том, что своим поведением общество лишило таможенный орган возможности убедиться в достоверности и правильности применения названных вычетов, что несовместимо с положениями пунктов 9–10 и 13 статьи 38 ТК ЕАЭС.

В свою очередь, суд апелляционной инстанции, отказывая в полном объеме в удовлетворении требований общества, в нарушение части 3 статьи 9, части 2 статьи 65, части 2 статьи 66 АПК РФ не дал оценку характеру обязательства экспедитора, привлеченного иностранным поставщиком, и безосновательно ограничил возможность вычета расходов на перевозку (транспортировку) только стоимостью услуг перевозчика без учета иных затрат, необходимых для перевозки (транспортировки) товара. Апелляционный суд также не установил, каким способом таможенная стоимость определена таможенным органом без учета заявленных вычетов расходов на перевозку (транспортировку),

предлагалось ли обществу в ходе таможенного контроля представить сведения, необходимые для правильного определения таможенной стоимости иными способами, в том числе сведения об обычных тарифах на перевозку (транспортировку), исходящих от перевозчиков (экспедиторов).

Отменяя судебные акты по упомянутому делу, ВС РФ сформулировал следующие правовые подходы, исходя из которых подлежит разрешению вопрос о документальном подтверждении транспортных расходов по территории ЕАЭС для их вычета из таможенной стоимости.

Как указал ВС РФ, анализ положений таможенного законодательства в их нормативном единстве позволяет сделать вывод о том, что расходы на перевозку (транспортировку) имеют экономическую ценность, в связи с этим влияют на действительную стоимость перевозимых товаров и, соответственно, подлежат учету при их таможенной оценке как один из компонентов таможенной стоимости при ее определении первым методом (по стоимости сделки с ввозимыми товарами). Расходы на перевозку товара вне таможенной территории Союза дополняют стоимость сделки, если они не включены в цену товара. Расходы на перевозку по таможенной территории Союза уменьшают стоимость сделки, если они входят в цену товара.

Такое регулирование введено в целях обеспечения общей применимости процедуры определения таможенной стоимости ввозимых товаров к разным условиям поставки в соответствии с пунктом 11 статьи 38 ТК ЕАЭС и предполагает, что таможенная стоимость определяется применительно к месту прибытия товаров на таможенную территорию, вне зависимости от распределения обязанностей по перевозке (транспортировке) товаров между сторонами конкретного внешнеторгового контракта.

В связи с этим понятие «расходы на перевозку (транспортировку)» имеет автономное значение для целей главы 5 «Таможенная стоимость товаров» ТК ЕАЭС и охватывает затраты, отвечающие критерию связи с перемещением товаров. Тип гражданско-правового договора, в рамках исполнения которого понесены затраты (договоры перевозки, транспортной экспедиции, договор агентирования или комиссии и др.), число привлеченных к перемещению товаров субъектов (перевозчики, экспедиторы, агенты и т. п.) и иные подобные обстоятельства юридического значения для целей таможенной оценки не имеют.

Выделение «расходов на перевозку (транспортировку)» из «цены, фактически уплаченной или подлежащей уплате за товар» по смыслу положений пункта 3 статьи 39 и подпункта 2 пункта 2 статьи 40 ТК ЕАЭС предполагает установление того факта, что общая сумма всех платежей за товары, осуществленных или подлежащих осуществлению покупателем непосредственно продавцу (иному лицу в пользу продавца), покрывает расходы продавца на перевозку (транспортировку) товара, а также характера и размера упомянутых расходов.

Таможенное законодательство не содержит заранее установленного (ограниченного) перечня документов, которые представляются при декларировании для целей подтверждения соблюдения условий подпункта 2 пункта 2 статьи 40 ТК ЕАЭС.

Исходя из пункта 1 статьи 38 ТК ЕАЭС и преамбулы Соглашения по применению статьи VII Генерального соглашения по тарифам и торговле (далее — ГАТТ) 1994 года предъявляемые к декларанту требования по подтверждению таможенной стоимости должны быть совместимы с коммерческой практикой — от декларанта допустимо требовать представление документов, которые доступны для получения в условиях внешнеторгового оборота (пункт 12 постановления № 49).

Поэтому соблюдение условий для вычета расходов на перевозку (транспортировку), обозначенных в подпункте 2 пункта 2 статьи 40 ТК ЕАЭС, может подтверждаться различными доказательствами, в зависимости от особенностей условий договоров, избранных поставщиком средств перевозки (транспортировки) товаров, типов заключенных гражданско-правовых договоров.

В то же время представляемые документы во всяком случае должны отвечать требованиям, установленным пунктами 9–10, 13 статьи 38 ТК ЕАЭС, то есть исключать риски произвольного определения таможенной стоимости, выступая источником достоверной, количественно определяемой и документально подтвержденной информации, позволяя таможенному органу убеждаться в ее соответствии действительности.

В частности, в тех случаях, когда для организации перевозки иностранным поставщиком привлекался экспедитор, необходимо учитывать, что в зависимости от условий договора содержание обязательства экспедитора может значительно отличаться: заключение договоров перевозки от имени клиента, оформление провозных документов, обеспечение отправки или получения груза и т. п. Поэтому в таких случаях представляемые декларантом документы должны позволять установить состав и размер затрат на оплату соответствующих услуг экспедитора, относимость этих затрат к перевозке задекларированного товара (например, если характер конкретных услуг и их стоимость отдельно указаны в счете экспедитора). Однако цена оказываемых экспедитором услуг может быть выражена в твердой сумме без выделения расходов на перевозку грузов, если обязательство экспедитора состоит в обеспечении сохранной доставки груза.

Изложенное согласуется с разъяснениями, данными в пунктах 25–26 постановления Пленума ВС РФ от 26.06.18 № 26 «О некоторых вопросах применения законодательства о договоре перевозки автомобильным транспортом грузов, пассажиров и багажа и о договоре транспортной экспедиции».

В свою очередь, если товар фактически поставлен на территорию Союза, цена, фактически уплаченная или подлежащая уплате за товары, подтверждена и является достоверной, но невозможно достоверно установить размер расходов

на перевозку (транспортировку), понесенных поставщиком, это не означает, что таможенная стоимость может определяться первым методом исходя из полной контрактной цены без какого-либо исключения из нее стоимости перевозки (транспортировки) товара по таможенной территории Союза. В соответствии с пунктом 2 статьи 45 ТК ЕАЭС в такой ситуации не исключается возможность использования представленных декларантом или имеющих в распоряжении таможенного органа документально подтвержденных сведений об обычно применяемых тарифах перевозчиков (экспедиторов). Иной подход по существу приводил бы к произвольному в условиях фактической поставки товара определению таможенной стоимости одних и тех же товаров, что не отвечает пунктам 9 и 11 статьи 38 ТК ЕАЭС.

Сформированная ВС РФ правовая позиция, согласно которой определение таможенной стоимости должно основываться на критериях, совместимых с коммерческой практикой, обязанность представления по требованию таможенного органа документов для подтверждения заявленной таможенной стоимости может быть возложена на декларанта только в отношении тех документов, которыми тот обладает либо должен располагать в силу закона или обычаев делового оборота, также реализована при рассмотрении высшей судебной инстанцией *дела № А51-18634/2019 (определение Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 01.04.21 № 303-ЭС20-21700)*.

... По данному делу судами установлено, что в подтверждение таможенной стоимости товаров декларантом представлены копии заказов, инвойсы, коносаменты, в которых стоимость перевозки до и после прибытия товаров на таможенную территорию Союза выделена отдельно. Обязанность поставщика по представлению покупателю иных документов контракт не содержит.

В случае если у декларанта имелись объективные препятствия к представлению запрошенных документов (сведений) и соответствующие объяснения даны таможенному органу, непредставление указанных документов не может являться единственным основанием для перерасчета таможенной стоимости товара.

Однако каких-либо доказательств, опровергающих соответствие действительности заявленных обществом сведений о расходах на перевозку (транспортировку) товаров, а также относимость этих расходов к задекларированным товарам, таможенным органом в ходе рассмотрения дела не представлено.

При таких обстоятельствах ВС РФ отменил состоявшиеся по делу судебные акты, признал незаконными оспариваемые решения таможни, констатируя, что в данном деле расчет таможенной стоимости товаров на основе стоимости сделки с ввозимыми товарами без вычета расходов по перевозке (транспортировке) товаров после их прибытия на таможенную

территорию Союза привел к произвольному определению таможенной стоимости поставленных товаров, что противоречит принципам и правилам определения таможенной стоимости товаров, ввозимых на таможенную территорию Союза, установленным статьей VII ГАТТ 1994 года и Соглашением по применению статьи VII ГАТТ 1994 года, а также главой 5 ТК ЕАЭС, правовыми актами Евразийской экономической комиссии.

Уже с учетом приведенных правовых подходов Арбитражным судом Северо-Западного округа разрешено дело № А66-1884/2020.

Ряд рассмотренных судом кассационной инстанции в анализируемый период дел (№ А56-84883/2017, А56-64382/2018, А56-137098/2019 и А56-125577/2019) касался вопросов применения подпункта 7 пункта 1 статьи 5 Соглашения от 25.01.08 и подпункта 7 пункта 1 статьи 40 ТК ЕАЭС о включении в таможенную стоимость товаров лицензионных и иных подобных платежей за использование объектов интеллектуальной собственности.

Согласно данным нормам при определении таможенной стоимости ввозимых товаров по стоимости сделки с ними к цене, фактически уплаченной или подлежащей уплате за эти товары, добавляются лицензионные и иные подобные платежи за использование объектов интеллектуальной собственности (включая платежи за патенты, товарные знаки, авторские права), которые относятся к оцениваемым (ввозимым) товарам и которые прямо или косвенно произвел или должен произвести покупатель в качестве условия продажи оцениваемых товаров, в размере, не включенном в цену, фактически уплаченную или подлежащую уплате за эти товары.

В постановлении № 18 (пункт 18), а затем и в постановлении № 49 (пункт 17) ВС РФ закрепил подход, исходя из которого платежи за использование объектов интеллектуальной собственности (далее — роялти), не включенные в цену, фактически уплаченную или подлежащую уплате за ввозимые товары, учитываются в качестве одного из дополнительных начислений к цене в соответствии со статьей 40 ТК ЕАЭС при выполнении в совокупности двух требований: эти платежи относятся к ввозимым товарам и уплата роялти является условием продажи оцениваемых товаров (прямо или косвенно) для их вывоза на таможенную территорию Союза. При выполнении данных требований само по себе заключение договора с иным, чем продавец товара, правообладателем не препятствует включению уплачиваемых на основании такого договора роялти в соответствующем размере в таможенную стоимость оцениваемых товаров.

Правоприменительная практика по спорам данной категории сформирована, и, как правило, эти дела затруднений у судов не вызывают.

... В рассматриваемый период только в одном случае (дело № А56-64382/2018) суд кассационной инстанции обратил внимание судов первой и апелляционной инстанций на необходимость более внимательного исследования условий как внешнеэкономического договора, в рамках которого осуществлялась поставка товара, так и условий заключенного сторонами лицензионного соглашения, для правильного разрешения вопроса о том, является ли уплата лицензионных платежей условием продажи товаров для их ввоза на таможенную территорию Союза.

Как следует из материалов дела, общество ввозило на территорию ЕАЭС комплектующие для промышленной сборки электропроводки и оборудование легковых автомобилей производства Республики Корея, заявляя таможенную стоимость по стоимости сделки с ввозимыми товарами.

После выпуска товаров таможня провела камеральную проверку, по результатам которой пришла к выводу о том, что таможенная стоимость заявлена недостоверно ввиду невключения в структуру таможенной стоимости лицензионных платежей.

Таможенный орган установил, что между обществом и производителем комплектующих для электропроводки заключено лицензионное соглашение на использование ноу-хау, состоящего из конфиденциальной информации в отношении проекта завода, механизмов, оборудования, спецификации инструментария, данных испытаний, систем, методов, формул, контроля качества и методов контроля уровня затрат, а также любых других коммерческих тайн и фактов, касающихся производства продукции — жгутов электропроводки. При этом стороны договорились о роялти в размере трех процентов от чистой суммы продаж упомянутой продукции, которые выплачиваются ежеквартально на основании выписанного лицензиаром после получения отчета о продажах за соответствующий квартал счета, подлежащего оплате в течение десяти дней по получении лицензиатом.

При рассмотрении дела суды первой и апелляционной инстанций согласились с выводами таможни о необходимости включения лицензионных платежей в таможенную стоимость и отклонили доводы общества о том, что в данном случае уплата роялти не относится к ввозимым комплектующим для жгутов электропроводки и ни прямо, ни косвенно не является условием их продажи для вывоза на территорию Союза.

Направляя данное дело на новое рассмотрение, суд округа отметил, что в соответствии с пунктом 3 статьи 8 Соглашения по применению статьи VII ГАТТ 1994 года добавления к цене, фактически уплаченной или подлежащей уплате, производятся согласно рассматриваемой статье лишь на основе объективных и поддающихся количественному определению данных.

В Пояснительных примечаниях к пункту 3 статьи 8 в приложении 1 к Соглашению по применению статьи VII ГАТТ 1994 года указано, что, если роялти частично основано на импортируемых товарах, а частично — на других факторах,

которые не имеют ничего общего с импортируемыми товарами (например, когда импортируемые товары смешиваются с отечественными ингредиентами и больше не могут быть отдельно идентифицированы или когда роялти не может быть выделено из специальных финансовых договоренностей между покупателем и продавцом), было бы неуместно пытаться производить добавление в счет роялти. Однако если сумма этого роялти основывается лишь на импортируемых товарах и легко поддается количественной оценке, то к цене, фактически уплаченной или подлежащей уплате, может быть произведено добавление.

В данном случае выводы судов были сделаны без учета приведенных Пояснительных примечаний, тогда как общество указывало, что производимая им с использованием ноу-хау продукция лишь частично состоит из ввезенных комплектующих, а роялти уплачиваются независимо от того, использовались ли при производстве продукции (жгутов электропроводки) ввезенные комплектующие и оборудование.

(Между тем общие критерии определения того, является ли уплата лицензионных платежей условием продажи оцениваемых (ввозимых) товаров, а также примеры отдельных ситуаций по предоставлению правообладателем прав на использование конкретных объектов интеллектуальной собственности приведены в Положении о добавлении лицензионных и иных подобных платежей за использование объектов интеллектуальной собственности к цене, фактически уплаченной или подлежащей уплате за ввозимые товары, принятом Рекомендацией Коллегии Евразийской экономической комиссии от 15.11.16 № 20 (далее — Положение № 20). — *Прим. авт.*)

Так, в пункте 9 Положения № 20 указано, что при определении того, является ли уплата лицензионных платежей условием продажи оцениваемых (ввозимых) товаров, основным критерием является отсутствие у покупателя (лицензиата) возможности приобрести оцениваемые (ввозимые) товары без уплаты лицензионных платежей. Об отсутствии у покупателя (лицензиата) возможности приобрести оцениваемые (ввозимые) товары без уплаты лицензионных платежей свидетельствует наличие во внешнеэкономическом договоре (контракте), в соответствии с которым товары продаются для вывоза на таможенную территорию Союза, указания на то, что покупатель должен уплатить лицензионные платежи в качестве условия такой продажи. Подобное указание является решающим при определении того, были ли лицензионные платежи уплачены в качестве условия продажи оцениваемых (ввозимых) товаров.

Во всех случаях решение о том, является ли уплата лицензионных платежей условием продажи оцениваемых (ввозимых) товаров, следует принимать с учетом анализа всех факторов и обстоятельств, сопутствующих продаже и ввозу этих товаров.

В качестве таких факторов могут учитываться следующие:

- наличие во внешнеэкономическом договоре (контракте), в соответствии с которым оцениваемые (ввозимые) товары продаются для вывоза на таможенную территорию Союза, или в иных документах, связанных с продажей таких товаров, положений, касающихся уплаты лицензионных платежей;

- наличие в лицензионном договоре положений, касающихся продажи оцениваемых (ввозимых) товаров;

- наличие во внешнеэкономическом договоре (контракте), в соответствии с которым оцениваемые (ввозимые) товары продаются для вывоза на таможенную территорию Союза, и (или) в лицензионном договоре положения о возможности расторжения внешнеэкономического договора (контракта) в случае неуплаты покупателем (лицензиатом) правообладателю лицензионных платежей;

- наличие в лицензионном договоре условия, запрещающего производителю (продавцу) изготавливать и (или) продавать покупателю товары, созданные с использованием объектов интеллектуальной собственности правообладателя, в случае неуплаты последнему соответствующего вознаграждения;

- наличие в лицензионном договоре условия, позволяющего правообладателю осуществлять контроль за производством товаров или их продаж производителем (продавцом) покупателю (продажей товаров для вывоза на таможенную территорию Союза), который выходил бы за рамки контроля качества.

Согласно пункту 19 Положения № 20, если секрет производства (ноу-хау) связан с производством продукции, выполнением работ, оказанием услуг на таможенной территории Союза с использованием ввозимых товаров (ингредиентов, компонентов, оборудования, инструментов и т. д.), решение о включении лицензионных платежей за использование секрета производства (ноу-хау) в таможенную стоимость ввозимых товаров принимается на основе изучения и анализа вопроса о том, установлено ли условиями использования секрета производства (ноу-хау) требование о приобретении и использовании ввозимых товаров в производстве продукции, при выполнении работ, оказании услуг.

По итогам нового рассмотрения упомянутого дела суды установили, что в лицензионном соглашении и в контракте на поставку комплектующих прямо не указано, что уплата лицензионных платежей является условием продажи ввезенных товаров. Лицензионные платежи в данном случае уплачиваются за предоставление конфиденциальной информации в отношении проекта завода, механизмов, оборудования, спецификации инструментария, а также любых коммерческих тайн и фактов, касающихся производства продукции — жгутов электропроводки. При этом производимая на территории Российской Федерации с использованием ноу-хау продукция (жгуты электропроводки) лишь частично состоит из ввезенных обществом комплектующих. Более того, существенную часть стоимости производимой продукции составляют именно компоненты, произведенные в Российской Федерации. В деле отсутствуют доказательства

того, что ввозимые товары содержат объект интеллектуальной собственности и (или) производятся с использованием объекта интеллектуальной собственности.

Прямая и непосредственная связь лицензионных платежей с поставляемыми комплектующими в ходе судебного разбирательства не установлена.

С учетом изложенного суды заключили, что наличие факторов, перечисленных в пункте 9 Положения № 20 и свидетельствующих о том, что уплата лицензионных платежей является условием продажи ввозимых товаров, таможенным органом не подтверждено. Из условий контракта и лицензионного соглашения не следует, что неуплата лицензионных платежей в соответствии с лицензионным соглашением лишит общество права на приобретение комплектующих.

Таможенный орган обосновывал наличие связи между ввозом спорных товаров и лицензионным договором установлением в названном договоре обязанности представлять лицензиару отчеты о продажах продукции за отчетный квартал и заинтересованностью лицензиара в импорте товаров.

Вместе с тем, как отметили суды, лицензиар не является поставщиком спорных товаров и в лицензионном соглашении отсутствуют какие-либо условия, связанные с поставкой данных товаров. Представляемые обществом лицензиару отчеты необходимы исключительно для контроля размера лицензионных платежей, зависящего от объемов реализации продукции (жгутов электропроводки) и никак не связанного с количеством ввезенного товара (комплектующих).

Таким образом, суды пришли к выводу о том, что таможей не подтверждено отсутствие у общества возможности приобрести ввозимые товары без уплаты лицензионных платежей в соответствии с лицензионным соглашением, в связи с чем при определении таможенной стоимости ввезенных комплектующих не имелось оснований учитывать лицензионные платежи в качестве дополнительного начисления к цене товаров.

... В другом случае, по делу № А56-137098/2019, суды трех инстанций, принимая во внимание положения подпункта 7 пункта 1 статьи 40 ТК ЕАЭС, также заключили, что только при наличии всех указанных в данной норме условий возникает обязанность покупателя (импортера) добавлять стоимость лицензионных платежей к стоимости товара при его декларировании. В отсутствие хотя бы одного из условий покупатель (импортер) не имеет оснований для увеличения таможенной стоимости товара.

Суды проанализировали условия внешнеэкономического контракта, в рамках которого осуществлялась поставка товара (цифровые телевизионные приставки производства Республики Корея) на территорию ЕАЭС, и пришли к выводу, что покупателем-импортером договор заключен не с производителем устройств, в нем отсутствует информация о наличии и передаче

интеллектуальных прав или о том, что приобретаемое оборудование содержало объект интеллектуальной собственности. Счета на оплату товара также не содержали условия о передаче прав и уплате лицензионных платежей вместе с оплатой товара.

После ввоза товара он был перепродан и, как установили суды, между конечным покупателем и корейской компанией — производителем устройств заключен лицензионный договор на передачу неисключительных прав использования лицензий для ввезенных цифровых приставок. Лицензионные платежи по договору уплачены непосредственно конечным покупателем производителю по прямому лицензионному договору, при этом общество-импортер стороной по указанному лицензионному договору не являлось и оплату лицензионных платежей не осуществляло.

Исходя из установленных обстоятельств ввоза товара, суды признали необоснованной позицию таможенного органа об обязанности импортера-декларанта включить в структуру таможенной стоимости товаров лицензионные платежи за использование объектов интеллектуальной собственности.

Определением ВС РФ от 19.03.21 № 307-ЭС20-23066 таможене отказано в передаче дела в Судебную коллегия по экономическим спорам ВС РФ.

В следующих делах суды, напротив, констатировали наличие предусмотренной законом совокупности условий, при которых уплачиваемые на основании лицензионного договора платежи включаются в таможенную стоимость ввезенных товаров, и признали обоснованной позицию таможенного органа.

... Так, в рамках дела № А56-125577/2019 суды установили, что общество ввезло товары (арматура смесительная, комплект смесительной арматуры), в отношении которых компания «АМ.РМ AG» предоставила обществу-декларанту исключительную лицензию на использование товарного знака «АМ.РМ». Данные товары содержали указанный товарный знак, а представленные декларантом документы свидетельствовали о регулярной уплате лицензионного вознаграждения. Однако при таможенном оформлении товаров сведения о подлежащих уплате лицензиару за использование товарного знака лицензионных платежах указаны не были.

Настаивая на том, что подлежащие уплате лицензиару за использование товарного знака «АМ.РМ» лицензионные платежи не должны добавляться к цене, фактически уплаченной или подлежащей уплате за товар, декларант указывал на отсутствие во внешнеторговых контрактах положений о том, что условием продажи товаров является заключение лицензионного договора с правообладателем товарного знака и уплата лицензионных платежей, а также на заключение одного из контрактов, по которым осуществлялась поставка товаров, ранее лицензионного договора.

Проверяя доводы декларанта, суды установили, что ввозимый после заключения обществом лицензионного договора товар был маркирован товарным знаком правообладателя и при дальнейшей реализации этого товара на территории Российской Федерации заявитель будет обязан уплачивать лицензионные платежи правообладателю в соответствии с условиями лицензионного соглашения. Поскольку условия лицензионного соглашения содержат обязательство общества по уплате правообладателю с момента подписания договора ежемесячного лицензионного вознаграждения, а также свидетельствуют об осуществлении правообладателем в рамках договора мероприятий, направленных на контроль качества услуг и товара, обозначенного товарными знаками, суды пришли к выводу, что правообладатель наделен правом косвенного контроля над процессом производства иностранными производителями приобретенного и ввезенного обществом товара с товарным знаком «AM.PM».

При разрешении спора суды учли, что в случае, когда конкретный объект интеллектуальной собственности, за использование которого уплачиваются лицензионные платежи, является составной частью ввозимого товара, стоимость указанного объекта как неотъемлемой составляющей товара формирует более высокую коммерческую ценность товара для покупателя и продавца, соответственно, включается в цену, уплаченную или подлежащую уплате за ввозимый товар (стоимость сделки). На территории Российской Федерации покупатели спорного товара косвенно должны будут осуществлять его оплату с учетом затрат общества на лицензионные платежи, подлежащие уплате правообладателю.

Следовательно, лицензионные платежи за использование объектов интеллектуальной собственности добавляются к цене, фактически уплаченной или подлежащей уплате за товары в размере, не включенном в цену, фактически уплаченную или подлежащую уплате за эти товары, и влияют на определение таможенной стоимости.

При таких обстоятельствах суды обоснованно заключили, что подлежащие уплате обществом лицензионные платежи при продаже товара с товарным знаком «AM.PM» на территории Российской Федерации подлежали включению в таможенную стоимость ввозимого товара в силу положений подпункта 7 пункта 1 статьи 5 Соглашения от 25.01.08 и подпункта 7 пункта 1 статьи 40 ТК ЕАЭС.

... К аналогичному выводу суды пришли и по делу № А56-84883/2017, поскольку установили, что ввозимый товар (кирпичи строительные керамические, облицовочные, полнотелые, ручной формовки) маркирован товарным знаком «TERCA» и при дальнейшей реализации этого товара на территории Российской Федерации заявитель будет обязан уплачивать лицензионные платежи правообладателю в соответствии с условиями лицензионного договора. При этом, проанализировав условия лицензионного договора, свидетельствующие об

осуществлении правообладателем в рамках договора мероприятий, направленных на контроль качества услуг и товара, обозначенного товарными знаками, суды пришли к выводу, что правообладатель наделен правом косвенного контроля над процессом производства товара.

Таким образом, судебные инстанции во всех случаях исходили из конкретных обстоятельств поставки товара на территорию ЕАЭС и анализировали условия лицензионных соглашений, заключенных с правообладателями объектов интеллектуальной собственности, соотнося их с нормами подпункта 7 пункта 1 статьи 40 ТК ЕАЭС, а также факторами, обозначенными в Положении № 20.

В заключение нельзя не упомянуть разрешенное кассационной инстанцией дело № А56-137218/2019, в рамках которого исследовался вопрос **о правомерности включения таможенной дивидендов в состав таможенной стоимости ввозимых товаров**. Ранее подобные споры судом округа не рассматривались, в связи с чем можно отметить, что судебная практика по данной категории дел только формируется.

... Так, общество ввезло в Российскую Федерацию продукцию металлопроката — стальной лист, определив при декларировании таможенную стоимость товара по стоимости сделки с ввозимыми товарами (первый метод).

В ходе камеральной проверки таможня установила, что общество и шведская компания-поставщик являются взаимосвязанными лицами — общество является дочерней компанией шведского юридического лица. Шведская компания как единственный участник общества приняла решение о распределении чистой прибыли общества в качестве дивидендов за 2011–2017 годы, выплата дивидендов в 2019 году была произведена обществом на счет шведской компании.

Таможенный орган пришел к выводу о том, что полученные поставщиком дивиденды связаны с ввозимыми товарами и должны быть добавлены к цене, фактически уплаченной или подлежащей уплате за эти товары, в соответствии с подпунктом 3 пункта 1 статьи 5 Соглашения от 25.01.08 как часть полученного в результате последующей продажи ввозимых товаров дохода, которая прямо или косвенно причитается продавцу.

Судебные инстанции с таким подходом не согласились, приняв во внимание следующее.

В рамках первого метода таможенной стоимостью ввозимых товаров является стоимость сделки с ними, то есть цена, фактически уплаченная или подлежащая уплате за эти товары при их продаже для вывоза на таможенную территорию ЕАЭС и дополненная в соответствии со статьей 40 ТК ЕАЭС (пункт 1

статьи 39 ТК ЕАЭС, пункт 1 статьи 4 ранее действовавшего Соглашения от 25.01.08).

В частности, согласно подпункту 3 пункта 1 указанной статьи (аналогично подпункту 3 пункта 1 статьи 5 Соглашения от 25.01.08) таким дополнением является часть дохода (выручки), полученного в результате последующей продажи, распоряжения иным способом или использования ввозимых товаров, которая прямо или косвенно причитается продавцу.

Из буквального толкования данной нормы следует, что полученный доход или выручка должны быть непосредственно связаны с ввозимыми товарами, то есть идентифицироваться как доход, полученный от реализации конкретного товара.

При этом в пункте 7 статьи 4 Соглашения от 25.01.08 установлено, что цена, фактически уплаченная или подлежащая уплате за ввозимые товары, относится к товарам, перемещаемым через таможенную границу Таможенного союза, в связи с чем перевод покупателем продавцу дивидендов или иных подобных платежей в случае, если они не связаны с ввозимыми товарами, не является частью таможенной стоимости.

С учетом приведенных норм Соглашения от 25.01.08 и статьи 39 ТК ЕАЭС, регулирующей порядок определения таможенной стоимости в настоящее время, суды признали, что используемое для целей таможенной оценки понятие «стоимость сделки» носит специальный характер и относится лишь к тем платежам, которые выступают встречным предоставлением за приобретаемый товар (цена товара), что не равнозначно совокупности любых денежных обязательств.

Данный вывод соответствует и статье VII ГАТТ 1994 года, которая в соответствии с пунктом 3 статьи 1 Соглашения от 25.01.08 лежит в основе применяемых в Российской Федерации правил определения таможенной стоимости ввозимых товаров и предполагает, что таможенная оценка должна производиться исходя из действительной стоимости товаров — цены, по которой такие или аналогичные товары продаются или предлагаются для продажи при обычном ходе торговли в условиях полной конкуренции.

Суды отметили, что понятие «дивиденды» и «выручка за реализованные товары» не равнозначны, поскольку в силу части 1 статьи 43 Налогового кодекса Российской Федерации дивидендом признается любой доход, полученный акционером (участником) от организации при распределении прибыли, остающейся после налогообложения (в том числе в виде процентов по привилегированным акциям), по принадлежащим акционеру (участнику) акциям (долям) пропорционально долям акционеров (участников) в уставном (складочном) капитале этой организации.

В этой ситуации оснований для включения дивидендов в таможенную стоимость ввезенных товаров не имелось, а применение первого метода определения таможенной стоимости товаров не исключалось при условии

предоставления декларантом доказательств отсутствия влияния взаимосвязи с иностранным контрагентом на цену товара.

Исследовав имеющиеся в деле документы, суды не выявили признаков влияния взаимосвязи между продавцом и покупателем на цену, фактически уплаченную или подлежащую уплате, в связи с чем констатировали отсутствие препятствий в определении таможенной стоимости по цене сделки с ввозимыми товарами (первый метод) и признали, что у таможи не имелось оснований для принятия оспариваемого решения о внесении изменений (дополнений) в сведения, заявленные в рассматриваемых декларациях.

ВС РФ определением от 07.04.21 № 307-ЭС21-2873 поддержал судебные акты трех инстанций и указал, что влияние на структуру таможенной стоимости такого элемента, как дивиденды, возможно, если их выплата выступает оговоренным условием продажи конкретных импортируемых товаров. В рассматриваемом случае в дело не представлено доказательств того, что выплата дивидендов являлась одним из условий продажи ввозимых товаров, равно как не представлено доказательств влияния взаимосвязи общества и продавца на стоимость сделки и дальнейшее распределение прибыли общества, в связи с чем таможей не подтверждено наличие совокупности обстоятельств, препятствующих применению заявленного обществом метода определения таможенной стоимости.

Данный подход нашел отражение и в постановлении Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 21.05.21 по делу № А53-11278/2020.

... В рамках указанного дела суды также не усмотрели оснований для включения дохода (выручки), полученного продавцом в результате реализации покупателем ввезенных товаров на внутреннем рынке, в таможенную стоимость таких товаров. Суды отметили, что внешнеторговыми контрактами не было предусмотрено перечисление части полученной от продажи товаров выручки продавцу, а выплаченные по итогам работы за 2017 год дивиденды невозможно соотнести с продукцией, ввезенной по рассматриваемым декларациям. Кроме того, на момент ввоза товаров имело место наличие нераспределенной прибыли за предшествующие периоды.

Завершая проведенный анализ, можно отметить, что Арбитражный суд Северо-Западного округа при разрешении споров, связанных с различными аспектами определения таможенной стоимости товаров, в целом выдерживает единообразный подход при формировании судебной практики, а позиция кассационной инстанции воспринимается судами округа. При этом случаи, когда дела со схожими обстоятельствами имели различный исход, обусловлены не столько проблемами правоприменения, сколько широким кругом обстоятельств,

от которых зависит правильное разрешение дел данной категории, а также разным объемом представленных сторонами доказательств.

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

Действие правила о допустимости обращения взыскания на единственное жилое помещение гражданина во времени

Василий Константинович Захаров

Магистр гражданского процесса Санкт-Петербургского государственного университета, помощник судьи Арбитражного суда города Санкт-Петербурга и Ленинградской области

Статья посвящена действию во времени правила о допустимости обращения взыскания на единственное принадлежащее должнику жилое помещение в свете правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации. Автор утверждает, что отказ в обращении взыскания возможен только в случае наличия вынесенного до принятия постановления Конституционного Суда Российской Федерации и вступившего в законную силу судебного акта об отказе в обращении такого взыскания.

Ключевые слова: банкротство, действие закона во времени, исполнительский иммунитет, судебное правотворчество.

Принятие Конституционным Судом Российской Федерации (далее — КС РФ) постановления от 26.04.21 № 15-П «По делу о проверке конституционности положений абзаца второго части первой статьи 446 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и пункта 3 статьи 213.25 Федерального закона „О несостоятельности (банкротстве)“ в связи с жалобой гражданина И. И. Ревкова» (далее — постановление № 15-П), предписывающего обращать взыскание на единственное жилье должника по исполнительному производству (делу о банкротстве) при условии сохранения за должником иного жилища, пригодного для проживания, неизбежно приведет к постановке перед арбитражными судами и судебными приставами-исполнителями вопросов, на которые КС РФ в постановлении № 15-П ответа не дал.

Настоящая статья посвящена вопросу действия правила о допустимости обращения взыскания на единственное жилое помещение во времени.

Хронология

Новейшая история вопроса началась с принятия КС РФ постановления от 14.05.12 № 11-П «По делу о проверке конституционности положения абзаца второго части первой статьи 446 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Ф. Х. Гумеровой и Ю. А. Шидунова» (далее — постановление № 11-П). Можно отметить, что мотивировочная часть постановления № 15-П начинается с отсылки к постановлению № 11-П; по сути, оно является его логическим продолжением.

Постановлением № 11-П КС РФ предписал федеральному законодателю установить пределы действия исполнительского иммунитета единственного жилого помещения. Федеральный законодатель это предписание до настоящего времени не выполнил, что было охарактеризовано КС РФ в пункте 3 постановления № 15-П как «многолетнее недопустимое законодательное бездействие».

Это бездействие также было осложнено принятием *определения Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации* (далее — ВС РФ) от 29.10.20 № 309-ЭС20-10004, в котором указано на отсутствие у судов права определять критерии допустимости обращения взыскания на единственное жилье до их установления федеральным законодателем; несмотря на то что постановление № 11-П на тот момент не было законодателем исполнено, ВС РФ не обратился в КС РФ с запросом о повторной проверке конституционности абзаца второго части 1 статьи 446 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее — ГПК РФ). (Необращение суда, рассматривающего дело, в КС РФ при несоответствии подлежащей применению в рамках этого дела нормы права Конституции Российской Федерации образует судебную ошибку¹. — Прим. авт.)

¹ Ильин А. В. Пересмотр судебных актов на основании постановлений Конституционного Суда России // Закон. 2020. № 12. С. 46–47.

Теперь же КС РФ в резолютивной части постановления № 15-П прямо установил условия обращения взыскания на единственное жилое помещение, не сняв с федерального законодателя обязанности по их уточнению.

Материально-правовое возражение

Норма абзаца второго части 1 статьи 446 ГПК РФ носит материально-правовой характер, поскольку принята в соответствии со статьей 24 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ) и потому в силу пункта 2 статьи 3 ГК РФ входит в корпус гражданского законодательства. Это не должно смущать правоприменителя: несовпадение системы законодательства и системы права, включение гражданско-правовых норм в ГПК РСФСР и гражданско-процессуальных в ГК РСФСР имело место и в советском законодательстве². При конфликте³ системы права и системы законодательства приоритет отдается системе права⁴, и темпоральное действие абзаца второго части 1 статьи 446 ГПК РФ должно оцениваться с точки зрения материального права.

² Чечина Н. А. Система гражданского процессуального права и систематизация законодательства // Избранные труды по гражданскому процессу. СПб., 2004. С. 344.

³ В данном случае, заметим, формально-юридически конфликт отсутствует, поскольку норма гражданского права и гражданского законодательства (пункт 2 статьи 3 ГК РФ) является бланкетной (отсылочной).

⁴ *Нерсисянц В. С.* Общая теория права и государства: Учебник для вузов. М., 2018. С. 446.

КС РФ в постановлении № 15-П наделил абзац второй части 1 статьи 446 ГПК РФ иным содержанием, нежели он имел до принятия этого постановления. (По сути, речь идет об установлении КС РФ новой нормы права. Точка зрения, согласно которой суды, в первую очередь высшие, лишь толкуют законодательство, а не осуществляют правотворчество, признана в доктрине, по выражению судьи КС РФ Г. А. Гаджиева, «узореалистической», он же указывает, что «суды под видом толкования развивают правовую систему»⁵. — *Прим. авт.*)

⁵ *Гаджиев Г. А.* Право и экономика (методология): Учебник для магистрантов. М., 2016. С. 141; см. также: *Каранетов А. Г.* Борьба за признание судебного правотворчества в европейском и американском праве: Монография. М., 2011.

И предыдущее постановление КС РФ, и вышеупомянутое определение ВС РФ ориентировали участников гражданского оборота на то, что должник по обязательству не будет отвечать по нему своим единственным жилым помещением, сколь бы роскошным оно ни было, до внесения соответствующих изменений федеральным законодателем.

Самое очевидное возражение, которое может выдвинуть должник по исполнительному производству (делу о банкротстве) (далее — должник), носит материально-правовой характер. Должник может утверждать, что, поскольку постановление № 15-П действует только с 28 апреля 2021 года⁶ и согласно пункту 1 статьи 4 ГК РФ не имеет обратной силы, обращение взыскания на единственное жилое помещение по обязательствам, возникшим до этой даты, не допускается.

⁶ Дата его официального опубликования на официальном интернет-портале правовой информации (статья 9.1 Федерального закона от 14.06.94 № 5-ФЗ «О порядке опубликования и вступления в силу федеральных конституционных законов, федеральных законов, актов палат Федерального Собрания»).

Данный довод представляется неверным.

Уже в постановлении № 11-П КС РФ ясно дал понять, что воздерживается от признания абзаца второй части 1 статьи 446 ГПК РФ неконституционным только в силу непригодности использования по аналогии иных установленных жилищным законодательством нормативов и нежелания отдавать этот вопрос на откуп судебного правотворчества⁷. Другими словами, КС РФ исходил из необходимости устранения пробела в праве законодателем, не усматривая возможности его преодоления иными способами.

⁷ И то и другое ему пришлось сделать в постановлении № 15-П.

При таких обстоятельствах ни один разумный субъект гражданского оборота не мог строить свои ожидания на бездействии законодателя. Напротив, исходя из фикции добросовестности законодателя, такому субъекту следовало ожидать скорого принятия критериев обращения взыскания в форме федерального закона.

Иной подход, в соответствии с которым постановлению КС РФ не придавалось бы самостоятельного значения в отсутствие принятого законодателем федерального закона, подрывал бы авторитет органа конституционного контроля и тем самым ставил бы под сомнение верховенство Конституции Российской Федерации, что недопустимо.

Следовательно, как минимум с 21 мая 2012 года⁸ о разумных ожиданиях недопустимости обращения взыскания на роскошное жилое помещение не могло идти речи.

⁸ Дата опубликования постановления № 11-П в «Собрании законодательства Российской Федерации» в соответствии с пунктом 4 его резолютивной части.

Однако возможно также выставление этого довода лицом, которое стало должником по обязательству до указанной даты.

Представляется, что и его возражения будут необоснованны. КС РФ в постановлении № 11-П подчеркнул, что природа исполнительского иммунитета единственного жилья имеет в первую очередь социальный, а не экономический характер. В экономическом же смысле должник во всяком случае не вправе распоряжаться единственным жильем любого размера вопреки интересам кредитора. Исходя из этого, Пленум ВС РФ указал в пункте 43 постановления от 17.11.15 № 50 «О применении судами законодательства при рассмотрении некоторых вопросов, возникающих в ходе исполнительного производства» (далее — постановление № 50) на допустимость наложения ареста на указанное имущество, не препятствующего пользованию им.

Обращение взыскания на единственное жилое помещение при условии соблюдения определенных постановлением № 15-П критериев с материально-правовой точки зрения допускается независимо от даты возникновения обязательства.

Интерес в распоряжении имуществом вопреки интересам взыскателя, обязательство перед которым не исполняется, пусть и при условии невозможности обращения взыскания на это имущество, за должником признаваться не может.

Таким образом, обращение взыскания на единственное жилое помещение при условии соблюдения определенных постановлением № 15-П критериев с материально-правовой точки зрения допускается независимо от даты возникновения обязательства.

Процессуально-правовое возражение

Другой вопрос носит процессуальный характер. Это вопрос о том, в каких случаях могут возникать обусловленные процессуальными факторами правомерные ожидания должника.

Конвенцией о защите прав человека и основных свобод, являющейся неотъемлемой и важнейшей частью российской правовой системы, в ее истолковании Европейским судом по правам человека (далее — ЕСПЧ) установлено, что интересы правовой определенности могут быть выше интересов законности в узком смысле. Это, в частности, означает, что окончательное судебное решение (*res judicata*) не может быть пересмотрено только ввиду нарушений норм права, иного взгляда на их толкование; такие нарушения должны быть существенными, подрывающими саму суть правосудия⁹.

⁹ См. *inter alia* постановления ЕСПЧ от 24.07.03 по делу «Рябых против России» (жалоба № 52854/99) и от 11.02.10 по делу «Залевская против России» (жалоба № 23333/05).

Из этого же исходят КС РФ и федеральный законодатель, который воспроизвел правовые позиции КС РФ в новой редакции статьи 79 Федерального конституционного закона от 21.07.94 № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации», устанавливающей, что решение по гражданскому делу подлежит пересмотру в связи с признанием неконституционными (или приданием им конституционно-правового толкования) подлежащих применению положений закона в делах, стороны которых не являлись участниками конституционного судопроизводства, только в качестве исключения¹⁰.

¹⁰ Подробный анализ указанных норм закона см.: Ильин А. В. Указ. соч. С. 40–60.

Это означает, что вступившее в законную силу¹¹ незаконное решение суда, а именно такими являются решения об отказе в обращении взыскания на единственное жилое помещение, принятые без обращения с запросом в КС РФ, в силу принципа правовой определенности, защищающего должника, по общему правилу пересмотрено быть не может.

¹¹ Точнее, окончательное; решения, в отношении которых не истек срок на подачу кассационной жалобы в ординарном порядке, являются вступившими в законную силу, но не признаются ЕСПЧ окончательными.

Проанализируем, о каких именно решениях может идти речь в данном случае.

1. Определение об изменении порядка и способа исполнения решения суда. Именно таким способом воспользовался первый заявитель, по жалобе которого было принято постановление № 11-П. Он предусмотрен в настоящее время пунктом 64 постановления № 50 для рассмотрения заявлений взыскателя или судебного пристава-исполнителя об обращении взыскания на долю должника в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью, долю должника в складочном капитале полного товарищества, коммандитного товарищества, пай должника в производственном кооперативе. Аналогия здесь вполне уместна.

2. Решение по иску об обращении взыскания на единственное жилое помещение. Таким способом воспользовался второй заявитель, по жалобе которого было принято постановление № 11-П (абзац третий пункта 1.1). Он предусмотрен пунктом 58 постановления № 50 для обращения взыскания на земельные участки в ходе исполнительного производства. В таком случае аналогия также допустима.

3. Решение по жалобе на бездействие судебного пристава-исполнителя, выразившееся в необращении взыскания на единственное жилое помещение. ВС РФ выработана правовая позиция, в соответствии с которой арбитражный управляющий не вправе рассчитывать на то, что план действий в ходе процедуры банкротства за него будет выработан кредиторами (*определение Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 21.01.21 № 304-ЭС16-17267(2,3)*); представляется, что данная позиция по аналогии применима и к отношениям между взыскателем и судебным приставом-исполнителем. Поэтому взыскатель вправе как самостоятельно подать заявление об обращении взыскания на жилое помещение должника (пункты 1, 2 настоящего списка), так и потребовать совершения этих действий от судебного пристава-исполнителя, а также потребовать признания незаконным его бездействия в этом отношении.

4. Определение, принятое по заявлению об утверждении положения о порядке, условиях и сроках реализации имущества должника, предусматривающего обращение взыскания на единственное жилое помещение должника с предоставлением ему замещающего жилого помещения. Поскольку в силу пункта 1 статьи 213.26 Федерального закона от 26.10.02 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» положение о порядке продажи имущества должника — физического лица утверждается арбитражным судом, именно таким положением должна предусматриваться реализация единственного жилого помещения.

5. Определение о признании недействительным решения собрания кредиторов о реализации единственного жилого помещения должника. Хотя в делах о банкротстве физических лиц собрание кредиторов не утверждает

положение о порядке, условиях и сроках реализации имущества должника (оно должно быть утверждено арбитражным судом), ВС РФ в пункте 1 Обзора судебной практики по вопросам, связанным с признанием недействительными решений собраний и комитетов кредиторов в процедурах банкротства, утвержденного Президиумом ВС РФ 26 декабря 2018 года, и в *определении Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 29.10.20 № 309-ЭС20-10004* допустил принятие собранием кредиторов решений, прямо не отнесенных к его компетенции, и рассмотрение по существу вопроса о правомерности таких решений в рамках обособленного спора о признании решения собрания недействительным.

6. Определение о завершении реализации имущества гражданина.

Если в ходе процедуры реализации имущества вопрос о продаже единственного жилого помещения не был поставлен, возвращение к нему невозможно, так как обязательство перед кредитором с завершением процедуры прекращается. Этот эффект можно назвать проявлением пресекательности в гражданском процессе.

Таким образом, если в ходе исполнительного производства или производства по делу о банкротстве вынесено одно из вышеуказанных решений и оно приобрело характер окончательного, кредитор не вправе потребовать обращения взыскания на единственное жилое помещение должника в связи с вынесением постановления № 15-П. Если же таких решений не принималось, препятствий для этого не имеется, поскольку подкрепленных принципом правовой определенности разумных ожиданий должника еще не возникло.

Отступное (опыт практического комментария)

Павлов Андрей Анатольевич

Кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права Санкт-Петербургского государственного университета

Отступное (современный аналог *datio in solutum*) является одним из наиболее часто используемых способов прекращения обязательств. Однако в гражданско-правовой доктрине и в судебной практике остается еще немало спорных вопросов применения этого способа прекращения обязательств. Цель настоящей статьи — комплексный анализ данного института. В работе рассмотрены разъяснения, которые содержатся в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 11.06.20 № 6 «О некоторых вопросах применения положений Гражданского кодекса Российской Федерации о прекращении обязательств».

Ключевые слова: прекращение обязательства, отступное, *datio in solutum*, факультативное обязательство, преимущественное право.

Нынешний Гражданский кодекс Российской Федерации (далее — ГК РФ) ознаменовал собой восстановление передачи отступного — современного аналога предоставления вместо исполнения (*datio in solutum*) — в качестве поименованных способов прекращения обязательств. Однако регулирование данного института на сегодняшний день не позволяет ответить на большинство вопросов, связанных с его использованием. В актуальной редакции статьи 409 ГК РФ позитивное регулирование вопросов предоставления отступного крайне лаконично и исчерпывается одним предложением, включающим всего шестнадцать слов: «По соглашению сторон обязательство может быть прекращено предоставлением отступного — уплатой денежных средств или передачей иного имущества». Изложенного явно недостаточно для того, чтобы регламентировать все аспекты применения названного способа прекращения обязательств; в этой связи значительная роль возлагается на судебную практику.

Современное регулирование института предоставления отступного не позволяет ответить на большинство вопросов, связанных с его использованием.

Однако высшие судебные инстанции пока вряд ли справляются с данным вопросом. Разъяснения, содержащиеся в информационном письме Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации (далее — ВАС РФ) от 21.12.05 № 102 «Обзор практики применения арбитражными судами статьи 409

Гражданского кодекса Российской Федерации» (далее — информационное письмо Президиума ВАС РФ № 102) и постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации (далее — ВС РФ) от 11.06.20 № 6 «О некоторых вопросах применения положений Гражданского кодекса Российской Федерации о прекращении обязательств» (далее — постановление № 6), достаточно фрагментарны и сами нуждаются в интерпретации. Попытке комплексного комментария предписаний статьи 409 ГК РФ с учетом позиций актуальной судебной практики и посвящена настоящая статья*.

* Читателям, интересующимся данной тематикой, настоятельно рекомендуется ознакомиться с работой С. В. Сарбаша, в которой содержится достаточно обстоятельный анализ разъяснений, содержащихся в постановлении Пленума ВС РФ от 11.06.20 № 6 (Сарбаш С. В. Комментарий к постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 11.06.20 № 6 «О некоторых вопросах применения положений Гражданского кодекса Российской Федерации о прекращении обязательств» // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2021. № 3 (приложение)).

1. Понятие и механизм отступного

Толкование предписаний статьи 409 ГК РФ позволяет утверждать, что механизм отступного предполагает два элемента: соглашение сторон об отступном и предоставление отступного взамен исполнения. При этом правопрекращающий эффект наступает только в момент предоставления отступного. Если соглашение об отступном подписывается ранее передачи отступного, сам факт заключения такого соглашения обязательство должника не прекращает. Иначе речь должна была бы идти о классической новации, то есть замене одного обязательства на другое по соглашению сторон.

Как известно, прекращающий эффект новации наступает уже в силу самого достижения соглашения сторон о замене первоначального обязательства, существующего между ними, другим обязательством между теми же лицами.

Отступное работает несколько по-иному и прекращает обязательство только в момент его предоставления (см.: *определение Судебной коллегии по гражданским делам ВС РФ от 19.09.17 № 117-КГ17-8* и пункт 4 Обзора судебной практики ВС РФ № 1 (2019), утвержденного Президиумом ВС РФ 24 апреля 2019 года, *определение Судебной коллегии по гражданским делам ВС РФ от 26.01.21 № 14-КГ20-12-К1*).

1.1. Возможные модели соглашения об отступном

В некоторых случаях момент заключения соглашения об отступном и момент передачи отступного совпадают (например, когда в отсутствие предварительной договоренности должник передает кредитору по акту некое

имущество с указанием того, что оно передается в качестве отступного вместо исполнения изначального денежного обязательства).

Но зачастую эти моменты разорваны во времени. Соответственно, встает крайне сложный вопрос о правовых последствиях, возникающих после заключения соглашения о предстоящей передаче отступного, но до момента предоставления оговоренного сторонами суррогата исполнения. Специфика отношений сторон после заключения соглашения, названного сторонами соглашением об отступном, в первую очередь зависит от того, что на самом деле имеют в виду стороны такого соглашения.

Стороны, договаривающиеся о передаче в будущем взамен исполнения по изначальному обязательству некоего имущества (суррогата), могут подразумевать следующие варианты правового эффекта своего соглашения.

Во-первых, они могут желать, чтобы в момент заключения такого соглашения изначальное обязательство было заменено на обязательство передать данное имущество. В этом случае, несмотря на то что стороны могут назвать свое соглашение соглашением об отступном, их истинная воля направлена на *классическую новацию* (статья 414 ГК РФ).

Во-вторых, стороны могут установить, что по заключаемому соглашению должник обязан предоставить вместо изначального обязательства некий суррогат, не указывая при этом, что изначальное обязательство прекращается в момент заключения такого соглашения. Применение правил толкования договора наталкивает на вывод, что подобное соглашение следует скорее считать обязательственным консенсуальным договором, который трансформирует обязательство должника в *альтернативное* (статьи 308.1, 320 ГК РФ): должник становится обязанным либо исполнить изначальное обязательство, либо передать некий суррогат; при бездействии должника право выбора должно возникать у кредитора. Этот подход прекращения изначального обязательства путем предоставления взамен некоего имущества, пожалуй, наиболее удобен кредитору, поскольку дает ему возможность при просрочке должника выбирать предмет требования. Такое соглашение следует признать соглашением об изменении обязательства (пункт 1 статьи 452 ГК РФ): простое обязательство с момента подписания соглашения модифицируется в альтернативное. Если в таком соглашении может быть обнаружен *animus novandi*, а именно воля не просто изменить исходное обязательство, превратив его в альтернативное, а прекратить исходное обязательство, заменив его новым, альтернативным, то подобная трансформация простого обязательства в альтернативное может быть признана новацией.

В-третьих, стороны могут указать, что в силу заключаемого соглашения должник получает *право* прекратить свое обязательство путем нового оговоренного предоставления в качестве суррогата исполнения, и при этом никаких намеков на то, что должник обязуется его предоставить, в соглашении нет. В этом случае заключенное соглашение является консенсуальной

обязательственной сделкой, которая модифицирует изначальное обязательство в *факультативное* (статьи 308.2, 320.1 ГК РФ). Соответственно, должник обладает возможностью замены первоначального варианта исполнения путем предоставления суррогата, а кредитор имеет право требования лишь в отношении первоначального предмета исполнения, не имея права требовать предоставления согласованного суррогата. При неисполнении должником первоначального обязательства, а равно при его отказе от реализации права на замену, в отношении должника могут быть использованы меры защиты (ответственности), соответствующие только первоначальному предмету исполнения. По сути, подобное соглашение также следует считать соглашением об изменении первоначального обязательства, влекущим его трансформацию в факультативное.

В конечном счете суды должны признавать все указанные варианты соглашений.

1.2. Модель отступного: выбор законодателя

Но что если стороны заключили соглашение, предполагающее передачу некоего имущества в качестве отступного в будущем, но прямо не оговорили, какой из описанных выше вариантов они на самом деле имеют в виду? Какой вариант наполнения содержания соглашения, названного сторонами соглашением об отступном, следует подразумевать? Этот вопрос имеет важное значение, так как очень часто стороны не удосуживаются продумать данные нюансы при заключении подобных соглашений. Ранее в отношении прежней редакции статьи 409 ГК РФ, действовавшей до 1 июня 2015 года, судебной практикой ВАС РФ в качестве такой модели по умолчанию был поддержан подход, основанный на модели трансформации изначального обязательства в факультативное (см. пункт 1 информационного письма Президиума ВАС РФ № 102).

В ходе реформы ГК РФ предписания статьи 409 подверглись изменениям. Во-первых, из текста закона было изъято имевшееся в действовавшей ранее редакции указание на то, что отступное передается взамен исполнения. Во-вторых, законодатель устранил из закона фразу «размер, сроки и порядок предоставления отступного устанавливаются сторонами». Понимание сути этих изменений представляет известную сложность. В Концепции совершенствования общих положений обязательственного права России, утвержденной Советом при Президенте Российской Федерации по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства протоколом от 26.01.09 № 66, ответа на этот вопрос найти нельзя. В то же время в пояснительной записке к проекту федерального закона № 47538-6 «О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации» указывается, что

новая редакция статьи 409 ГК РФ исходит из понимания этого соглашения как реальной сделки.

Видимо, под реальной сделкой разработчики понимали так называемый реальный договор (пункт 2 статьи 433 ГК РФ), для заключения которого необходима передача вещи и который не считается заключенным до ее передачи. Иначе говоря, при таком подходе либо соглашение об отступном оформляется одномоментно с самой передачей, либо оформляется ранее, но, будучи реальным договором, не порождает правовых последствий до момента фактической передачи отступного. При подобной интерпретации данной новеллы соглашение об отступном в истинном смысле этого понятия теперь не только не влечет прекращения первоначального обязательства (ибо таковое происходит только в момент предоставления отступного), но и не изменяет его путем конвертации в факультативное (как считал ВАС РФ ранее). Поскольку соглашение об отступном считается заключенным в момент передачи имущества, а своим единственным правовым последствием имеет прекращение изначального обязательства, такое соглашение следует считать не обязательственным, а распорядительным договором. Именно эти соображения, вероятно, лежали в основании устранения из закона фразы об установлении размера, срока и порядка передачи отступного в соглашении об отступном.

1.3. Модель отступного: выбор правоприменительной практики

Подразумеваемое, но прямо не выраженное законодателем изменение модели соглашения об отступном в ходе реформы гражданского законодательства 2015 года не нашло поддержки в правоприменительной практике. То ли по причине отсутствия очевидной манифестации о смене парадигмы регулирования суды просто не заметили произошедшего изменения, то ли, посчитав эти изменения концептуально неудачными, отвергли их. Как бы то ни было, в абзаце первом пункта 3 постановления № 6 Пленум ВС РФ подтвердил ранее существовавшую позицию ВАС РФ, указав: «Если моменты заключения соглашения и предоставления отступного не совпадают, между сторонами возникает *факультативное* обязательство, по которому должник вправе как исполнить первоначальное обязательство, так и предоставить отступное, которое кредитор обязан принять». Тем самым доминирующей на уровне правоприменительной практики осталась модель факультативного обязательства, то есть понимание соглашения об отступном как трансформирующего изначальное обязательство в факультативное.

Отметим лишь, что это изменение само по себе не носит революционного характера. Базовая идея — невозможность прямого или косвенного понуждения к предоставлению отступного — абсолютно одинаково реализуется как в модели реального договора (по причине отсутствия обязательственного эффекта соглашения), так и в модели факультативного обязательства (ввиду того, что

замена исполнения является собой лишь право, но не обязанность должника — абзац первый пункта 5 постановления № 6). Единственный вопрос, который концепция факультативного обязательства решает проще, — это вопрос о последствиях уклонения кредитора от принятия отступного. Модель реального договора обеспечивала защиту интересов должника в подобной ситуации через преддоговорную ответственность (статья 434.1 ГК РФ, пункт 4 постановления Пленума ВС РФ от 25.12.18 № 49 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора»). Концепция факультативного обязательства защищает должника через феномен кредиторской обязанности принять согласованное отступное. Абзац первый пункта 3 постановления № 6 прямо подчеркивает эту обязанность кредитора, выводя ее из предписаний статей 308.2 и 406 ГК РФ. Таким образом, в случае уклонения кредитора от принятия согласованного предмета отступного будут наступать последствия просрочки кредитора, а должник вправе воспользоваться способами защиты, установленными статьей 406 ГК РФ.

При этом ничто из сказанного не ставит под сомнение вариант структурирования отступного, в рамках которого никакое соглашение ранее передачи не заключается и заключение соглашения совпадает по времени с передачей суррогата.

1.4. Соглашение об отложенном моменте передачи отступного, отклоняющееся от дефолтной модели

Нередки ситуации, когда заключенное сторонами соглашение, названное соглашением об отступном, предусматривает отложенную по времени передачу отступного, но отклоняется от указанной дефолтной модели.

Если стороны договорятся о новации и прекращении прежнего обязательства с его заменой на новое обязательство, это будет не соглашение о передаче отступного. То же и в случае, когда стороны договариваются о замене прежнего долга на факультативное или альтернативное обязательство и прямо выражают волю на то, что речь идет о новации: здесь также будет налицо новация, а не соглашение об отступном.

Но что, если стороны договариваются о трансформации прежнего долга в альтернативное обязательство? В пункте 3 постановления № 6 ВС РФ после закрепления факультативной модели отступного в качестве действующей по умолчанию при отложенной передаче отступного указывает: «...стороны также вправе заключить соглашение, которое порождает право кредитора по своему выбору потребовать либо исполнения первоначального обязательства, либо иного указанного в соглашении предоставления. В этом случае к отношениям по исполнению обязательства применяются правила об альтернативных обязательствах (статьи 308.1, 320 ГК РФ)».

Остается не вполне проясненным вопрос о том, считает ли суд, что эта модель является вариацией соглашения о передаче отступного, или речь идет о соглашении об изменении обязательства, которое в рамки конструкции отступного не попадает. Видимо, такая модель не вписывается в рамки конструкции отступного (ни в подразумеваемую авторами новой редакции статьи 409 ГК РФ модель реальной сделки, ни в предлагаемую в абзаце первом пункта 3 постановления № 6 для случая разрыва во времени между заключением соглашения и передачей модель факультативного обязательства), но полной ясности по данному вопросу нет.

На практике могут сложиться ситуации, когда заключение соглашения оговаривает осуществление в будущем некоего предоставления в счет погашения исходного долга; очевидно, что стороны не имели в виду прекратить исходный долг в момент заключения такого соглашения (то есть не осуществляли новацию), но при этом соглашение не проясняет, идет ли речь о факультативной модели отступного либо о трансформации долга в альтернативное обязательство (независимо от того, назовем ли мы эту последнюю модель допустимой вариацией соглашения об отступном или нет). Например, в соглашении указано, что должник передает в течение оговоренного срока некое имущество в счет погашения своего долга. В такой ситуации могут возникать сложные вопросы дифференциальной квалификации сделанного сторонами выбора.

Если соглашение упоминает отступное (например, говорит о передаче имущества именно в качестве отступного), видимо, должна подразумеваться факультативная модель как действующая по умолчанию для данной конструкции. В пункте 3 постановления № 6 указано, что при наличии сомнений надо отдавать приоритет «факультативному прочтению» соглашения. В то же время суд ссылается на пункт 2 статьи 320.1 ГК РФ, в котором закреплена прямо противоположная интерпретивная презумпция. Вероятно, ВС РФ имел в виду, что если стороны договариваются именно об отступном, то этот выбор в отношении квалификации соглашения переворачивает презумпцию, установленную в пункте 2 статьи 320.1 ГК РФ. При таком прочтении ссылка на эту отвергаемую норму при нормативном обосновании своего выбора является редакционной неточностью Пленума ВС РФ.

Если соглашение не упоминает отступное, а говорит о возникновении обязанности осуществить другое предоставление, умалчивая о судьбе исходного обязательства, или прямо оговаривает, что должник обязан осуществить либо исходное, либо новое предоставление, следует, видимо, применять ту презумпцию, которая закреплена в пункте 2 статьи 320.1 ГК РФ, и при наличии сомнений подразумевать трансформацию долга в альтернативное обязательство. В этом случае к отношениям по исполнению обязательства применяются правила статей 308.1, 320 ГК РФ об альтернативных обязательствах (абзац второй пункта 3 постановления № 6).

2. Частный мораторий: общие положения

Согласно пункту 4 постановления № 6 заключение сторонами соглашения об отступном влечет автоматический мораторий на предъявление кредитором требований, связанных с первоначальным обязательством, и до истечения установленного сторонами срока предоставления отступного кредитор не вправе требовать исполнения первоначального обязательства.

Проистекающая из частного моратория невозможность «требовать исполнения первоначального обязательства» охватывает собой любые действия кредитора, направленные на получение удовлетворения по первоначальному обязательству: как внесудебные (в том числе безакцептное списание долга по первоначальному обязательству и начисленным санкциям, заявление о зачете собственного долга против требований из первоначального обязательства, обращение взыскания на предмет залога, обеспечивающего исполнение первоначального обязательства, предъявление исполнительного листа ко взысканию), так и реализуемые в судебном порядке (обращение за выдачей судебного приказа, предъявление иска). Если соглашение об отступном заключено в рамках судебного разбирательства, процессуальной формой реализации моратория является, видимо, приостановление производства по делу на время моратория.

Правила о моратории как последствии заключения соглашения об отступном не являются новыми для отечественного правопорядка. Ранее попытка введения идеи частного моратория была предпринята Президиумом ВАС РФ в пункте 2 информационного письма Президиума ВАС РФ № 102. С провозглашением модели факультативного обязательства в качестве действующей по умолчанию Пленум ВС РФ в постановлении № 6 вновь подтвердил действие правила о моратории.

Однако и ранее, и сейчас идея моратория вызывает определенные сомнения.

Можно предположить, что высшие судебные инстанции рассматривают мораторий в качестве естественного продолжения концепции факультативного обязательства. Но исторический и сравнительно-правовой анализ института факультативных обязательств заставляет всерьез усомниться в такой естественной связи двух указанных явлений. Почему на протяжении двухтысячелетней истории феномена факультативных обязательств мы не встречаем одновременного упоминания о моратории как его естественном логическом или догматическом продолжении? Почему отечественное позитивное право (статьи 308.2, 320.1 ГК РФ) не содержит даже намека на мораторий как элемент структуры связей в рамках факультативного обязательства?

Может быть потому, что никакой подобной естественной связи нет, а феномен моратория является исключительно продуктом творчества разработчиков информационного письма Президиума ВАС РФ № 102?

Сторонники моратория видят в нем справедливое решение защиты интересов должника, который, выговорив себе предоставление отступного, в рамках приготовления к его предоставлению иначе рискует столкнуться с предъявлением кредитором требования исполнения по первоначальному обязательству или внесудебным осуществлением права в отношении исходного предоставления (безакцептным списанием со счета, внесудебным обращением взыскания на предмет залога, реализацией механизма *lex commissoria* и т. п.).

Нет никаких возражений против того, что, заботясь о собственных интересах, должник при заключении соглашения об отступном специально выговорит себе такой мораторий, согласовав его с кредитором. Но в предлагаемой высшими судебными инстанциями концепции все обстоит ровно наоборот: мораторий рассматривается в качестве дефолтного решения, правила по умолчанию, применение которого может быть устранено специальным соглашением сторон. Подобный подход кажется нам сомнительным. Поскольку в архетипической ситуации согласования отступного должник находится в просрочке, дефолтное предоставление защиты именно должнику представляется неверным.

При этом такая защита должника по умолчанию происходит за счет очевидного умаления интересов кредитора, который на время лишается права осуществить свое право принудительно. По сути, в соглашении о предоставлении должнику права погасить долг факультативным предоставлением в течение оговоренного (или при отсутствии договоренности разумного) срока мы начинаем видеть подразумеваемый временный отказ от осуществления права. Но логично ли подразумевать отказ от осуществления права в ситуации, когда воля на это прямо не выражена? Получается, что, пойдя навстречу просрочившему должнику и заключив с ним соглашение об отступном, кредитор не только не приобрел никаких дополнительных выгод из этого соглашения (ибо в современной дефолтной модели у кредитора нет притязаний относительно предмета отступного), но и за счет моратория на время лишился тех правовых возможностей, которые у него существовали ранее.

Вряд ли такое положение вещей может расцениваться в качестве справедливого, что служит дополнительным показателем некорректности предлагаемого высшими судебными инстанциями моратория как правила по умолчанию.

Стоит также заметить, что именно дисбаланс интересов сторон, возникающий в подобной ситуации, ранее и послужил поводом к модернизации института отступного в Концепции реформирования гражданского законодательства. Но, видимо, эта проблема не была до концаотрефлексирована.

В рамках же текущего регулирования остается лишь рекомендовать кредиторам не соглашаться на вариант заключения соглашения об отступном, которое не сопровождается немедленной передачей предмета отступного, либо специально согласовывать «отключение» правил о моратории, благо что о такой возможности прямо упоминает пункт 4 постановления № 6.

2.1. Механика применения частного моратория

Срок моратория может устанавливаться соглашением об отступном. Если же таковой сторонами особо не согласован, продолжительность моратория определяется посредством оценочной категории разумного срока (пункт 5 постановления № 6).

Вопрос о последствиях истечения срока моратория не до конца понятен. Пункт 5 постановления № 6 говорит лишь о том, что, если должник предоставляет отступное по истечении указанного срока, кредитор вправе отказаться от принятия отступного и потребовать исполнения первоначального обязательства. Но что, если кредитор в подобной ситуации не воспользуется своим правом и примет отступное? Исключается ли в таком случае возможность взыскания регулятивных и охранительных процентов, иных санкций, в том числе за период после истечения моратория? Кажется, что подобное происходить не должно. Именно должник нарушает достигнутые сторонами договоренности, а потому, чтобы избежать подобных последствий, именно должник должен инициировать специальное соглашение об этом. Однако сомнения в таком выводе порождает абзац пятый пункта 2 постановления № 6, который предусматривает, что по умолчанию предоставление отступного также прекращает все дополнительные связанные с первоначальным обязательством требования, включая обязанность платить неустойку. Распространяется ли это разъяснение только на случаи предоставления отступного в согласованный срок или охватывает и случаи предоставления отступного по истечении установленного срока, неясно. Первый вариант ответа кажется более логичным.

Предусмотренный ВС РФ частный мораторий блокирует лишь возможность в пределах установленного срока «требовать исполнения первоначального обязательства», но не исключает начисление за соответствующий период регулятивных и охранительных процентов, неустоек. Это подчеркивает абзац первый пункта 5 постановления № 6: «Если должник в течение соответствующего срока не осуществил факультативное предоставление (не предоставил отступное), кредитор вправе потребовать исполнения первоначального обязательства, но не предоставления отступного... В таком случае кредитор вправе воспользоваться средствами защиты, установленными на случай неисполнения первоначального обязательства, включая взыскание неустойки и (или) процентов за просрочку исполнения первоначального

денежного обязательства, которые начисляются начиная с первого дня просрочки исполнения первоначального обязательства».

Поскольку мораторий исключает возможность кредитора эффективно обратиться в суд за защитой своего права, исходя из принципа *agere non valenti non currit praescriptio* (для неспособного к предъявлению иска давность не течет) начавший свое течение срок давности по первоначальному обязательству должен приостанавливаться по правилам статьи 202 ГК РФ. Если же соглашение об отступном заключается до начала просрочки и срок исполнения по первоначальному обязательству выпадает на период моратория, в силу приведенного выше принципа *agere non valenti non currit praescriptio* начало течения давностного срока по первоначальному обязательству должно сдвигаться до истечения срока моратория (пункт 1 статьи 200 ГК РФ).

3. Сфера применения отступного

Посредством предоставления отступного могут быть прекращены как договорные, так и внедоговорные обязательства, в том числе обязательства по возмещению вреда имуществу, обязательства из неосновательного обогащения, а также реституционные обязательства по возврату полученного по недействительной сделке (пункт 6 информационного письма Президиума ВАС РФ № 102, пункт 2 постановления № 6).

Предоставлением отступного может быть прекращено и обязательство, основанное на оспоримой сделке, поскольку до эффективного оспаривания такая сделка рассматривается как действительная. Более того, в ряде случаев само заключение сторонами оспоримой сделки соглашения об отступном, а равно предоставление последнего, может рассматриваться как подтверждение такой сделки (см. пункт 2 статьи 166 ГК РФ) и исключать в дальнейшем ее оспаривание. В случае же признания первоначальной сделки недействительной в ситуациях, когда доктрина подтверждения оспоримой сделки неприменима (например, при банкротном оспаривании), судебная практика считает недействительным и соглашение об отступном (*постановление Президиума ВАС РФ от 16.03.10 № 14882/09, определение Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 26.10.15 № 305-ЭС15-8046*). Соответственно, предоставленное отступное лишится правового основания и может быть истребовано как неосновательно полученное в натуре или в виде денежного эквивалента по правилам о реституции (статья 167 и глава 60 ГК РФ).

Исключения из общего правила, то есть случаи недопустимости прекращения определенных обязательств предоставлением отступного, предопределены общими пределами договорной свободы. В абзаце третьем пункта 2 постановления № 6 Пленум ВС РФ прямо указывает, что предоставлением отступного могут быть прекращены любые обязательства, если

это не нарушает прав и охраняемых законом интересов третьих лиц, публичных интересов или не противоречит существу первоначального обязательства.

Примером такого исключения следует, видимо, считать строго целевые обязательства, направленные на предоставление содержания, которое обеспечивает базовые жизненные потребности кредитора (алиментное, по предоставлению содержания, по возмещению вреда жизни и здоровью — абзацы второй — четвертый статьи 411 ГК РФ). Если мы считаем, что соответствующие обязательства направлены на обеспечение прав и интересов социально незащищенных категорий граждан, а предоставление по таким обязательствам призвано обеспечить минимально необходимый уровень для продолжения существования такого гражданина как личности, их прекращение способами иными, нежели исполнение, следует признать недопустимым.

3.1. Темпоральные границы заключения соглашения об отступном

Обязательство может быть прекращено предоставлением отступного как до, так и после наступления срока его исполнения (пункт 2 постановления № 6). Посредством предоставления отступного может прекратиться и заданное обязательство (пункт 9 постановления № 6). Возражение о давности является средством защиты должника. При этом закон не устанавливает необходимости использования такой защиты, предоставляя должнику возможность применения ее по своему усмотрению. Поскольку в основе прекращения обязательства отступным лежит договор, воплощающий в том числе и волю должника, следует считать, что тем самым должник отказывается от предоставленной ему защиты.

При этом в силу пункта 9 постановления № 6 соглашение об отступном, заключенное в письменной форме после истечения срока исковой давности, в зависимости от его содержания может быть квалифицировано в качестве признания долга (пункт 2 статьи 206 ГК РФ).

3.2. Прекращение предоставлением отступного части обязательства

Предоставлением отступного может прекращаться часть делимого обязательства (см. пункт 1 статьи 407 ГК РФ). При неясности условий соглашения и невозможности установить, была ли воля сторон направлена на прекращение обязательства полностью или в какой-либо части, согласно позиции ВС РФ толкование соглашения осуществляется в пользу того, что первоначальное обязательство прекращается полностью (пункт 2 постановления № 6).

3.3. Прекращение предоставлением отступного дополнительных обязательств

Равным образом с помощью отступного может быть прекращено дополнительное, в частности неустоечное, обязательство. При этом достаточно давно судебная практика исходит из презумпции, что с предоставлением отступного прекращаются все обязательства по договору, включая и обязательство по уплате неустойки, процентов и ранее возникших в связи с нарушением обязательства убытков (пункт 3 информационного письма Президиума ВАС РФ № 102, *постановление Президиума ВАС РФ от 10.06.14 № 2504/14*). В пункте 2 постановления № 6 Пленум ВС РФ повторяет эту идею: «При неясности условий соглашения и невозможности установить, была воля сторон направлена на прекращение обязательства полностью или в какой-либо части, толкование соглашения осуществляется в пользу того, что первоначальное обязательство прекращается полностью, а также прекращаются и дополнительные требования по нему, включая обязанность уплатить неустойку».

При всей традиционности данный подход достаточно сомнителен в качестве общего правила. Поскольку обязательство по уплате неустойки является отдельным (ибо возникает в силу самостоятельного основания — факта просрочки исполнения), презумпция должна быть прямо противоположной. Прекращение предоставлением отступного основного обязательства должно влечь прекращение обязательства по уплате начисленной неустойки только в том случае, когда это прямо предусмотрено соглашением сторон. Подобное утверждение не колеблет и доктрина эстоппель. Соглашение о прекращении отступным основного обязательства не содержит подразумеваемой воли сторон относительно судьбы начисленной неустойки и по общему правилу не создает у должника видимости противоположного решения.

Сказанное выше распространяется и на обязанность уплатить регулятивные и охранительные проценты, а также на обязанность по возмещению убытков в связи с ранее допущенным нарушением того же обязательства. Так же, как и требование по уплате начисленной неустойки, они являют собой отдельные от основного долга обязательства, а потому могут быть автономно прекращены с помощью отступного. При этом все приведенные примеры охватываются категорией «дополнительные требования», тем более что перечень последних в пункте 2 постановления № 6 является открытым. Соответственно, общая презумпция правоприменительной практики (устойчивая, хотя и не бесспорная), согласно которой с предоставлением отступного по основному обязательству прекращаются и все дополнительные, в полной мере распространяется и на указанные выше случаи.

4. Предмет отступного

4.1. Вещи

В качестве возможных предметов отступного статья 409 ГК РФ называет уплату денежных средств и передачу иного имущества. С учетом понимания категории «имущество» (см. статью 128 ГК РФ) предметом отступного могут быть в том числе разнообразные вещи: делимые и неделимые, потребляемые и непотребляемые, движимые и недвижимые.

Если предметом отступного является недвижимое имущество, соглашение о передаче отступного как сделка не нуждается в обязательной государственной регистрации (пункт 15 информационного письма Президиума ВАС РФ от 16.02.01 № 59 «Обзор практики разрешения споров, связанных с применением Федерального закона „О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним“»). Но сам переход права собственности подлежит регистрации на основании статьи 8.1 и пункта 2 статьи 223 ГК РФ.

Непростым является вопрос о последствиях уклонения должника от предоставления в качестве отступного недвижимого имущества. В ситуации, когда должник уклоняется от фактической передачи отступного-недвижимости, суды традиционно отказывают в удовлетворении иска кредитора о понуждении к такой передаче и государственной регистрации перехода права собственности. Такой подход абсолютно оправдан. И в модели реального договора, и в модели факультативного обязательства у должника отсутствует обязанность по передаче предмета отступного (в первом случае — по причине того, что само по себе соглашение об отступном не имеет обязательственного эффекта, во втором — ввиду того, что замена исполнения не является обязанностью должника, а представляет лишь его право), а потому должника, уклоняющегося от передачи отступного, не к чему принуждать. Эту идею разделяет и актуальная правоприменительная практика. В абзаце первом пункта 5 постановления № 6 Пленум ВС РФ указывает: «Если должник в течение соответствующего срока не осуществил факультативное предоставление (не предоставил отступное), кредитор вправе потребовать исполнения первоначального обязательства, но не предоставления отступного».

Вместе с тем суды испытывают значительные трудности, когда, фактически предоставив отступное-недвижимость во владение кредитора, должник уклоняется от государственной регистрации перехода прав на него. Ранее практика нижестоящих судов допускала в подобной ситуации удовлетворение иска кредитора о понуждении к государственной регистрации перехода права собственности на фактически переданное отступное-недвижимость. Объяснить такой подход крайне сложно. На наш взгляд, указанная ситуация мало отличается от предыдущей. И коль скоро понуждение к передаче отступного недопустимо, эта недопустимость должна носить универсальный характер и распространяться как на фактическую передачу, так и на перенос титула. В постановлении от 17.06.14 № 2826/14 свое негативное отношение к подобному подходу выразил Президиум ВАС РФ: «Неисполнение должником обязательств по соглашению об отступном в полном объеме в

установленный срок влечет, исходя из правовой природы отступного, наступление иных последствий, нежели предъявление продавцу, уклоняющемуся от государственной регистрации перехода права собственности на недвижимость по договору купли-продажи, покупателем требования о государственной регистрации за ним права собственности. В этом случае кредитор вправе предъявить должнику лишь требование, вытекающее из первоначального обязательства». Данная позиция была подтверждена и ВС РФ (см., например: *определение Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 29.12.16 № 304-ЭС16-11714*, *определение Судебной коллегии по гражданским делам ВС РФ от 19.09.17 № 117-КГ17-8*).

Однако в абзаце втором пункта 5 постановления № 6 Пленум ВС РФ кардинально поменял вектор судебной практики, реставрировав подход нижестоящих судов десятилетней давности: «Если по соглашению сторон в качестве отступного передано недвижимое имущество, однако должник уклоняется от регистрации перехода права собственности на этот объект, кредитор вправе потребовать осуществления такой регистрации (пункт 1 статьи 6, пункт 3 статьи 551, абзац второй пункта 1 статьи 556 ГК РФ)».

Такой подход крайне сомнителен. Его можно было бы принять, если бы отечественное право недвижимости основывалось на принципе противопоставимости в отношении момента перехода права собственности на недвижимость, при котором государственная регистрация — лишь способ оглашения уже возникшего права собственности на недвижимость. Однако фундаментальным началом нашего правопорядка является иной принцип — принцип внесения (статья 8.1, пункт 2 статьи 223 ГК РФ). Согласиться с позицией Пленума ВС РФ можно было бы также, если бы дефолтной моделью понимания соглашения об отступном было альтернативное обязательство. В таком случае фактическое предоставление отступного-недвижимости могло бы рассматриваться как реализация акта выбора, который модифицировал бы обязательство в ординарное с выбранным предметом (см. пункт 2 статьи 308.1 ГК РФ).

В то же время постановление № 6 исходит из понимания соглашения об отступном как модифицирующего первоначальное обязательство в факультативное (пункт 3). В рамках такой модели факультативное предоставление является правом должника, любое прямое или косвенное понуждение к его предоставлению (то есть к реализации права) в корне противоречит данной конструкции (к слову, ровно такой же вывод мы бы получили, если бы ориентировались на воплощенную в современном позитивном праве модель соглашения об отступном как реальном договоре; здесь также не существует обязанности, к исполнению которой можно было бы понуждать).

Некорректной и малоубедительной является и ссылка Пленума ВС РФ на применение к подобной ситуации по аналогии правил статей 551, 556 ГК РФ. Для аналогии закона (пункт 1 статьи 6 ГК РФ) необходима тождественность (или

сходство) существа отношений. Вместе с тем статьи 551, 556 ГК РФ регламентируют *обязанность* продавца по договору продажи недвижимости (обязанность по передаче недвижимости, включающую в качестве одной из характеристик перенос права собственности на проданную недвижимость на покупателя) и устанавливают механизмы понуждения продавца к исполнению этой обязанности. Однако, в отличие от продавца, у должника по соглашению об отступном отсутствует обязанность по передаче предмета отступного-недвижимости (у него есть только право предоставить его), поэтому к нему не могут по аналогии применяться правила, рассчитанные на существование такой обязанности.

4.2. Право собственности на вещь

Закон не исключает возможность предоставить в качестве отступного право собственности на вещь (титул) без физической передачи владения самой вещью. Так, вещь может находиться у третьего лица в аренде, на складе, в пути либо удерживаться незаконным владельцем и подлежать виндикации, реституции или истребованию по договорному основанию (например, при неправомерном уклонении арендатора от возврата вещи). Наконец, вещь может находиться во владении самого кредитора (например, на праве аренды). Для перехода титула на соответствующее имущество без его физической передачи такое имущество должно быть индивидуально определенным либо, если оно определено родовыми признаками, надлежащим образом индивидуализировано (*постановление Президиума ВАС РФ от 28.05.13 № 17739/12*). Если вещь движимая, достаточно заключения распорядительного соглашения о консенсуальном переносе права собственности на вещь на кредитора; если недвижимая — потребуется подача заявления о регистрации перехода права собственности.

4.3. Доля в праве общей собственности

В качестве отступного может выступать и доля в праве собственности на вещь (см. пункт 7 информационного письма Президиума ВАС РФ № 102, *определение Судебной коллегии по гражданским делам ВС РФ от 21.08.18 № 33-КГ18-4*).

4.4. Имущественные права

Поскольку категория «имущество» включает в себя и имущественные права (см. статью 128 ГК РФ), последние также могут использоваться в качестве предмета отступного. При этом в подобной роли могут выступать самые разнообразные оборотоспособные имущественные права: право участия в

капитале корпорации (например, доля в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью; далее — ООО), обязательственные (право требования к третьему лицу) или исключительные (право на результат интеллектуальной деятельности или средство индивидуализации). Могут предметом отступного быть и ценные бумаги — как документарные (например, векселя), так и бездокументарные (акции, облигации).

4.5. Будущее имущество как предмет отступного

При отложенном моменте передачи отступного в качестве предмета отступного может выступать не только существующее и принадлежащее должнику на момент заключения соглашения имущество (вещи и имущественные права), но и то имущество, право на которое (или распорядительная власть в отношении которого) возникнет у должника в будущем к моменту передачи. Отсутствие соответствующего имущества или его принадлежность иному, нежели должнику, лицу в момент подписания соглашения об отступном, предполагающего отложенный момент передачи, правового значения не имеет. Принадлежность соответствующего предмета отступного должнику требуется лишь на момент передачи отступного кредитору.

Естественно, если стороны договариваются о погашении долга путем передачи отступного в момент заключения соглашения (реальная модель отступного), у должника должно быть право собственности (а точнее распорядительная власть) на данное имущество на момент заключения такого соглашения.

4.6. Имущество, на которое наложен арест

При отложенном моменте передачи отступного предметом отступного может выступать имущество, на которое на момент заключения соглашения наложен арест. Если арест будет снят к моменту передачи отступного, проблем не возникает, так как наличие распорядительной власти проверяется на момент распоряжения. ВС РФ исходит из того, что если передача арестованного имущества не происходила, то и нечего признавать недействительным (*определение Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 02.11.16 № 306-ЭС16-4741*).

Но что, если арест был в силе на момент фактической передачи отступного? Ранее судебная практика (см., например, *постановления Президиума ВАС РФ от 25.01.2000 № 5993/99 и от 18.09.01 № 610/01*) исходила из недействительности распоряжения. Но эта практика сформировалась до введения пункта 2 статьи 174.1 ГК РФ, которая в сочетании с пунктом 5 статьи 334 ГК РФ определила несколько иные последствия распоряжения арестованным имуществом. Законодатель решил установить систему, при которой при

неправомерном распоряжении имуществом вопреки судебному запрету (аресту) речь не пойдет о ничтожности распорядительной сделки, даже если приобретатель субъективно недобросовестен и знал об аресте. Вместо этого предложена конструкция так называемого арестного залога и перехода вещи в собственность приобретателя с обременением в виде такого особого залога в пользу кредитора, в интересах которого был наложен арест. Впрочем, контуры конструкции арестного залога и сама его концептуальная оправданность вызывают споры.

4.7. Работы, услуги

Современная редакция статьи 409 ГК РФ не предусматривает возможности использования в качестве отступного иных объектов гражданских прав, нежели имущества, в частности результаты работ и оказание услуг.

Однако в пункте 2 постановления № 6 Пленум ВС РФ предлагает иное решение: «...правила об отступном не исключают, что в качестве отступного будут выполнены работы, оказаны услуги или осуществлено иное предоставление (пункт 1 статьи 407 и статья 421 ГК РФ)». Вопреки использованным ссылкам, предлагаемая ВС РФ позиция вовсе не вытекает из указанных норм и не может быть оправдана ими. Допустимость того или иного соглашения, направленного на прекращение обязательства, вытекающая из принципа свободы договора (статья 421 ГК РФ) и незакрытого перечня способов прекращения обязательств (пункт 1 статьи 407 ГК РФ), вовсе не означает допустимости изменения соглашения сторонами квалифицирующих признаков конструкции отступного. В противном случае теряется смысл в каких-либо предписаниях, не только касающихся отступного, но и в правилах главы 26 ГК РФ в целом.

В действительности соответствующее разъяснение пункта 2 постановления № 6 содержит толкование норм статьи 409 ГК РФ *contra legem*. Ничего не имея в принципе против самого такого способа толкования и допустимости его применения ВС РФ в ситуации крайней необходимости, явной несправедливости и очевидных ошибок законодателя, мы считаем, что необходимость и целесообразность его использования в данной конкретной ситуации вызывает вопросы.

Попутно заметим, что предлагаемый ВС РФ подход противоречит историческому толкованию закона. Изменяя нормы статьи 409 ГК РФ в ходе реформы гражданского законодательства 2015 года, законодатель осознанно исключил из ее текста указания на допустимые предметы отступного, иные, чем имущество (ранее этот перечень включал «уплату денег, передачу имущества и т. п.», в актуальной же редакции ограничен «уплатой денежных средств или передачей иного имущества»). И в этом смысле постановление Пленума ВС РФ игнорирует явно выраженную волю законодателя. Кроме того, предлагаемое

толкование *contra legem* не обусловлено практическими потребностями. За двадцать с лишним лет действия правил статьи 409 ГК РФ в прежней редакции (теоретически допускавшей предоставление отступного в виде выполнения работ и оказания услуг) практика не обнаружила сколь бы то ни было активного применения подобных конструкций.

Отсутствие серьезного запроса практики на использование таких предметов отступного обусловлено тем, что указанные случаи таят в себе массу трудноразрешимых вопросов. В частности, если работы или услуги, выступающие в качестве отступного, носят длящийся характер, могут возникать сложности с определением момента прекращения обязательства и текущего правового положения сторон. А если учесть, что за счет правил о частном моратории (пункт 4 постановления № 6) на все это время кредитор еще и лишается возможности предъявления требований, связанных с первоначальным предметом обязательства, найти разумного кредитора, который согласится на подобный формат отступного, окажется крайне проблематично.

5. Существенные условия, форма и порядок заключения соглашения об отступном

5.1. Существенные условия

Существенными условиями соглашения об отступном являются указание на прекращаемое обязательство, а также на предмет отступного (его наименование и при необходимости количественные характеристики), а в случае, когда предметом отступного являются работы или услуги, — описание самих работ или услуг с той степенью детализации, которая была бы достаточной для признания заключенными договоров подряда или возмездного оказания услуг, если бы речь шла об их заключении.

В силу принципа свободы договора стороны свободны в определении размера и стоимости отступного. Закон не выдвигает требования эквивалентности отступного размеру первоначального предоставления. При этом даже в тех случаях, когда стоимость предоставляемого отступного объективно меньше долга по обязательству, презюмируется прекращение последнего полностью (см. пункт 4 информационного письма Президиума ВАС РФ № 102, пункт 2 постановления № 6).

Ранее практика нижестоящих судов зачастую придавала характер существенного условия о сроке предоставления отступного. Отчасти это было оправдано феноменом моратория (пункт 2 информационного письма Президиума ВАС РФ № 102), поскольку в отсутствие срока предоставления отступного оказывалось затруднительным определить темпоральные границы соответствующего моратория на предъявление требований в отношении первоначального предмета обязательства. Однако актуальная практика ВС РФ

не поддерживает такого подхода. Разъяснения, содержащиеся в пункте 4 постановления № 6, недвусмысленно свидетельствуют об отсутствии каких-либо сложностей в восполнении условия о сроке предоставления отступного: «Если стороны не договорились об ином, в отсутствие согласованного срока для предоставления отступного в качестве исполнения факультативного обязательства должник вправе предоставить отступное в течение разумного срока с момента заключения соглашения». Поскольку соответствующее условие может быть адекватно восполнено, в том числе с помощью данных разъяснений, оснований считать его существенным в настоящее время нет.

5.2. Форма соглашения об отступном

В законе отсутствует специальное регулирование вопроса о форме соглашения об отступном. Соответственно, форма такого соглашения, казалось бы, должна определяться лишь по общим правилам глав 9, 28 ГК РФ о форме сделок и договоров. Но ситуация в реальности несколько сложнее.

Правила статьи 452 ГК РФ о том, что форма соглашения об изменении или о расторжении договора должна следовать форме расторгаемого или изменяемого договора, к соглашению об отступном ранее не применялись судами (*постановление Президиума ВАС РФ от 25.09.07 № 7134/07*). Такой подход выглядит логично, если исходить из концепции соглашения об отступном как реальной сделки, поскольку последняя не имеет сама по себе обязательственного эффекта и оснований для использования в вопросе формы такого соглашения предписаний статьи 452 ГК РФ нет.

Однако если соглашение об отступном предусматривает трансформацию изначального обязательства в факультативное, применение правил статьи 452 ГК РФ может и должно обсуждаться. Неслучайно, подтвердив базовую модель понимания соглашения об отступном как трансформирующего долг в факультативное обязательство, пункт 8 постановления № 6 разъясняет вопросы формы соглашения об отступном с учетом предписаний статьи 452 ГК РФ.

С точки зрения формальной логики эти правила должны были бы выглядеть следующим образом. В ситуации, когда первоначальное обязательство является внедоговорным, форма соглашения об отступном определяется по общим правилам глав 9, 28 ГК РФ о форме сделок и договоров. В случаях же, когда первоначальное обязательство носит договорный характер, соглашение об отступном должно подчиняться также требованиям о форме договора, породившего первоначальное обязательство (см. пункт 1 статьи 452 ГК РФ), поскольку такое соглашение модифицирует (изменяет) первоначальное обязательство. При коллизии указанных правил применяются предписания, устанавливающие более строгие требования к форме.

Пункт 8 постановления № 6 решает вопрос о форме крайне своеобразно: «Следует учитывать, что в отношении первоначального договора и договора, на

основании которого предоставляется отступное, могут быть установлены разные требования к форме, в частности, в связи с тем, что возникающий между сторонами договор подпадает под признаки обязательства иного вида или в отношении сделок с имуществом, которое передается в качестве отступного, установлены специальные требования к форме. В таком случае к соглашению об отступном подлежат применению наиболее строгие из этих правил о форме сделки (пункт 1 статьи 452 ГК РФ)». Следовательно, вместо коллизии общих требований к форме (главы 9, 28 ГК РФ) и специальных правил статьи 452 ГК РФ Пленум ВС РФ предлагает рассматривать в качестве коллидирующих с предписаниями пункта 1 статьи 452 ГК РФ правила о форме «договора, на основании которого предоставляется отступное... в частности, в связи с тем, что возникающий между сторонами договор подпадает под признаки обязательства иного вида». Получается, согласно позиции ВС РФ, если в качестве отступного, передача которого должна была погасить заемный долг, оговорена передача в будущем вещи, речь идет о том, что соглашение о займе каким-то образом трансформировалось в договор купли-продажи. И если для договора купли-продажи установлены иные, более строгие требования к форме, чем те, которые следуют из общих правил о форме сделки, или чем те, которые применялись в отношении исходного договора, то должны применяться эти более строгие требования к форме.

Нетрудно заметить, что в этой части положения пункта 8 постановления № 6 содержательно и редакционно близки с разъяснениями пункта 28 того же постановления Пленума ВС РФ о форме соглашения о новации и базируются на одной и той же идее модификации договорного типа в результате заключения соответствующего соглашения. Но если применительно к новации эта идея выглядит сомнительной (хотя логически возможна), то ее применение к отступному является ошибочным. Если вслед за постановлением Пленума ВС РФ рассматривать соглашение об отступном в качестве модифицирующего первоначальное обязательство в факультативное (пункт 3), то есть в обязательство, где наряду с основным предметом появляется право (только право, но не обязанность) должника освободиться от долга посредством предоставления согласованного суррогата, то логически невозможно найти место и момент, когда первоначальный договор утрачивает свои первоначальные характеристики, связь с исходным договорным типом, трансформируясь в иной договорный тип. Например, если первоначальное обязательство по оказанию услуг возникло из соответствующего возмездного договора, а затем в отношении обязательства по оказанию услуг было заключено соглашение об отступном, в качестве которого согласована передача вещи в собственность, то неужели исходный договор трансформировался в договор купли-продажи? И это притом, что единственным предметом долга как было, так и осталось оказание услуги, а передача вещи в собственность как факультативное предоставление не является задолженной? Неужели при неиспользовании должником своего права на замену

и прекращении договорного обязательства посредством оказания услуги прекращается договор купли-продажи? Или в этом случае произошла (в какой-то непонятный момент) обратная трансформация договорного типа? В каком временном промежутке договор перестал быть оказанием услуг, если учесть, что само согласование отступного не меняет первоначальный (единственный) предмет обязательства, а в случае прекращения этого обязательства предоставлением отступного (передачи вещи в собственность) для подобной трансформации просто нет места, поскольку договорное обязательство прекращается в момент соответствующего предоставления?

Если в части попытки применения к соглашению о форме отступного идеи трансформации договорного типа разъяснения пункта 8 постановления № 6 выглядят очевидно ошибочными, то в части необходимости учета специальных требований к форме, установленных в отношении сделок с имуществом, выступающим в качестве отступного, в этих разъяснениях имеется здоровое зерно. В современном отечественном законодательстве действительно наличествуют специальные предписания о форме, атрибутированные не по типу (виду) заключаемой сделки, а по иным признакам, в частности по характеру имущества, выступающего ее предметом. Так, в силу пункта 1.1 статьи 42 Федерального закона от 13.07.15 № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости» сделки по отчуждению долей в праве общей собственности на недвижимое имущество (за некоторыми установленными законом изъятиями) подлежат нотариальному удостоверению. При всей неочевидной необходимости такой особой формы, если эти правила установлены в отношении обязательственных сделок (а именно таким образом они понимаются современной правоприменительной практикой), они должны соблюдаться и в ситуации, когда соответствующие доли в праве общей собственности являются предметом соглашения об отступном. Иначе говоря, если предмет отступного выступает доля в общей собственности в отношении недвижимости, соглашение о передаче такого имущества в качестве отступного должно нотариально удостоверяться.

Релевантным в этом смысле мог бы быть и пример с долями в уставном капитале ООО (который прямо содержится в пункте 8 постановления № 6), если бы требование о нотариальном удостоверении сделок, направленных на отчуждение доли в ООО, содержащееся в абзаце первом пункта 11 статьи 21 Федерального закона от 08.02.98 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» (далее — Закон об ООО), касалось обязательственных сделок. Однако предписания абзаца третьего пункта 11 статьи 21 данного закона, противопоставляющие сделкам, направленным на отчуждение доли в ООО, категорию договоров, устанавливающих обязательство совершить сделку, направленную на отчуждение доли в ООО, свидетельствуют в пользу того, что обязательному нотариальному удостоверению подлежат лишь распорядительные сделки по передаче доли в ООО. Поэтому соглашение об

отступном, за исключением случая, когда оно предполагает немедленную передачу доли в ООО в качестве отступного (то есть когда распорядительная сделка в отношении доли в ООО совершается одновременно с обязательственной и инкорпорирована в текст последней), нотариальному удостоверению не подлежит. В этом плане закрепленное в пункте 8 постановления № 6 разъяснение, согласно которому «если в качестве отступного предоставляются доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью, то соглашение об отступном должно быть нотариально удостоверено», необходимо толковать ограничительно и применять только к таким соглашениям, которые непосредственно направлены на распоряжение долей в ООО. Если соглашение лишь предоставляет должнику право погасить долг путем передачи в качестве отступного долю в ООО, стороны имеют в виду последующее совершение распорядительной сделки, а значит, нотариально удостоверяться должна будет именно она, а не само соглашение об отступном, устанавливающее правовое основание для будущего распоряжения.

5.3. Порядок заключения соглашения об отступном: преимущественные права

5.3.1. Доля в праве общей собственности на вещь

В случае, когда предметом отступного выступает доля в праве общей собственности на вещь, заключение такого соглашения об отступном может требовать соблюдения правил о преимущественном приобретении (пункт 7 постановления № 6, пункт 7 информационного письма Президиума ВАС РФ № 102, *определение Судебной коллегии по гражданским делам ВС РФ от 21.08.18 № 33-КГ18-4*). Согласно статье 246 ГК РФ указанные правила должны соблюдаться при всяком возмездном отчуждении (а не только посредством купли-продажи и мены). Ввиду «вторичного» характера соглашения об отступном оценка последнего на предмет его возмездности (безвозмездности) должна осуществляться не автономно, а в зависимости от соответствующей характеристики договора, лежащего в основании первоначального обязательства. Таким образом, если соглашение об отступном направлено на прекращение обязательства из безвозмездного договора (например, консенсуального дарения), оно также должно рассматриваться как безвозмездное и, соответственно, не предполагает соблюдения правил о преимущественном приобретении. Напротив, если соглашение об отступном направлено на прекращение обязательства из возмездного договора (например, купли-продажи), его следует рассматривать в качестве возмездного. Соответственно, в последнем случае при использовании в качестве отступного доли в праве собственности на вещь требуется соблюдение правил статьи 250 ГК РФ.

Определяя пределы действия правил о преимущественном приобретении в отношении сделок с долями в праве общей собственности на вещь, статья 246 ГК РФ оперирует достаточно грубым критерием «возмездность — безвозмездность». Вместе с тем его использование для случаев предоставления доли в праве собственности на вещь в качестве отступного создает определенные трудности. В частности, предоставление доли в праве общей собственности в качестве отступного по обязательству возврата суммы займа, возникшему из возмездного договора займа, очевидно, предполагает необходимость соблюдения правил о преимущественном приобретении (пункт 7 информационного письма Президиума ВАС РФ № 102, *определение Судебной коллегии по гражданским делам ВС РФ от 21.08.18 № 33-КГ18-4*), поскольку выполняется критерий возмездности. Но требуется ли соблюдение этих правил, если в аналогичной ситуации первоначальное обязательство по возврату займа возникло из договора безвозмездного (беспроцентного) займа? Буквальная интерпретация предписаний статьи 246 ГК РФ подталкивает к отрицательному ответу. Однако такое решение выглядит сомнительным и бессистемным, ибо в характере отношений заимодавца и заемщика и в существе обязанности по возврату суммы займа ничего не меняется в зависимости от возмездности/безвозмездности договора.

Поскольку целями института преимущественного приобретения доли в праве общей собственности являются защита интересов сособственников (ограничение доступа в их состав иных лиц, интерес сособственника на укрупнение собственности), а также принципиальная возможность трансформации долевой собственности «как нестабильного юридического образования» в собственность единоличную (см. *определение Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 04.06.20 № 306-ЭС19-22343*), следует телеологически истолковать норму статьи 246 ГК РФ, признав, что предписания о преимущественном приобретении являют собой не сферу прямо дозволенного законом, не исключение из общего порядка отчуждения доли в праве собственности, а общие правила такого отчуждения. И в ситуации, когда нет особых резонов для исключения (каковые мы имеем в случае с завещанием или дарением, когда действие преимущественного права грубо нарушало бы интерес и дарителя (отчуждателя) доли, и одаряемого), общие правила о преимущественном приобретении подлежат применению. При таком подходе предоставление доли в праве общей собственности в качестве отступного по обязательству возврата займа требует соблюдения правил статьи 250 ГК РФ о преимущественном приобретении.

Исходя из данной логики, легко ответить на вопрос о действии преимущественного права в случае, когда отступное в виде доли в праве собственности предоставляется по внедоговорному обязательству. Буквальное толкование статьи 246 ГК РФ оставляет этот вопрос без решения, поскольку критерий «возмездность — безвозмездность» не может быть использован в

описанной ситуации в принципе. Однако если воспринимать преимущественное приобретение как общее правило, регулирующее порядок отчуждения доли в праве собственности, это общее правило должно распространяться и на описанные ситуации, поскольку никаких причин для установления изъятия из него данная ситуация не предполагает.

5.3.2. Акции закрытых акционерных (непубличных) обществ

Судебная практика в отношении соглашений об отступном, предметом которых выступали акции закрытых акционерных (непубличных) обществ, ранее отрицала необходимость соблюдения правил о преимущественном приобретении. В пункте 1 информационного письма от 25.06.09 № 131 «Обзор практики рассмотрения арбитражными судами споров о преимущественном праве приобретения акций закрытых акционерных обществ» Президиум ВАС РФ, буквально истолковав действовавшие на тот момент предписания Федерального закона от 26.12.95 № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» (далее — Закон об АО) о «преимущественном праве приобретения», отказался распространять их на иные, нежели купля-продажа, случаи отчуждения акций закрытых акционерных (непубличных) обществ.

Однако в настоящее время эта практика в значительной степени скорректирована. Согласно актуальной редакции пунктов 3 и 4 статьи 7 Закона об АО уставом непубличного общества может быть предусмотрено преимущественное право приобретения его акционерами (обществом) акций, отчуждаемых по иным, чем договор купли-продажи, возмездным сделкам (включая отступное) по цене, которая или порядок определения которой установлены уставом общества. При отчуждении акций непубличного общества с нарушением преимущественного права акционеры, имеющие такое преимущественное право, либо само общество вправе потребовать в судебном порядке передачи им отчужденных акций с выплатой их приобретателю цены, определенной уставом, если доказано, что приобретатель знал или должен был знать о наличии в уставе общества положений о преимущественном праве.

5.3.3. Доля в ООО

Применение правил о преимущественном приобретении выглядит оправданным и при использовании в качестве отступного доли в уставном капитале ООО. Однако судебная практика нижестоящих судов в данном вопросе долгое время шла иным путем. В отсутствие в корпоративном законодательстве общих норм, касающихся возмездного отчуждения долей (аналога статьи 246 ГК РФ для общей собственности), правила о преимущественной покупке (пункт 4 статьи 21 Закона об ООО) зачастую толковались буквально и применялись только для случаев купли-продажи доли. При таком подходе при использовании в

качестве отступного доли в уставном капитале ООО соблюдения правил о преимущественном приобретении для совершения соглашения об отступном не требовалось. Этот подход выглядел крайне сомнительным. Будучи предельно формальным, он не учитывал целей, стоящих перед институтом преимущественного приобретения (защита интересов участников общества в стабильности их состава, ограничение доступа в состав участников третьих лиц), и создавал очевидный способ обхода правил о преимущественном приобретении.

В корне ситуацию изменило постановление № 6, в пункте 7 которого Пленум ВС РФ универсальным образом распространил правила о преимущественной покупке на случаи передачи в качестве отступного любого имущества, в отношении которого действует такое право (то есть в том числе и долей в ООО).

Конечно, нельзя не отметить, что в этом разъяснении ВС РФ из-под действия преимущественного права приобретения не были изъяты случаи безвозмездной передачи соответствующего имущества в качестве отступного (например, когда с помощью отступного прекращается обязательство из консенсуального договора дарения). Однако думается, это ограничение самоочевидно и без труда будет восполнено правоприменительной практикой.

Таким образом, ВС РФ синхронизировал применение правил о преимущественном приобретении в отношении отступного в виде долей ООО с соответствующими правилами, действующими для ситуации, когда в качестве отступного предоставляется доля в праве общей собственности. Поэтому все сказанное выше в пункте 5.3.1 релевантно и для рассматриваемой ситуации.

5.3.4. Условия и механизм реализации преимущественного права

Применимость правил о преимущественном приобретении к случаям предоставления в качестве отступного доли в общей собственности на вещь или доли в уставном капитале ООО актуализирует ряд важнейших вопросов, связанных с условиями и механикой действия соответствующих правил (для случаев предоставления в качестве отступного акций непубличного общества эти вопросы не столь значимы в силу их специального регулирования предписаниями пунктов 3 и 4 статьи 7 Закона об АО и уставом).

Первый из таких вопросов связан с характером первоначального обязательства. Он обусловлен анализом примеров высших судебных инстанций (пункт 7 информационного письма Президиума ВАС РФ № 102, *определение Судебной коллегии по гражданским делам ВС РФ от 21.08.18 № 33-КГ18-4*), а также пункта 7 постановления № 6, где Пленум ВС РФ прямо ограничивает свое разъяснение только случаями, когда соответствующее имущество предоставляется в качестве отступного «взамен обязательства по уплате денег».

Подобное ограничение вызвано тем, что в отечественном праве укрепилась идея, согласно которой реализация преимущественного права его обладателем (преферентом) происходит посредством предоставления аналога того, что обещано/предоставлено отчуждателю (грантору) третьим лицом. Например, сособственник, обладающий преимущественным правом (преферент), обязуется уплатить отчуждающему сособственнику (грантору) цену, которую изъявило готовность заплатить за отчуждаемую долю в праве общей собственности на вещь третье лицо. Либо при нарушении его преимущественного права преферент через депозит суда вносит сумму, уже уплаченную третьим лицом, восстанавливая тем самым имущественную массу последнего. Если аналог предоставленного/обещанного третьим лицом преферент предоставить не способен, он не может реализовать свое преимущественное право. При таком понимании преимущественное право работает только в ситуации, когда обязательство третьего лица заключается в уплате денежной суммы или предоставлении иных родовых объектов. Подобное представление о механизме реализации преимущественного права в значительной степени снижает потенциал института, серьезно сокращает сферу его применения и провоцирует достаточно легкие способы его обхода, однако поддерживается правоприменительной практикой.

Сказанное актуально и для логики реализации преимущественного права при предоставлении отступного. Конечно, здесь нет встречного предоставления третьего лица за отчуждаемую сособственником / участником ООО долю в праве общей собственности на вещь / долю в уставном капитале ООО. Но передача соответствующего имущества в качестве отступного призвана прекратить первоначальное обязательство сособственника / участника ООО (грантора) перед третьим лицом, выступает эквивалентом такого прекращения. Поэтому для реализации преимущественного права его преферент должен предоставить третьему лицу аналог задолженного грантором — уплатить сумму задолженности или предоставить иные родовые объекты. Следовательно, при таком понимании в рамках отступного преимущественное право может работать лишь в ситуации, когда первоначальное обязательство грантора состояло в уплате денег или передаче иных родовых объектов.

Таким образом, общая проблема ограниченной сферы применения правил о преимущественном приобретении (из-за господствующей модели «реализация преимущественного права — предоставление преферентом третьему лицу аналога задолженного») отражается и на ситуации передачи имущества, в отношении которого действует преимущественное право, в качестве отступного. Является ли это ограничение неизбежным? Нет, могут существовать иные парадигмы понимания реализации преимущественного права. Например, такую реализацию можно было бы воспринимать как внесение преферентом рыночной стоимости переданной третьему лицу в нарушение преимущественного права доли в праве общей собственности на вещь / доли в уставном капитале ООО (к

слову, данная модель отчасти реализована в пунктах 3 и 4 статьи 7 Закона об АО относительно преимущественного права приобретения акций непубличных обществ). Переход на эту альтернативную модель позволил бы применительно к отступному использовать преимущественное право, в том числе и в случаях, когда первоначальное обязательство должника (грантора) заключалось в передаче индивидуально-определенной вещи либо состояло в выполнении работ / оказании услуг. Однако в настоящее время правоприменительная практика достаточно ригидна и придерживается классического подхода.

Второй вопрос связан с определением начального момента действия преимущественного права. Он также вызван тем, что в большинстве примеров практики высших судебных инстанций (пункт 7 информационного письма Президиума ВАС РФ № 102, *определение Судебной коллегии по гражданским делам ВС РФ от 21.08.18 № 33-КГ18-4*, пункт 7 постановления от № 6) речь идет о защите преферента *ex post*, после уже состоявшегося нарушения, посредством предоставления преференту возможности воспользоваться средствами защиты, предусмотренными на случай нарушения преимущественного права.

Вместе с тем в ординарной ситуации, например при продаже имущества, в отношении которого установлено преимущественное право, последнее действует уже на регулятивной стадии: продавец (грантор) обязан предложить преференту заключить договор на условиях предполагаемой продажи доли в праве общей собственности / доли в уставном капитале ООО третьему лицу (см., например, пункт 2 статьи 250 ГК РФ). Существует ли подобная регулятивная стадия в рассматриваемой ситуации, когда соответствующее имущество, в отношении которого установлено преимущественное право, предоставляется в качестве отступного? Ответ на данный вопрос не очевиден. С одной стороны, лишение возможности реализовать преимущественное право до его нарушения в значительной степени обедняет правовой статус преферента, нарушает его интересы. Кроме того, отсутствие регулятивной стадии может доставлять известное беспокойство третьему лицу, лишенному возможности определенно констатировать прекращение преимущественного права ввиду отказа от реализации или истечения срока на реализацию. С другой — «прикручивание» регулятивной стадии к отношениям, связанным с предоставлением имущества, в отношении которого установлено преимущественное право, в качестве отступного представляет известную логическую и догматическую сложность. Соглашение об отступном не имеет самостоятельного характера и существует только в связи с основным обязательством между грантором (как должником) и третьим лицом (как кредитором). При этом в модели реального договора соглашение об отступном вообще не влечет возникновения обязательства, в модели же факультативного обязательства предоставление отступного не является задолженным и не может быть истребовано. Можно ли соединить эти вводные с ординарными правилами реализации преимущественного права? Какие условия его реализации должен сообщать грантор преференту? Условия

основного обязательства? Но зачастую это трудноосуществимо, поскольку такие условия изменчивы, ибо включают в себя не только основной долг, но и проценты (регулятивные и охранительные). Как синхронизировать между собой установленные нормативно сроки реализации преимущественного права (абзац второй пункта 2 статьи 250 ГК РФ) со сроками предоставления отступного и мораторием (пункт 4 постановления № 6)? Не будет ли в принципе исполнение преферентом первоначального обязательства грантора перед третьим лицом и, как следствие, приобретение преферентом принадлежащей грантору доли в праве общей собственности на вещь / доли в уставном капитале ООО входить в противоречие с отсутствием обязанности должника (грантора) по предоставлению соответствующего имущества как отступного? Все эти вопросы заставляют усомниться в возможности реализации преимущественного права в рассматриваемой ситуации до передачи соответствующего имущества как отступного третьему лицу и реализации должником (грантором) права на замену исполнения. Впрочем, окончательное решение поставленной проблемы правоприменительной практике еще предстоит найти.

Наконец, еще один вопрос связан с размером предоставления, которое должен совершить преферент, желающий защитить свое преимущественное право в рассматриваемой ситуации. Данная проблема вызвана отсутствием требования объективной эквивалентности стоимости предмета отступного и величины первоначального обязательства, прекращаемого предоставлением отступного. Поэтому указанные величины могут не совпадать между собой. Например, представим, что рыночная стоимость предмета отступного составляет 120 (альтернативный вариант — 80), а размер первоначального обязательства — 100. Каков должен быть размер предоставления преферента, желающего реализовать принадлежащее ему преимущественное право, в адрес третьего лица в подобной ситуации? В проекте постановления Пленума ВС РФ предлагалось определять соответствующую величину исходя из размера прекращенного первоначального обязательства (то есть в обоих приведенных выше примерах — 100). Подобный подход представляется нам разумным. Если грантор и третье лицо согласились на прекращение первоначального обязательства предоставлением соответствующего отступного, очевидно, что для них стоимость отступного субъективно эквивалентна стоимости (размеру) основного обязательства. Поскольку реализация (защита) преимущественного права преферента не должна нарушать имущественный интерес третьего лица, «выкуп» отступного преферентом у третьего лица должен происходить исходя из размера первоначального обязательства. Вместе с тем нельзя не заметить, что соответствующее разъяснение не попало в финальный текст пункта 7 постановления № 6. А потому, видимо, судебная практика далека пока от окончательного ответа на данный вопрос.

Кроме того, не стоит забывать, что описанная проблема и ее решение тесно связаны с пониманием модели реализации преимущественного права и

релевантны лишь для господствующей сегодня модели «реализация преимущественного права — предоставление преферентом третьему лицу аналога задолженного» (см. выше). При иной парадигме, например при восприятии такой реализации как внесения преферентом рыночной стоимости переданной третьему лицу в нарушение преимущественного права доли в праве общей собственности на вещь / доли в уставном капитале ООО, очевидным решением будет ориентир на указанную рыночную стоимость, вне зависимости от размера первоначального обязательства.

5.4. Порядок заключения соглашения об отступном: правила корпоративного законодательства

Ввиду того, что соглашение об отступном подпадает под категорию сделки, связанной с отчуждением имущества, при его заключении требуется соблюдение правил корпоративного законодательства о крупных сделках. При этом соглашение об отступном должно оцениваться на предмет «крупности» независимо от того, относилась ли к данной категории сделка, устанавливающая первоначальное обязательство. Это необходимо, поскольку между моментами заключения первоначальной сделки и соглашения об отступном может наличествовать временной промежуток, в течение которого балансовая стоимость активов могла измениться, а также ввиду допустимой неэквивалентности стоимости предметов отступного и первоначального обязательства. При нарушении требований о порядке совершения крупных сделок при заключении соглашения об отступном последнее может быть оспорено по правилам статьи 46 Закона об ООО, статьи 79 Закона об АО.

Заключение соглашения об отступном (предоставление отступного) может быть также оспорено по правилам статьи 174 ГК РФ, а также по правилам главы III.1 Федерального закона от 26.10.02 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», касающимся подозрительных сделок и сделок с предпочтением (см. пункт 5 постановления Пленума ВАС РФ от 30.04.09 № 32 «О некоторых вопросах, связанных с оспариванием сделок по основаниям, предусмотренным Федеральным законом „О несостоятельности (банкротстве)“», *постановление Президиума ВАС РФ от 31.05.11 № 18327/10*).

6. Последствия предоставления отступного по частям

В случае, когда стороны предусмотрели предоставление отступного по частям, при предоставлении части отступного судебная практика считает первоначальное обязательство прекращенным пропорционально фактически предоставленному отступному (пункт 5 информационного письма Президиума ВАС РФ № 102). Подобные последствия выглядят вполне оправданно, если они прямо предусмотрены соглашением. Однако использование такого подхода в

качестве универсального достаточно сомнительно, поскольку оно не находит оправдания в законе и противоречит подразумеваемым интересам сторон. По нашему мнению, частичное предоставление отступного не должно оказывать влияния на первоначальное обязательство (иное может быть прямо предусмотрено в соглашении об отступном). Соответственно, несмотря на состоявшееся частичное предоставление отступного, кредитор должен сохранять требования в отношении первоначального обязательства в полном объеме. В случае успешной их реализации (например, путем взыскания полной суммы долга или зачета) ранее предоставленная должником часть суррогата (предмета отступного) становится неосновательным обогащением кредитора и должна быть возвращена им должнику по правилам главы 60 ГК РФ.

7. Последствия обнаружения недостатков отступного: модель регулирования

Сложный вопрос возникает при обнаружении в предоставленном предмете отступного физических или юридических недостатков. В подобной ситуации исходно мыслимы две полярные модели защиты интересов кредитора: восстановление первоначального обязательства или ответственность должника, предоставившего предмет отступного с недостатками, за эти недостатки. Выбор между указанными стратегиями является в значительной степени политико-правовым. И с этой точки зрения восстановление первоначального обязательства выглядит куда менее удачным решением. Восстановление обязательства являет собой достаточно алогичный и противоречивый феномен, порождающий крайне сложные вопросы об исчислении исковой давности, судьбе обеспечений и пр. И чем дальше отстоят друг от друга во времени моменты «прекращения» и восстановления обязательства, тем шире круг этих вопросов и сложнее их решение, тем больше интересов третьих лиц (например, лиц, ранее предоставивших обеспечение по ныне восстанавливаемому обязательству, их кредиторов, контрагентов) подвергаются угрозе нарушения, тем выше дестабилизирующий фактор такого восстановления для оборота в целом. Не случайно многие правовые порядки (в частности, Германия, дореволюционная Россия), столкнувшись с необходимостью решения вопроса о последствиях обнаружения недостатков в предмете отступного, отвергают вариант восстановления первоначального обязательства.

7.1. Ответственность за скрытые недостатки предмета отступного

С учетом сказанного выше вполне логично, что ВС РФ отверг вариант восстановления и выбрал вариант ответственности за качество. В абзаце первом пункта 6 постановления № 6 Пленум ВС РФ указывает, что «если предложенное

отступное не соответствует соглашению сторон, а при отсутствии специальных указаний в соглашении — обычно предъявляемым требованиям, кредитор вправе отказаться от приемки ненадлежащего отступного, предложенного должником». Далее он уточняет, что «в случае если в принятом кредитором отступном будут обнаружены скрытые недостатки, то он вправе воспользоваться средствами защиты, предусмотренными правилами о соответствующем этому предоставлению договору».

Таким образом, если в качестве отступного предоставлено имущество (вещи или имущественные права) ненадлежащего качества, за эти недостатки должник отвечает как «продавец», а кредитор может воспользоваться средствами защиты, указанными в статьях 460–461, 475 ГК РФ. Если же в качестве отступного предоставлен, например, результат работ или оказаны услуги (при всей спорности использования такого предоставления в качестве предмета отступного), то при последующем обнаружении недостатков должник отвечает за них по правилам о подряде (статья 723 ГК РФ).

При этом положения о договорах, соответствующих сделанному в качестве отступного предоставлению, применяются в рассматриваемом случае *mutatis mutandis*, а кредитор может воспользоваться только такими способами защиты, которые не противоречат существу складывающихся отношений. В частности, ввиду специфики отношений, связанных с предоставлением отступного, сложно представить использование кредитором такого способа защиты, как требование замены ненадлежащего предмета отступного надлежащим (абзац третий пункта 2 статьи 475 ГК РФ). Напротив, для требования о безвозмездном устранении недостатков (абзац третий пункта 1 статьи 475 ГК РФ) или требования возмещения собственных расходов на устранение недостатков (абзац четвертый пункта 1 статьи 475 ГК РФ) никаких существенных ограничений в приведенных ситуациях нет.

Сама принципиальная возможность ответственности должника за недостатки предоставленного отступного может исключаться природой (существом) первоначального обязательства. Например, в российской доктрине распространен подход, согласно которому даритель не несет ответственности за недостатки предмета дарения, если таковые не спровоцировали вред личности или имуществу потерпевшего («дареному коню...»). Этот подход косвенно подтверждается правилами пункта 3 статьи 576 ГК РФ. Если принять такую позицию, то ответственность за недостатки предмета отступного, предоставление которого призвано прекратить обязательство дарителя из консенсуального договора дарения, также должна быть исключена. Иное приводило бы к достаточно абсурдному решению, что ответственность за недостатки отступного оказывается более строгой по сравнению с ответственностью за недостатки предмета первоначального обязательства. Косвенно реализацию этой идеи можно увидеть в разъяснениях абзаца второго пункта 6 постановления № 6, где указано на возможность использования

«средств защиты, предусмотренных правилами о соответствующем этому предоставлению договоре, если иное не вытекает из существа обязательства», а в качестве иллюстрации приведен пример, связанный с предоставлением отступного именно по возмездному договору.

Вопрос о допустимости ограничения (исключения) ответственности за недостатки предмета отступного соглашением сторон в отечественной доктрине мало исследован. В первом приближении представляется, что этот вопрос является проявлением общей проблемы диспозитивности/императивности предписаний отечественного законодательства о договорной ответственности в целом и ответственности за недостатки в частности. В этой связи, коль скоро современный российский правопорядок позволяет договариваться об ограничении (исключении) ответственности (кроме случаев ответственности за умышленные нарушения — пункт 4 статьи 401 ГК РФ), то и применительно к рассматриваемой ситуации стороны также вправе своим соглашением исключить ответственность за скрытые недостатки предмета отступного в целом, ограничить ответственность (темпорально или сущностно) только случаями обнаружения определенных недостатков, исключить применение кредитором определенных способов защиты, установленных законом, либо изменить эти способы защиты. Понятно, что подобные соглашения возможны, только если они не нарушают пределов договорной свободы (см. постановление Пленума ВАС РФ от 14.03.14 № 16 «О свободе договора и ее пределах»). В частности, недопустимы как нарушающие явно выраженный запрет пункта 4 статьи 401 ГК РФ соглашения об исключении/ограничении ответственности за скрытые недостатки, о которых кредитором известно. Невозможны соглашения, ограничивающие/исключающие ответственность за недостатки должника-предпринимателя перед кредитором, не являющимся предпринимателем.

В то же время куда более спорный характер имеет попытка сторон предусмотреть в качестве последствия обнаружения в предмете отступного скрытых недостатков восстановление первоначального обязательства. Такой способ защиты, во-первых, противоречит позиции, закрепленной в пункте 6 постановления № 6. Кроме того, ретроактивность восстановления долга может нарушать права третьих лиц. Например, ретроактивное восстановление обязательства может ввергнуть в беспокойство и нарушить разумные ожидания поручителей или третьих лиц, предоставивших обеспечение. Впрочем, полной ясности по данному вопросу в российском праве нет.

7.1.1. Ответственность на случай эвизции

Современное российское законодательство предусматривает ответственность не только за «физические» недостатки предоставленного предмета (ненадлежащее качество), но и за недостатки юридические (обременения или пороки титула в отношении переданного предмета). Так,

статьи 460, 461 ГК РФ позволяют кредитору (покупателю) в случае эвикции, то есть изъятия товара третьими лицами (например, посредством его виндикации) по основаниям, возникшим до исполнения договора купли-продажи, отказаться от договора и требовать возмещения причиненных этой эвикцией убытков.

Действенность и применимость подобных правил к отношениям по купле-продаже, где соответствующая ситуация очевидно может быть охарактеризована как неисполнение договорной обязанности продавца, не вызывает никаких сомнений. Однако в случае с отступным этот и подобные сюжеты могут порождать некоторые сложности. Например, если в качестве отступного должник фактически передал имущество, которое ему не принадлежало, и в этой связи данное имущество было в последующем виндцировано действительным собственником. Следует ли в подобной ситуации говорить об отсутствии передачи отступного, а значит, о восстановлении (непрекращении) первоначального обязательства? Или и в этом сюжете мы должны вести речь только об ответственности за юридические недостатки (юридическое качество предмета отступного), не допуская восстановления первоначального долга? Тот же вопрос может возникать, если в качестве отступного передано, например, здание (строение), впоследствии признанное самовольной постройкой. Равно и в случае, когда в качестве отступного было уступлено требование, которого в реальности вообще не существовало никогда, либо оно признано недействительным или было прекращено, либо в отношении которого у должника не было распорядительной власти: будет ли здесь применяться лишь ответственность по статье 390 ГК РФ либо речь пойдет о признании отступного непредоставленным и долга непогашенным?

Теоретически возможны два подхода.

Согласно первому исходный долг оказывается непогашенным, так как не накопился фактический состав для его погашения, ибо видимость переноса собственности или уступки не равнозначна реальному распоряжению. Так, если должник не уступит кредитору право требования в качестве отступного, долг не будет погашен. Но что меняется, если он сделал вид, что уступает кредитору требование, но реально никакое требование в имущественную массу кредитора не перенес, так как сам им не обладал? В сценарии с передачей вещи, акций, доли в ООО или регистрируемого объекта интеллектуальной собственности у кредитора после выяснения отсутствия распорядительного эффекта остается «в руках» лишь незаконное владение вещью или запись в соответствующем реестре, но и этих внешних атрибутов он будет лишен после удовлетворения иска истинного собственника либо досудебного удовлетворения его притязания кредитором. На выходе эта ситуация мало чем отличается от ситуации непередачи имущества.

Согласно второму подходу ретроактивное восстановление исходного долга крайне нежелательно и способно породить деструктивные последствия. Во всех описываемых случаях кредитор, иногда сам должник, а также третьи лица,

предоставившие обеспечение, вполне могут считать долг погашенным в течение многих лет, прежде чем узнать о том, что собственность на предмет отступного им так и не перешла. Разумные ожидания должника и третьих лиц могут быть подорваны, причем иногда при отсутствии какой-либо упречности их поведения. Поэтому предлагается исключать в подобных ситуациях ретроактивное восстановление исходного долга и ограничивать права кредитора иском о взыскании убытков.

Вопрос о выборе одного из двух этих подходов является сложным и обусловлен в большей степени политикой права, нежели догматикой. В разные исторические эпохи различные правовые порядки поддерживали тот или иной подход, а иногда даже закрепляли возможность выбора кредитором формата защиты в подобной ситуации. И хотя в зарубежных правовых порядках идея нежелательности, а потому недопустимости восстановления первоначального долга рассматривается в качестве более новой и прогрессивной, само по себе это не предопределяет возможного решения отечественной судебной практики. В настоящее время никакой очевидной позиции ВС РФ по данному вопросу нет. Конечно, нельзя не отметить, что в абзаце втором пункта 6 постановления № 6, в котором ВС РФ, рассуждая о скрытых недостатках предмета отступного, указывает на возможность кредитора в подобном случае использовать лишь способы защиты, предусмотренные правилами о соответствующем этому предоставлению договоре, приводятся в качестве примера такой защиты предписания статьи 461 ГК РФ (ответственность за эвизию). Это можно рассматривать в качестве шага в сторону принятия отечественным правом идеи недопустимости восстановления первоначального долга. Станет ли подобный шаг системообразующим — покажет дальнейшая практика, которая пока не сложилась. Так, в определении от 16.02.21 № 4-КГ20-64-К1 Судебная коллегия по гражданским делам ВС РФ, сфокусировавшись на иных аспектах рассматриваемого спора, к сожалению, обошла вниманием и не дала оценку частному случаю рассматриваемой проблемы — передаче в качестве отступного объектов, являющихся самовольными постройками.

7.2. Последствия обнаружения явных недостатков предмета отступного

Выше речь шла о скрытых недостатках отступного, то есть таких, о которых в момент предоставления не было известно кредитору (или даже обеим сторонам).

Для случаев же недостатков, которые наличествуют в предмете отступного в момент его предоставления кредитору и могут быть обнаружены последним, абзац первый пункта 6 постановления № 6 предлагает иное решение: «Если предложенное отступное не соответствует соглашению сторон, а при отсутствии специальных указаний в соглашении — обычно предъявляемым

требованиям, кредитор вправе отказаться от приемки ненадлежащего отступного, предложенного должником, и воспользоваться средствами защиты, установленными законом или договором на случай нарушения первоначального обязательства».

Признание ВС РФ возможности кредитора отказаться от принятия отступного с явными недостатками само по себе не вызывает серьезных возражений. Оно позволяет кредитору превентивно защитить свой интерес, не навязывая ему необходимость принятия некачественного предмета отступного. Кроме того, в данной ситуации не происходит никакого восстановления обязательства и не возникает сопряженных с таким восстановлением проблем (угрозы нарушения прав третьих лиц и дестабилизации оборота). При использовании указанного ВС РФ способа защиты исключается само прекращение первоначального обязательства, а потому очевидно, что кредитор, отказавшийся от принятия предмета отступного с недостатками, может воспользоваться только способами защиты, установленными на случай неисполнения первоначального обязательства.

Согласно позиции ВС РФ кредитор, столкнувшись с явными недостатками предмета отступного, вправе отказаться от принятия отступного. Но может ли кредитор принять отступное с явными недостатками и воспользоваться договорными способами защиты, связанными с этими недостатками? Буквальный текст пункта 6 постановления № 6 наталкивает на отрицательный ответ: в абзаце первом (применительно к явным недостаткам) о подобном способе защиты не упоминается, разъяснения абзаца второго, указывающего на допустимость таких требований, прямо ограничены только случаями обнаружения скрытых недостатков. Данный подход, безусловно, справедлив и оправдан в ситуации, когда кредитор, принимающий предмет отступного с известными ему недостатками, прямо выражает согласие с таковыми или поведение кредитора свидетельствует о подобном согласии. Предъявление в дальнейшем требований по поводу таких недостатков будет являть собой противоречивое (недобросовестное) поведение кредитора и потому не должно допускаться. Однако возможна ситуация, когда при наличии в предмете отступного явных недостатков кредитор полагает для себя более оправданным и экономически выгодным устранить эти недостатки и потребовать возмещения убытков, нежели отказываться от принятия отступного и обращаться к способам защиты, связанным с первоначальным обязательством. Может ли правопорядок навязывать кредитору выбор лишь из двух альтернатив: согласиться на недостатки, лишившись каких-либо связанных с ними способов защиты, или, желая сохранить для себя какие-либо варианты защиты, не принимать предмет отступного?

Представляется, что как минимум в ситуации, когда кредитор прямо заявит об этом в момент принятия отступного, он может принять предоставленный ему предмет отступного с явными недостатками, сохранив за

собой возможность использования способов защиты, связанных с этими недостатками.

АКТУАЛЬНАЯ ТЕМА

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ОСПАРИВАНИЯ В ДЕЛАХ О БАНКРОТСТВЕ БРАЧНЫХ ДОГОВОРОВ

Гусев Антон Олегович

Частнопрактикующий юрист, магистр гражданского права Санкт-Петербургского государственного университета

В статье исследуются основные вопросы, связанные с оспариванием в деле о банкротстве несостоятельного должника (физического лица) заключенного им брачного договора. Сложившаяся судебная практика показывает, что должники часто используют брачные договоры для того, чтобы попытаться избежать обращения взыскания на их имущество в деле о банкротстве. Автор освещает вопросы выбора компетентного суда для оспаривания брачного договора должника и исчисления сроков исковой давности. Данная работа предоставляет масштабный обзор используемых на практике оснований для оспаривания брачных договоров и последствий признания брачного договора недействительной сделкой по результатам судебного спора.

Ключевые слова: банкротство, брачный договор, оспаривание сделок несостоятельного должника, недействительность сделок, судебные споры, судебная практика.

Общие положения

Оспаривание сделок должника (признание их недействительными) в процедурах банкротства — это универсальный способ защиты в отношениях несостоятельности, часть единого механизма правового регулирования отношений несостоятельности (банкротства), направленного на соблюдение баланса интересов не только участвующих в деле о банкротстве лиц, но и субъектов, опосредованно вовлеченных в орбиту несостоятельности должника (в частности, контрагентов должника)¹. основополагающий нормативный акт в данной сфере правового регулирования — Федеральный закон от 26.10.02 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее — Закон о банкротстве).

¹ Несостоятельность (банкротство): Учебный курс. В 2 т. / Под ред. С. А. Карелиной. Т. 2. М.: Статут, 2019. С. 608.

Брачные договоры, заключаемые должниками — физическими лицами, также подпадают под регулирование правил об оспаривании сделок

несостоятельного должника. При этом их оспаривание обладает своей особой спецификой.

Еще дореволюционные исследователи несостоятельности (банкротства) в России отмечали актуальность проблемы сделок должников, сопряженных с сокрытием имущества от кредиторов посредством использования своей семьи. Г. Ф. Шершеневич писал, что «нередко лицо, предвидя неминуемую катастрофу, думает только о личном обеспечении, о сохранении в свою пользу того, что при открытии конкурсного процесса должно было бы поступить к кредиторам. Должник прибегает к содействию своих родных и близких лиц и при их помощи пытается сохранить для себя остатки крушения. Путем различных фиктивных сделок с этими лицами он старается дать им право на значительную часть своего имущества или переукреплением на них, или допущением их в число своих кредиторов»².

² Цит. по: Шершеневич Г. Ф. Конкурсный процесс. 3-е изд. М.: Статут, 2021. С. 265–266.

Начиная с 1 октября 2015 года с вступлением в силу Федерального закона от 29.06.15 № 154-ФЗ «Об урегулировании особенностей несостоятельности (банкротства) на территориях Республики Крым и города федерального значения Севастополя и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее — Закон № 154-ФЗ) в российской правовой системе стал полноценно функционировать институт банкротства гражданина, не обладающего специальным статусом индивидуального предпринимателя. Нормы действующего в настоящее время законодательства о банкротстве граждан распространяются как на отношения с участием индивидуальных предпринимателей (с особенностями, установленными Законом о банкротстве), так и на отношения с участием граждан, не обладающих статусом индивидуального предпринимателя, — физических лиц³.

³ Несостоятельность (банкротство): Учебный курс. Т. 2. С. 323.

Ранее (до 1 октября 2015 года) брачные договоры оспаривались в делах о банкротстве индивидуальных предпринимателей, примеры их оспаривания в этот период времени существуют в судебной практике (*постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 23.12.14 по делу № А21-4832/2012*). После введения в российское право института банкротства граждан, в том числе и не являющихся индивидуальными предпринимателями (часто для данной области правового регулирования используется термин «потребительское банкротство»⁴), судебная практика по данным делам также активно начала сталкиваться с оспариванием брачных договоров должников.

⁴ Карелина С. А., Фролов И. В. Возможно ли банкротство гражданина без финансового управляющего? // Судья. 2016. № 7. С. 12–13.

В соответствии с пунктом 1 статьи 44 Семейного кодекса Российской Федерации (далее — СК РФ) брачный договор может быть признан судом недействительным полностью или частично по основаниям, предусмотренным Гражданским кодексом Российской Федерации (далее также — ГК РФ) для недействительности сделок.

В научной литературе брачный договор, заключенный согласно нормам семейного права, также обычно приравнивают к гражданско-правовым сделкам⁵ (при этом брачный договор обладает своими специфическими особенностями) и отмечают возможность оспаривания подобного договора по тем же основаниям, которые установлены для иных сделок.

⁵ Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право. Книга первая: Общие положения. М.: Статут, 2002. С. 27; Гонгало Б. М., Крашенинников П. В. Брачный договор: Комментарий семейного и гражданского законодательства. М.: Статут, 2004. С. 8–9.

Помимо возможностей оспаривания брачного договора в гражданском судопроизводстве по основаниям, предусмотренным ГК РФ для недействительности сделок, для нас актуальной является специфика оспаривания брачного договора в рамках процедуры банкротства должника или в связи с ее наличием, в том числе использование при этом оснований недействительности, предусмотренных главой III.1 Закона о банкротстве.

Статья 213.32 Закона о банкротстве раскрывает особенности оспаривания сделок должника-гражданина. Она упоминает в качестве предмета оспаривания сделки должника-гражданина и основания для оспаривания, предусмотренные статьями 61.2 и 61.3 Закона о банкротстве.

Пункт 13 статьи 14 Закона № 154-ФЗ также добавляет, что сделки граждан, не являющихся индивидуальными предпринимателями, совершенные до 1 октября 2015 года с целью причинить вред кредиторам, могут быть признаны недействительными на основании статьи 10 ГК РФ по требованию финансового управляющего или конкурсного кредитора (уполномоченного органа) в порядке, предусмотренном Законом о банкротстве.

При этом в силу пункта 1 статьи 213.1 Закона о банкротстве отношения, связанные с банкротством граждан и не урегулированные главой X Закона о банкротстве (о правилах банкротства гражданина), регулируются главами I–III.1, VII, VIII, параграфом 7 главы IX и параграфом 2 главы XI Закона о банкротстве.

В данном случае нас в том числе будет интересовать применение главы III.1 Закона о банкротстве, в статье 61.1 которой указано, что правила этой главы могут применяться к оспариванию действий, направленных на исполнение

обязательств и обязанностей, возникающих в соответствии с гражданским, трудовым, *семейным законодательством* и т. д.

Названные положения в совокупности приводят нас к следующим выводам. Брачные договоры могут оспариваться в деле о банкротстве должника-гражданина. При оспаривании брачных договоров в деле о банкротстве могут использоваться основания для недействительности сделок, предусмотренные ГК РФ, а также установленные Законом о банкротстве специальные основания недействительности.

Разъяснения высших судебных инстанций Российской Федерации подтверждают указанные выводы.

Брачные договоры могут оспариваться в деле о банкротстве должника-гражданина.

Согласно пункту 1 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации (далее — ВАС РФ) от 23.12.10 № 63 «О некоторых вопросах, связанных с применением главы III.1 Федерального закона „О несостоятельности (банкротстве)“» (далее — постановление Пленума ВАС РФ № 63) по правилам главы III.1 Закона о банкротстве могут, в частности, оспариваться: *брачный договор*, соглашение о разделе общего имущества супругов.

Пункт 9 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации (далее — ВС РФ) от 25.12.18 № 48 «О некоторых вопросах, связанных с особенностями формирования и распределения конкурсной массы в делах о банкротстве граждан» (далее — постановление Пленума ВС РФ № 48) также подтверждает сделанные нами выводы (подробный анализ данного разъяснения приводится далее по тексту исследования).

В юридической периодической литературе отмечается, что заключение брачного договора или иного соглашения между супругами непосредственно в преддверии банкротства одного из них однозначно привлекает внимание кредиторов и вызывает подозрение в недобросовестном поведении супругов⁶. Финансовые управляющие и кредиторы активно оспаривают подобные сделки, используя специальные банкротные основания. (Известны, кроме того, примеры удовлетворения жалоб конкурсных кредиторов на бездействие финансового управляющего, выразившееся в непринятии мер по оспариванию брачного договора несостоятельного должника (*постановление Арбитражного суда Уральского округа от 13.08.19 по делу № А60-6892/2016*). Данная практика подчеркивает для финансового управляющего необходимость провести соответствующий анализ обстоятельств заключения и условий брачного договора, полную оценку всех оснований для признания сделки

недействительной. — *Прим. авт.*) Тенденции судебной практики показывают, что суды стали активнее занимать прокредиторскую позицию в таких спорах.

⁶ Морхат П. М. Режим общей собственности супругов: коллизии банкротного и семейного законодательства // Вестник Арбитражного суда Московского округа. 2019. № 2. С. 60–73.

Далее проведем исследование и подробный анализ основной специфики оспаривания брачных договоров в делах о несостоятельности (банкротстве) должника.

Место рассмотрения спора (компетентный суд)

В абзаце втором пункта 9 постановления Пленума ВС РФ № 48 установлено, что финансовый управляющий, кредиторы должника, чьи требования признаны арбитражным судом, рассматривающим дело о банкротстве, обоснованными и по размеру отвечают критерию, указанному в пункте 1 статьи 213.32 Закона о банкротстве, вправе оспорить в рамках дела о банкротстве внесудебное соглашение супругов о разделе их общего имущества (пункт 2 статьи 38 СК РФ) по основаниям, связанным с нарушением этим соглашением прав и законных интересов кредиторов (статьи 61.2, 61.3 Закона о банкротстве, статьи 10 и 168, 170, пункт 1 статьи 174.1 ГК РФ). Заявления о признании недействительными соглашений супругов о разделе их общего имущества по иным основаниям подлежат рассмотрению в исковом порядке судами общей юрисдикции с соблюдением правил подсудности; соответствующий иск может быть подан, в частности, финансовым управляющим.

В соответствии с абзацем пятым пункта 9 постановления Пленума ВС РФ № 48 разъяснения, приведенные в данном пункте, подлежат применению и при изменении законного режима имущества супругов брачным договором.

Изложенные разъяснения ВС РФ, во-первых, определяют круг лиц, которые могут выступать заявителями при оспаривании брачных договоров в рамках рассмотрения дела о банкротстве должника (финансовый управляющий, кредиторы с требованиями более десяти процентов от реестра); во-вторых, перечисляют самые главные основания для оспаривания брачных договоров в деле о банкротстве должника (статьи 61.2, 61.3 Закона о банкротстве, статьи 10 и 168, 170, пункт 1 статьи 174.1 ГК РФ; подробнее сведения об основаниях оспаривания брачных договоров будут изложены далее по тексту исследования); в-третьих, определяют компетентный суд для рассмотрения спора о недействительности брачного договора должника (по самым главным основаниям для оспаривания сделки надлежащим судом является арбитражный суд, рассматривающий дело о банкротстве).

Анализируя данные разъяснения, представляется важным отметить несколько нюансов.

К числу лиц, которые могут оспорить брачный договор при наличии дела о банкротстве должника, относятся также уполномоченный орган и сам должник.

Уполномоченный орган указан в пункте 1 статьи 213.32 Закона о банкротстве, упоминая о лицах, имеющих право на оспаривание сделок должника-гражданина. Этому пункту и посвящены названные разъяснения ВС РФ, однако уполномоченный орган пропущен в их тексте. Как нам представляется, это всего лишь техническая ошибка.

Что касается самого должника и его возможности оспаривания сделок со своим участием, то, согласно нашей точке зрения, должник-гражданин в рамках процедур банкротства никогда полностью не утрачивает свою правосубъектность, в том числе в силу конституционного права на судебную защиту (статья 46 Конституции Российской Федерации) он имеет право оспаривать сделки со своим участием наравне с утвержденным судом финансовым управляющим⁷. На наш взгляд, подобный подход также не противоречит и правовым позициям, высказанным в недавнем постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 14.07.21 № 36-П, посвященном отдельным аспектам правового статуса должника-гражданина и его возможностям самостоятельного инициирования и участия в судебных разбирательствах при наличии дела о банкротстве.

⁷ Поддержка данной позиции отчасти также высказана в следующей работе: Шишмарева Т. П. Особенности оспаривания в процедурах несостоятельности (банкротства) сделок должника-гражданина // Предпринимательское право. Приложение «Право и Бизнес». 2018. № 3. С. 39–44.

В недавнем *определении Судебной коллегии по гражданским делам ВС РФ от 25.05.21 по делу № 4-КГ21-21-К1, 2-883/2020* было отмечено также, что компетентным судом для рассмотрения требований должника-гражданина об оспаривании его сделок (по его собственному заявлению) будет являться не арбитражный суд, рассматривающий дело о банкротстве, а надлежащий суд общей юрисдикции с учетом правил территориальной и родовой подсудности.

Относительно самых главных оснований для оспаривания брачных договоров в деле о банкротстве должника, перечисленных в разъяснениях ВС РФ, и определения компетентного суда для рассмотрения данных споров мы считаем заслуживающей всяческой поддержки тенденцию, направленную на отнесение как можно большего числа споров, затрагивающих имущество должника, к сфере компетенции арбитражного суда, рассматривающего дело о банкротстве. При наличии дела о банкротстве рассмотрение споров в различных судах нам представляется неверным и нецелесообразным. Рассмотрение заявлений об оспаривании брачных договоров также должно подчиняться данной

тенденции. Это позволит обеспечить бóльшую публичность и лучшие перспективы защиты прав и законных интересов должника, кредиторов и общества, так как финансовый управляющий, все кредиторы, уполномоченный орган и иные лица смогут централизованно узнать о наличии такого спора, получая информацию по делу о банкротстве, и принять участие в данном споре при наличии законного интереса.

На наш взгляд, необходимо перенести разрешение максимального числа споров, затрагивающих имущество должника, в сферу компетенции арбитражного суда, рассматривающего дело о банкротстве.

Стоит упомянуть, что рассмотрение заявлений об оспаривании сделок должника в деле о банкротстве является общим правилом, что зафиксировано в пункте 1 статьи 61.8 Закона о банкротстве. В литературе, посвященной оспариванию сделок должника, совершаемых в соответствии с семейным законодательством (к ним относится и брачный договор), также подчеркивается предпочтительность рассмотрения данных споров именно в деле о банкротстве должника⁸.

⁸ Семенова Е. А. Конкурсное оспаривание сделок должника-гражданина, совершаемых в соответствии с семейным законодательством // Семейное и жилищное право. 2015. № 3. С. 14–18.

Сроки исковой давности

Сроки исковой давности для оспаривания брачного договора в деле о банкротстве должника нужно проанализировать в контексте оснований оспаривания сделки, а также субъектов оспаривания.

При оспаривании брачного договора кредиторами должны учитываться обстоятельства их уведомления должником о заключенном брачном договоре или то, каким иным образом кредитор мог и должен был самостоятельно узнать о его заключении.

Необходимо упомянуть правило пункта 1 статьи 46 СК РФ, согласно которому супруг обязан уведомлять своего кредитора (кредиторов) о заключении, об изменении или о расторжении брачного договора (на практике, как нам представляется, это правило в большом числе случаев не соблюдается). При невыполнении этой обязанности супруг отвечает по своим обязательствам независимо от содержания брачного договора.

При оспаривании брачного договора должника финансовым управляющим должны приниматься во внимание особенности его статуса (утверждение финансового управляющего арбитражным судом, рассматривающим дело о банкротстве; начало работы с указанного момента; объективное отсутствие у финансового управляющего сведений и информации о должнике до момента получения полномочий в деле о банкротстве), а также то, когда и каким образом финансовый управляющий мог и должен был получить информацию о заключенном должником брачном договоре.

В общем виде оспаривание брачного договора по банкротным основаниям, к которым относится, в частности, статья 61.2 Закона о банкротстве, предполагает применение годичного срока исковой давности, установленного пунктом 2 статьи 181 ГК РФ.

В соответствии с пунктом 2 статьи 181 ГК РФ срок исковой давности по требованию о признании оспоримой сделки недействительной и о применении последствий ее недействительности составляет один год. Течение срока исковой давности по указанному требованию начинается со дня прекращения насилия или угрозы, под влиянием которых была совершена сделка (пункт 1 статьи 179 ГК РФ), либо со дня, когда истец узнал или должен был узнать об иных обстоятельствах, являющихся основанием для признания сделки недействительной.

Согласно пункту 1 статьи 61.9 Закона о банкротстве заявление об оспаривании сделки должника может быть подано в арбитражный суд внешним управляющим или конкурсным управляющим, при этом срок исковой давности исчисляется с момента, когда арбитражный управляющий узнал или должен был узнать о наличии оснований для оспаривания сделки, предусмотренных Законом о банкротстве.

В абзаце втором пункта 32 постановления Пленума ВАС РФ № 63 разъяснено, что в соответствии со статьей 61.9 Закона о банкротстве срок исковой давности по заявлению об оспаривании сделки должника исчисляется с момента, когда первоначально утвержденный внешний или конкурсный управляющий узнал или должен был узнать о наличии оснований для оспаривания сделки, предусмотренных статьями 61.2 или 61.3 Закона о банкротстве. Если утвержденное внешним или конкурсным управляющим лицо узнало о наличии оснований для оспаривания сделки до момента его утверждения при введении соответствующей процедуры (например, поскольку оно узнало о них по причине осуществления полномочий временного управляющего в процедуре наблюдения), то исковая давность начинает течь со дня его утверждения. В остальных случаях само по себе введение внешнего управления или признание должника банкротом не приводит к началу течения давности, однако при рассмотрении вопроса о том, должен ли был арбитражный управляющий знать о наличии оснований для оспаривания сделки, учитывается,

насколько управляющий мог, действуя разумно и проявляя требующуюся от него по условиям оборота осмотрительность, установить наличие этих обстоятельств. При этом необходимо принимать во внимание, в частности, что разумный управляющий, утвержденный при введении процедуры, оперативно запрашивает всю необходимую ему для осуществления своих полномочий информацию, в том числе такую, которая может свидетельствовать о совершении сделок, подпадающих под статьи 61.2 или 61.3 Закона о банкротстве. В частности, разумный управляющий запрашивает у руководителя должника и предыдущих управляющих бухгалтерскую и иную документацию должника (пункт 2 статьи 126 Закона о банкротстве), запрашивает у соответствующих лиц сведения о совершенных в течение трех лет до возбуждения дела о банкротстве и позднее сделках по отчуждению имущества должника (в частности, недвижимого имущества, долей в уставном капитале, автомобилей и т. д.), а также об имевшихся счетах в кредитных организациях и осуществлявшихся по ним операциям и т. п.

Таким образом, законодательство связывает начало течения срока исковой давности не только с моментом, когда лицо фактически узнало о нарушении своего права, но и с моментом, когда оно должно было, то есть имело юридическую возможность, узнать о нарушении права.

Данные правила и разъяснения применяются и к деятельности финансового управляющего в деле о банкротстве должника-гражданина при оспаривании совершенных должником сделок (в том числе брачного договора).

Недопустимо квалифицировать сделки с предпочтением или подозрительные сделки как ничтожные в целях обхода заявителем правил о сроке исковой давности по оспоримым сделкам.

При оспаривании брачного договора должника по главным общегражданским основаниям, к которым в настоящее время относится и комбинация статей 10 и 168 ГК РФ (злоупотребление правом, недобросовестность), и статья 170 ГК РФ (мнимость сделки), необходимо учитывать, что данные основания предполагают ничтожность сделки.

Это означает, что для исчисления срока исковой давности следует обратиться к положениям пункта 1 статьи 181 ГК РФ, согласно которому срок исковой давности по требованиям о применении последствий недействительности ничтожной сделки и о признании такой сделки недействительной (пункт 3 статьи 166 ГК РФ) составляет три года. Течение срока исковой давности по указанным требованиям начинается со дня, когда началось исполнение ничтожной сделки, а в случае предъявления иска лицом, не являющимся стороной сделки, со дня, когда это лицо узнало или должно было

узнать о начале ее исполнения. При этом срок исковой давности для лица, не являющегося стороной сделки, во всяком случае не может превышать десяти лет со дня начала исполнения сделки.

Нужно отметить проблематику сопоставления и пересечения двух составов недействительности сделок должника в рамках конкурсного оспаривания⁹: речь идет о пункте 2 статьи 61.2 Закона о банкротстве (подозрительная сделка, совершенная в целях причинения вреда имущественным правам кредиторов) и сочетании статей 10 и 168 ГК РФ (недобросовестная сделка, совершенная со злоупотреблением правом, направленная на нарушение прав и законных интересов кредиторов). (Напомним также, что в силу закона сделки граждан, не являющихся индивидуальными предпринимателями, совершенные до 1 октября 2015 года с целью причинить вред кредиторам, могут быть признаны недействительными только на основании статьи 10 ГК РФ (пункт 13 статьи 14 Закона № 154-ФЗ). — *Прим. авт.*) Два состава недействительности сделок должника предполагают разные подходы (ничтожность и оспоримость сделок) и разные сроки исковой давности (один год и три года).

⁹ Под институтом конкурсного оспаривания вслед за научной и учебной юридической литературой мы понимаем специфический механизм признания недействительными сделок должника в процессе несостоятельности (банкротства); см.: Кузнецов С. А. Основные проблемы правового института несостоятельности (банкротства): Монография. М.: Инфотропик Медиа, 2015. 304 с.; Банкротство хозяйствующих субъектов: Учебник для бакалавров / Отв. ред. И. В. Ершова, Е. Е. Енькова. М.: Проспект, 2016. 336 с.

На уровне судебной практики выработан подход к разграничению данных составов (и определению применимого срока исковой давности), который заключается в том, что закрепленные в статье 61.2 Закона о банкротстве положения о недействительности сделок, направленные на пресечение возможности извлечения преимуществ из недобросовестного поведения, причиняющего вред кредиторам должника, обладают приоритетом над нормами статьи 10 ГК РФ исходя из общеправового принципа «специальный закон отстраняет общий закон», определяющего критерий выбора в случае конкуренции общей и специальной норм, регулирующих одни и те же общественные отношения. Это закрепляется судебной практикой ВС РФ, в частности *определениями Судебной коллегии по экономическим спорам от 28.04.16 № 306-ЭС15-20034, от 29.04.16 № 304-ЭС15-20061, от 31.08.17 № 305-ЭС17-4886 и от 06.03.19 № 305-ЭС18-22069.*

Таким образом, мы приходим к выводу, что если заключенный должником брачный договор подпадает под период подозрительности, предусмотренный пунктом 2 статьи 61.2 Закона о банкротстве, то его оспаривание должно

осуществляться на основании данного юридического состава недействительности сделки должника (а не статей 10 и 168 ГК РФ), в том числе в пределах годичного срока исковой давности.

В постановлении Президиума ВАС РФ от 17.06.14 № 10044/11 особо обращено внимание на недопустимость квалификации сделок с предпочтением или подозрительных сделок как ничтожных в целях обхода заявителем правил о сроке исковой давности по оспоримым сделкам.

Наравне со сроками исковой давности также стоит кратко упомянуть такой феномен, который на практике называют глубиной оспаривания сделок¹⁰. Обычно глубину оспаривания увязывают с периодами подозрительности сделок по специальным банкротным основаниям. К составу недействительности, предусмотренному статьями 10 и 168 ГК РФ, также можно подойти с данным термином. (Как правило, состав недействительности для сделок, совершенных в преддверии банкротства, предусмотренный статьями 10 и 168 ГК РФ, основывается на фактах: (а) наличия у должника на момент совершения порочной сделки долга, впоследствии подтвержденного в ходе дела о банкротстве, а также (б) цели причинения сделкой вреда имущественным правам кредиторов должника путем вывода ликвидных активов из собственности должника и невозможности впоследствии обратиться взыскание на данные активы. — *Прим. авт.*)

¹⁰ Сделки, представительство, исковая давность: Постатейный комментарий к статьям 153–208 Гражданского кодекса Российской Федерации / В. В. Байбак, Р. С. Бевзенко, С. Л. Будылин и др.; отв. ред. А. Г. Карапетов. М.: М-Логос, 2018. С. 1199.

Необходимо отметить, что для судебных дел о банкротстве физических лиц достаточно часто «глубина оспаривания» сделок является существенной (как правило, из-за применения состава недействительности по статьям 10 и 168 ГК РФ). Судебные споры о признании недействительными брачных договоров должников также подтверждают данную особенность (*постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 08.05.19 по делу № А56-18865/2017* завершило по существу судебный спор, где был признан недействительным брачный договор, заключенный 05.10.04; *постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 20.08.20 по делу № А56-77014/2018* завершило по существу судебный спор, где был признан недействительным брачный договор, заключенный 23.11.12).

Основания недействительности брачных договоров

Ранее уже упоминались разъяснения абзаца второго пункта 9 постановления Пленума ВС РФ № 48, где приведены все главные и широко используемые основания недействительности сделок, которые применяются к

оспариванию брачных договоров в процедурах банкротства несостоятельного должника (статьи 61.2, 61.3 Закона о банкротстве, статьи 10 и 168, 170, пункт 1 статьи 174.1 ГК РФ). Судебная практика подтверждает актуальность данных оснований для оспаривания брачных договоров. Далее дадим характеристику указанных составов недействительности сделок применительно к брачным договорам должников.

Пункт 1 статьи 61.2 Закона о банкротстве

Оспаривание брачного договора в деле о банкротстве по основанию, предусмотренному пунктом 1 статьи 61.2 Закона о банкротстве (неравноценность встречного исполнения), отвергается на уровне судебной практики по следующим аргументам.

Как разъяснено в абзаце шестом пункта 8 постановления Пленума ВАС РФ № 63, судам необходимо учитывать, что по правилам упомянутой нормы (пункт 1 статьи 61.2 Закона о банкротстве) могут оспариваться только сделки, в принципе или обычно предусматривающие встречное исполнение; сделки же, в предмет которых в принципе не входит встречное исполнение (например, договор дарения) или обычно его не предусматривающие (например, договор поручительства или залога), не могут оспариваться на основании пункта 1 статьи 61.2 Закона о банкротстве, но могут оспариваться на основании пункта 2 этой статьи.

Брачные договоры обычно не содержат в себе элементов встречного исполнения.

В соответствии с данным разъяснением многие арбитражные суды, например *Тринадцатый арбитражный апелляционный суд в постановлении от 19.09.14 по делу № А21-4832/2012*¹¹, делают вывод о том, что брачный договор по своему смыслу не предусматривает какого-либо встречного исполнения, данный договор не может оспариваться на основании пункта 1 статьи 61.2 Закона о банкротстве, но может оспариваться на основании пункта 2 этой статьи.

¹¹ В тексте указанного постановления, по всей видимости, допущена опечатка, так как вместо пункта 8 постановления Пленума ВАС РФ № 63 приведена ссылка на пункт 8 постановления Пленума ВАС РФ от 22.06.12 № 35 «О некоторых процессуальных вопросах, связанных с рассмотрением дел о банкротстве».

К подобному выводу приходят арбитражные суды различных судебных округов (*постановление Тринадцатого арбитражного суда от 19.09.14 по делу № А21-4832/2012* (оставлено без изменения постановлением Арбитражного суда Северо-Западного округа от 23.12.14, а определением ВС РФ от 15.04.15

№ 307-ЭС14-4781 отказано в передаче дела в Судебную коллегия по экономическим спорам ВС РФ для пересмотра в порядке кассационного производства данных постановлений), *постановление Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда от 14.12.16 по делу № А65-31122/2015*¹² (оставлено без изменения *постановлением Арбитражного суда Поволжского округа от 13.03.17*), *постановления Седьмого арбитражного апелляционного суда от 10.02.17 по делу № А03-11006/2016*¹³, *Девятого арбитражного апелляционного суда от 09.06.20 по делу № А40-57875/2017 и Четырнадцатого арбитражного апелляционного суда от 12.03.21 по делу № А66-19378/2018*).

¹² В тексте указанного постановления допущена та же опечатка.

¹³ В тексте указанного постановления допущена та же опечатка.

Понятие встречного исполнения в гражданском законодательстве Российской Федерации приведено в пункте 1 статьи 328 ГК РФ, где указано, что встречным признается исполнение обязательства одной из сторон, которое обусловлено исполнением другой стороной своих обязательств. Исследованию феномена встречного исполнения и нюансам его правового регулирования посвящены многие научные юридические работы¹⁴.

¹⁴ *Карпетов А. Г.* Приостановление встречного исполнения как способ защиты прав кредитора: сравнительно-правовой анализ // Вестник гражданского права. 2010. № 2. С. 4–67; *Бычков А.* Встречное исполнение обязательств // ЭЖ-Юрист. 2014. № 47. С. 12; *Мельниченко О. А.* Некоторые вопросы обусловленного и встречного исполнения обязательств // Закон. 2017. № 1. С. 122–135; *Сысоева О. В.* Оспаривание сделок с неравноценным встречным исполнением обязательств: анализ арбитражной практики // Законы России: опыт, анализ, практика. 2017. № 10. С. 87–93.

Мы считаем разумными и обоснованными доводы о том, что брачные договоры обычно не содержат в себе элементов встречного исполнения, поэтому в общем виде вывод судебно-арбитражной практики о том, что для оспаривания в банкротстве брачных договоров несостоятельного должника не применим пункт 1 статьи 61.2 Закона о банкротстве, нам представляется верным. Примеры обратного подхода (в том числе в конкретных судебных казусах) нам не встречались.

Пункт 2 статьи 61.2 Закона о банкротстве

В абзаце первом пункта 2 статьи 61.2 Закона о банкротстве предусмотрено, что сделка, совершенная должником в целях причинения вреда имущественным правам кредиторов, может быть признана арбитражным судом недействительной, если такая сделка была совершена в течение трех лет до

принятия заявления о признании должника банкротом или после принятия указанного заявления и в результате ее совершения был причинен вред имущественным правам кредиторов и если другая сторона сделки знала об указанной цели должника к моменту совершения сделки (подозрительная сделка). Предполагается, что другая сторона знала об этом, если она признана заинтересованным лицом либо если она знала или должна была знать об ущемлении интересов кредиторов должника либо о признаках неплатежеспособности или недостаточности имущества должника.

Цель причинения вреда имущественным правам кредиторов предполагается, если на момент совершения сделки должник отвечал признаку неплатежеспособности или недостаточности имущества и сделка была совершена безвозмездно или в отношении заинтересованного лица либо направлена на выплату (выдел) доли (пая) в имуществе должника учредителю (участнику) должника в связи с выходом из состава учредителей (участников) должника (абзац второй пункта 2 статьи 61.2 Закона о банкротстве).

Пункт 5 постановления Пленума ВАС РФ № 63 разъясняет, что пункт 2 статьи 61.2 Закона о банкротстве предусматривает возможность признания недействительной сделки, совершенной должником в целях причинения вреда имущественным правам кредиторов (подозрительная сделка). При этом для признания сделки недействительной по данному основанию необходимо, чтобы оспаривающее сделку лицо доказало наличие совокупности всех следующих обстоятельств: а) сделка была совершена с целью причинить вред имущественным правам кредиторов; б) в результате совершения сделки был причинен вред имущественным правам кредиторов; в) другая сторона сделки знала или должна была знать об указанной цели должника к моменту совершения сделки.

При оспаривании в деле о банкротстве брачных договоров несостоятельного должника немалую помощь в обосновании данного состава недействительности сделки (по пункту 2 статьи 61.2 Закона о банкротстве) оказывает тот факт, что ряд элементов состава считаются доказанными (презюмируются), поскольку должник и другая сторона сделки всегда являются (или являлись ранее) заинтересованными лицами.

В соответствии с пунктом 3 статьи 19 Закона о банкротстве заинтересованными лицами по отношению к должнику-гражданину признаются его супруг, родственники по прямой восходящей и нисходящей линии, сестры, братья и их родственники по нисходящей линии, родители, дети, сестры и братья супруга.

Необходимо отметить, что, на наш взгляд, это не является нарушением баланса интересов всех заинтересованных лиц в судебном споре (о признании брачного договора недействительным), так как другая сторона брачного договора не лишена возможности представить доказательства в опровержение элементов

состава недействительности сделки. Сам статус заинтересованного лица не предрешает исход подобного спора. Связанные со статусом заинтересованного лица последствия применительно к доказыванию фактических обстоятельств дела сформулированы в виде презумпций (презюмирование цели причинения вреда имущественным правам кредиторов; презюмирование осведомленности стороны сделки о наличии у должника такой цели). Следовательно, другая сторона брачного договора не лишена возможности представить разумные доводы, а также относимые и допустимые доказательства для опровержения указанных презумпций. Арбитражные суды порой отмечают в текстах судебных актов данные нюансы, например указывают, что «в материалы дела не представлены доказательства в опровержение презумпции осведомленности ответчика как заинтересованного лица о наличии у должника неисполненных обязательств перед кредиторами» (*постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 03.03.20 по делу № А42-3160/2018*).

В соответствии со статьей 2 Закона о банкротстве вред, причиненный имущественным правам кредиторов, — это уменьшение стоимости или размера имущества должника и (или) увеличение размера имущественных требований к должнику, а также иные последствия совершенных должником сделок или юридически значимых действий, приводящие к полной или частичной утрате возможности кредиторов получить удовлетворение своих требований по обязательствам должника за счет его имущества.

Признание брачных договоров в деле о банкротстве несостоятельного должника недействительными по пункту 2 статьи 61.2 Закона о банкротстве является одним из самых распространенных оснований для оспаривания.

Таким образом, для применения данного состава недействительности сделок к брачному договору должник в результате его заключения должен в конечном счете утратить права на имущество, на которое могло бы быть обращено взыскание по его обязательствам перед кредиторами. При этом брачный договор должен быть совершен должником в целях причинения вреда имущественным правам кредиторов, а другая сторона сделки должна к моменту совершения сделки знать об указанной цели должника.

Установление на основании представленных в материалы дела доказательств всех юридических фактов судебного спора о признании брачного договора недействительным осуществляется судом в каждом конкретном случае. Задачей суда является всестороннее рассмотрение дела и определение того, должен ли брачный договор быть признан недействительной сделкой с учетом всех обстоятельств спора. Изучение судебной практики приводит нас к выводу о

том, что названное основание является одним из самых распространенных для оспаривания брачных договоров в деле о банкротстве несостоятельного должника (*постановления Арбитражного суда Уральского округа от 17.12.15 по делу № А60-25637/2013, Арбитражного суда Северо-Западного округа от 06.05.19 по делу № А21-3423/2017, от 24.10.19 по делу № А56-73782/2017, от 03.03.20 по делу № А42-3160/2018, от 07.12.20 по делу № А56-84271/2019 и от 21.04.21 по делу № А56-158807/2018*).

Статьи 10 и 168 ГК РФ

Данное основание для оспаривания брачных договоров в рамках дел о банкротстве физических лиц используется достаточно часто. Это объясняется тем, что сделки граждан, которые не являлись индивидуальными предпринимателями, совершенные до 1 октября 2015 года с целью причинить вред кредиторам, могут быть оспорены только на основании статьи 10 ГК РФ.

Это правило, распространяющееся в том числе и на брачные договоры, напрямую установлено пунктом 13 статьи 14 Закона № 154-ФЗ.

Для сделок должников — физических лиц установление подобного правила нормой закона мы расцениваем положительно. Отметим, что в отношении должников — юридических лиц сама по себе проблематика оспаривания сделок по основаниям статей 10 и 168 ГК РФ чрезмерно распространилась в судебной практике, звучат доводы о том, что это противоречит стабильности гражданского оборота и целям законодателя, которыми он руководствовался при совершенствовании положений главы 9 ГК РФ. (В целом вопрос оспаривания сделок и действий должника, совершенных во вред кредиторам, на основании статей 10 и 168 ГК РФ решен положительно. Это зафиксировано, в том числе, в судебной практике высших судов (*постановление Президиума ВАС РФ от 17.06.14 № 10044/11, определения Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 31.08.17 № 305-ЭС17-4886, от 24.10.17 № 305-ЭС17-4886(1), от 17.12.18 № 309-ЭС18-14765, от 06.03.19 № 305-ЭС18-22069*). При этом, согласно сложившейся судебной практике, применение статьи 10 ГК РФ возможно лишь в том случае, когда речь идет о сделках с пороками, выходящими за пределы дефектов подозрительных сделок (определение таких пороков часто является нетривиальной задачей). Анализ данной проблематики выходит за рамки настоящего исследования, однако нужно отметить, что для банкротства граждан-должников, не имевших статуса индивидуального предпринимателя, на уровне закона четко и недвусмысленно решен вопрос о допустимости и правильности оспаривания по статье 10 ГК РФ их сделок, заключенных до 1 октября 2015 года, а это хоть и «гибкий подход», но все же, скорее, шаг к правовой определенности. — *Прим. авт.*)

Суть рассматриваемого основания для оспаривания сделок должника заключается в запрете недобросовестного поведения, к которому относится и совершение сделок, направленных на злонамеренный вывод имущества из-под обращения на него взыскания кредиторами должника.

В пункте 1 постановления Пленума ВС РФ от 23.06.15 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» (далее — постановление Пленума ВС РФ № 25) разъяснено, что согласно пункту 3 статьи 1 ГК РФ при установлении, осуществлении и защите гражданских прав и при исполнении гражданских обязанностей участники гражданских правоотношений должны действовать добросовестно. В силу пункта 4 статьи 1 ГК РФ никто не вправе извлекать преимущество из своего незаконного или недобросовестного поведения.

Суть оспаривания брачных договоров должника по основаниям статей 10 и 168 ГК РФ заключается в запрете недобросовестного поведения, в том числе совершения сделок, направленных на злонамеренный вывод имущества из-под обращения на него взыскания кредиторами.

Оценивая действия сторон как добросовестные или недобросовестные, следует исходить из поведения, ожидаемого от любого участника гражданского оборота, учитывающего права и законные интересы другой стороны, содействующего ей, в том числе в получении необходимой информации.

Если будет установлено недобросовестное поведение одной из сторон, суд в зависимости от обстоятельств дела и с учетом характера и последствий такого поведения отказывает в защите принадлежащего ей права полностью или частично, а также применяет иные меры, обеспечивающие защиту интересов добросовестной стороны или третьих лиц от недобросовестного поведения другой стороны (пункт 2 статьи 10 ГК РФ).

Как указано в пункте 7 постановления Пленума ВС РФ № 25, если совершение сделки нарушает запрет, установленный пунктом 1 статьи 10 ГК РФ, в зависимости от обстоятельств дела такая сделка может быть признана судом недействительной (пункты 1 или 2 статьи 168 ГК РФ).

При этом к сделке, совершенной в обход закона с противоправной целью, подлежат применению нормы гражданского законодательства, в обход которых она была совершена. В частности, такая сделка может быть признана недействительной на основании положений статьи 10 и пунктов 1 или 2 статьи 168 ГК РФ. При наличии в законе специального основания недействительности такая сделка признается недействительной по этому основанию (пункт 8 постановления Пленума ВС РФ № 25).

Для признания факта злоупотребления правом при заключении сделки должно быть установлено наличие умысла у обоих участников сделки (их сознательное, целенаправленное поведение) на причинение вреда иным лицам.

С целью квалификации спорной сделки в качестве недействительной, совершенной с намерением причинить вред другому лицу, суду необходимо установить обстоятельства, неопровержимо свидетельствующие о наличии факта злоупотребления правом со стороны контрагента, выразившегося в заключении спорной сделки (пункт 9 информационного письма Президиума ВАС РФ от 25.11.08 № 127 «Обзор практики применения арбитражными судами статьи 10 Гражданского кодекса Российской Федерации»).

В пункте 10 постановления Пленума ВАС РФ от 30.04.09 № 32 «О некоторых вопросах, связанных с оспариванием сделок по основаниям, предусмотренным Федеральным законом „О несостоятельности (банкротстве)“» разъяснено, что исходя из недопустимости злоупотребления гражданскими правами (пункт 1 статьи 10 ГК РФ) и необходимости защиты при банкротстве прав и законных интересов кредиторов по требованию арбитражного управляющего или кредитора может быть признана недействительной совершенная до или после возбуждения дела о банкротстве сделка должника, направленная на нарушение прав и законных интересов кредиторов, в частности направленная на уменьшение конкурсной массы сделка по отчуждению по заведомо заниженной цене имущества должника третьим лицам.

При установлении того, заключена ли сделка с намерением причинить вред другому лицу, необходимо выяснить, имелись ли у сторон сделки намерения причинить вред имущественным правам кредиторов, то есть была ли сделка направлена на уменьшение конкурсной массы.

Как уже указывалось выше, в силу статьи 2 Закона о банкротстве под вредом, причиненным имущественным правам кредиторов (а намерение причинить такой вред необходимо доказать в соответствии со статьей 10 ГК РФ), понимается уменьшение стоимости или размера имущества должника и (или) увеличение размера имущественных требований к должнику, а также иные последствия совершенных должником сделок или юридически значимых действий, приводящие к полной или частичной утрате возможности кредиторов получить удовлетворение своих требований по обязательствам должника за счет его имущества.

В судебной практике широко распространено оспаривание брачных договоров в деле о банкротстве по основаниям статей 10 и 168 ГК РФ (*постановления Арбитражного суда Уральского округа от 17.12.15 по делу № А60-25637/2013, Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 05.10.17 по делу № А03-11006/2016 и от 11.04.18 по делу № А45-20510/2015, Арбитражного суда Северо-Западного округа от 08.05.19 по делу № А56-18865/2017, от 20.08.20 по делу № А56-77014/2018 и от 15.10.20 по делу № А56-11748/2017*).

Статья 170 ГК РФ

В соответствии с пунктом 1 статьи 170 ГК РФ мнимая сделка, то есть сделка, совершенная лишь для вида, без намерения создать соответствующие ей правовые последствия, ничтожна.

Согласно разъяснениям пункта 86 постановления Пленума ВС РФ № 25 следует учитывать, что стороны мнимой сделки могут также осуществить для вида ее формальное исполнение. Осуществление сторонами мнимой сделки для вида государственной регистрации перехода права собственности на недвижимое имущество не препятствует квалификации такой сделки как ничтожной на основании пункта 1 статьи 170 ГК РФ.

Данная норма направлена на защиту от недобросовестности участников гражданского оборота.

Фиктивность мнимой сделки заключается в том, что у ее сторон нет цели достижения заявленных результатов. Волеизъявление сторон мнимой сделки не совпадает с их внутренней волей. Реальной целью мнимой сделки может быть, например, искусственное создание задолженности стороны сделки перед другой стороной для последующего инициирования процедуры банкротства и участия в распределении имущества должника или искусственная передача имущества должника иному лицу (именно это актуально для брачных договоров).

В то же время для этой категории ничтожных сделок определения точной цели не требуется. Установление того, что стороны на самом деле не имели намерения на возникновение, изменение, прекращение гражданских прав и обязанностей, обычно порождаемых такой сделкой, является достаточным для квалификации сделки как ничтожной.

Фиктивность мнимой сделки заключается в том, что у ее сторон нет цели достижения заявленных результатов.

Соккрытие действительного смысла сделки находится в интересах обеих ее сторон. Совершая сделку лишь для вида, стороны правильно оформляют все документы, но создать реальные правовые последствия не стремятся. Поэтому факт расхождения волеизъявления с волей устанавливается судом путем анализа фактических обстоятельств, подтверждающих реальность намерений сторон. Обстоятельства устанавливаются на основе оценки совокупности согласующихся между собой доказательств, которые представляются в суд лицами, участвующими в деле, в обоснование своих требований и возражений, а суд не вправе уклониться от их оценки (статьи 65, 168, 170 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации).

Применительно к оспариванию брачных договоров в процедуре банкротства необходимо понять, каков критерий разграничения мнимой сделки и подозрительной сделки. В литературе высказана позиция, что таким критерием выступает субъективное намерение у сторон мнимой сделки — совершить сделку лишь для вида, не вызывая каких-либо юридических последствий для создания договорного режима, а также отсутствие таких юридических последствий, то есть сохранение режима общности имущества супругов, хотя бы и при наличии вполне формальных последствий такого раздела, в частности регистрации права собственности на объекты недвижимого имущества, а для подозрительной сделки — причинение имущественного вреда кредиторам, о чем должно быть известно супругу должника¹⁵.

¹⁵ Шишмарева Т. П. Указ. соч. С. 39–44.

Интересным и очень наглядным примером, когда в арбитражных судах был оспорен брачный договор должника по основанию его мнимости, является *постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 08.05.19 по делу № А56-18865/2017*.

... Как следует из материалов дела, должником и его супругой 05.10.04 был заключен брачный договор, согласно которому должник обязался в случае развода выплачивать супруге пожизненную ежемесячную денежную компенсацию в размере 4000 долларов США. Стороны расторгли брак 15.09.15, а 25.07.17 должник был признан банкротом. Суды апелляционной и кассационной инстанций установили, что в период с 2000 по 2011 год среднемесячная заработная плата должника не превышала 700 долларов США и что на момент заключения брачного договора должник не имел финансовой возможности в случае расторжения брака выплачивать бывшей супруге согласованную денежную сумму. Кроме того, с момента расторжения брака и до момента признания должника банкротом данное условие брачного договора не исполнялось, а бывшая супруга должника в суд с заявлением о взыскании задолженности не обращалась. На основании указанных обстоятельств суды признали брачный договор мнимой сделкой и констатировали его недействительность по статье 170 ГК РФ.

Из процессуальных нюансов следует также отметить, что бремя доказывания отсутствия у сторон сделки намерения создать соответствующие правовые последствия не может быть возложено исключительно на лицо, оспаривающее указанную сделку, поскольку это привело бы к возложению на нее бремени доказывания отрицательного факта, что недопустимо. Данная правовая позиция высказана, в частности, в *постановлении Президиума ВАС РФ от 29.01.13 № 11524/12*.

Иные основания для недействительности брачного договора

К иным основаниям оспаривания брачных договоров в судебных делах о банкротстве относятся юридические составы недействительности сделок, предусмотренные статьей 61.3 Закона о банкротстве и статьей 174.1 ГК РФ (они упомянуты, как ранее указывалось, в разъяснениях пункта 9 постановления Пленума ВС РФ № 48). Также нужно назвать пункт 2 статьи 44 СК РФ.

Статья 61.3 Закона о банкротстве предусматривает правила для оспаривания сделок с предпочтением.

Статьей 174.1 ГК РФ регулируются основания для признания недействительной сделки, совершенной с имуществом, распоряжение которым запрещено или ограничено, в том числе в процедурах несостоятельности (банкротства).

Обнаружить в судебной практике примеры применения данных составов недействительности сделок в отношении брачных договоров нам не удалось. Вероятно, это объясняется спецификой такой договорной формы, как брачный договор, а также особенностями его использования должниками. Как правило, брачные договоры должники не заключают в ходе процедур банкротства (однако бывают и исключения, например, см. *постановления Арбитражного суда Северо-Западного округа от 04.10.17 по делу № А05-11472/2015 и Арбитражного суда Уральского округа от 13.08.19 по делу № А60-6892/2016*). Обычно они заключаются заранее, в преддверии введения в отношении должника банкротства (что свидетельствует о низкой востребованности юридического состава недействительности сделки, предусмотренного статьей 174.1 ГК РФ). В отношении статьи 61.3 Закона о банкротстве также следует вывод о низких перспективах ее применения. Как правило, брачные договоры связаны с разделом или определением правового режима имущества супругов, в них, исходя из их специфики, редко предусматриваются условия, которые могут повлиять на очередность удовлетворения требований кредиторов, и брачные договоры просто не подходят для того, чтобы их оспаривать по статье 61.3 Закона о банкротстве. В случаях, когда брачный договор может нарушать права кредиторов несостоятельного должника, обычно подходит иной состав недействительности (пункт 2 статьи 61.2 Закона о банкротстве).

Что касается пункта 2 статьи 44 СК РФ, то данным положением закона установлено специальное основание для признания брачного договора недействительным по требованию одного из супругов в том случае, если условия договора ставят этого супруга в крайне неблагоприятное положение (определения Конституционного Суда Российской Федерации от 21.06.11 № 779-О-О и от 23.12.14 № 2902-О).

Это специальное семейно-правовое основание для оспаривания сделки¹⁶. Им может воспользоваться в том числе финансовый управляющий должника. Препятствий для этого не имеется. Судебная практика также подтверждает возможность использования данного состава недействительности сделки применительно к оспариванию брачного договора в процедурах банкротства несостоятельного должника (*постановление Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда от 01.10.15 по делу № А65-19682/2014*).

¹⁶ Шишмарева Т. П. Указ. соч. С. 39–44.

... В постановлении Арбитражного суда Северо-Западного округа от 04.10.17 по делу № А05-11472/2015 приведен редкий пример судебного спора, где оспаривалось дополнительное соглашение к брачному договору, заключенное несостоятельным должником-гражданином уже после введения в отношении него процедуры банкротства.

Суды в рамках указанного спора выяснили, что по результатам заключения дополнительного соглашения к брачному договору супруга должника получила в единоличную собственность и объект недвижимости (здание автомойки), и доходы от его использования.

Суды отметили, что, согласно пункту 1 статьи 213.25 Закона о банкротстве, все имущество гражданина, имеющееся на дату принятия решения арбитражного суда о признании гражданина банкротом и введении реализации имущества гражданина и выявленное или приобретенное после даты принятия указанного решения, составляет конкурсную массу, за исключением имущества, определенного пунктом 3 названной статьи.

В соответствии с пунктом 5 статьи 213.25 Закона о банкротстве с даты признания гражданина банкротом все права в отношении имущества, составляющего конкурсную массу, в том числе на распоряжение им, осуществляются только финансовым управляющим от имени гражданина и не могут осуществляться гражданином лично. Сделки, совершенные гражданином лично (без участия финансового управляющего) в отношении имущества, составляющего конкурсную массу, ничтожны.

Установив, что оспариваемое дополнительное соглашение к брачному договору заключено после признания должника-гражданина банкротом и введения в отношении него процедуры реализации имущества, суды пришли к обоснованному выводу о том, что такое соглашение является недействительным.

Последствия признания недействительным брачного договора

В пункте 1 статьи 167 ГК РФ установлено, что недействительная сделка не влечет юридических последствий, за исключением тех, которые связаны с ее недействительностью, и недействительна с момента ее совершения.

При недействительности сделки каждая из сторон обязана возвратить другой все полученное по сделке, а в случае невозможности возвратить полученное в натуре (в том числе тогда, когда полученное выражается в пользовании имуществом, выполненной работе или предоставленной услуге) возместить его стоимость, если иные последствия недействительности сделки не предусмотрены законом (пункт 2 статьи 167 ГК РФ).

Аналогичные по существу положения содержатся в пункте 1 статьи 61.6 Закона о банкротстве, согласно которой все, что было передано должником или иным лицом за счет должника или в счет исполнения обязательств перед должником, а также изъято у должника по сделке, признанной недействительной в соответствии с главой III.1 Закона о банкротстве, подлежит возврату в конкурсную массу.

Таким образом, в случае признания брачного договора недействительной сделкой применение правовых последствий его недействительности заключается в приведении сторон в положение, существовавшее до его совершения, а именно в восстановлении в отношении имущества, которое было приобретено в ходе брака, режима совместной собственности супругов, предусмотренного статьей 34 СК РФ, с даты заключения брачного договора, когда данный режим был изменен.

При признании в деле о банкротстве недействительным брачного договора применяются последствия недействительности сделки в виде восстановления режима совместной собственности супругов на имущество.

Арбитражные суды, как нам представляется, в настоящее время стоят на единообразной позиции о том, что при признании в деле о банкротстве недействительным брачного договора применяются последствия недействительности сделки (пункт 2 статьи 167 ГК РФ) в виде восстановления режима совместной собственности супругов на имущество, что по существу соответствует положениям статей 33, 34 СК РФ (*постановления Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 11.04.18 по делу № А45-20510/2015, Арбитражного суда Северо-Западного округа от 20.08.20 по делу № А56-77014/2018 и от 27.05.21 по делу № А56-73782/2017/сд.1.3*).

В ряде случаев арбитражные суды отказывают в применении последствий недействительности брачного договора, если установлено, что имущество «не передавалось, регистрационные действия с имуществом не совершались» (*постановления Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 19.09.14*

и Арбитражного суда Северо-Западного округа от 23.12.14 по делу № А21-4832/2012).

В постановлении Арбитражного суда Северо-Западного округа от 23.12.14 по делу № А21-4832/2012 сделан полезный практический вывод о том, что брачный договор может быть признан недействительным даже в том случае, если к моменту разрешения спора он был расторгнут сторонами. Это объясняется тем, что при расторжении договора обязательства сторон прекращаются на будущее, то есть до момента расторжения договор признается действовавшим, следовательно, все не исполненные к моменту прекращения действия договора обязанности и не удовлетворенные права требования могут быть реализованы и исполнены и после расторжения договора. Данный вывод, как отметил суд кассационной инстанции, основан на применении пункта 2 статьи 453 ГК РФ и соответствует разъяснениям пункта 3 постановления Пленума ВАС РФ от 06.06.14 № 35 «О последствиях расторжения договора».

Интересное в своей динамике развитие судебного спора продемонстрировано *в постановлениях Арбитражного суда Северо-Западного округа от 24.10.19 по делу № А56-73782/2017, от 10.11.20 по делу № А56-73782/2017/сд.1 и от 27.05.21 по делу № А56-73782/2017/сд.1.3*, принятых в рамках одного конкретного дела о банкротстве должника-гражданина. В первом из указанных судебных актов приведен спор о признании недействительной сделкой брачного договора должника и его супруги. Следующие судебные акты завершали по существу рассмотрение выделенных в отдельные производства споров о применении последствий недействительности сделки в виде распространения режима общей совместной собственности супругов на отдельное имущество (акции, права требования). На наш взгляд, подобный подход основан на дифференциации подлежащих разрешению вопросов и при этом он очень последователен, в силу чего представляется удачным и полезным на практике.

Признание недействительными сделок лиц, недобросовестно вторгающихся в чужие договорные отношения

Осипов Владислав Александрович

Студент Санкт-Петербургского государственного университета

В статье рассматриваются теоретические и практические вопросы признания недействительными сделок лиц, недобросовестно вторгающихся в чужие договорные отношения. Автор предлагает свое видение требований, предъявляемых к поведению третьего лица, нарушение которых будет являться основанием для применения способов защиты нарушенного обязательственного права.

Отдельное внимание уделено анализу определений Верховного Суда Российской Федерации, в которых затрагивается тема недобросовестной интервенции третьего лица.

Ключевые слова: сделка, недействительность сделок, интервенция, третья сторона, недобросовестность, обязательство, договорные отношения.

В последние годы активизировалось обсуждение проблемы интервенции третьего лица в чужие обязательственные отношения. Речь идет о ситуации, при которой участник оборота, обычно путем заключения сделки, вторгается в относительные правоотношения между иными лицами, нарушая тем самым законные интересы одного из них. Наглядный пример подобного — двойная купля-продажа, при которой интервент, предлагая более высокую цену за товар, уже обещанный покупателю, «перехватывает» его у последнего.

В правовых порядках европейских стран в таких случаях используется деликтный иск к недобросовестному третьему лицу. В декабре 2019 года подобный пример появился и у Верховного Суда Российской Федерации (далее — ВС РФ): *определение Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 23.12.19 № 305-ЭС19-13326*. Но еще до этого судебная практика нашла способ реагировать на случаи интервенции путем признания сделок с интервентами недействительными на основании статей 10 и 168 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ).

Вопрос о том, какой из этих способов защиты стоит закрепить в нашем праве, остается открытым. В связи с заслуживающими внимания интересами кредиторов интервента при банкротстве последнего деликтный иск может казаться предпочтительнее. Кроме того, в литературе признается, что только лишь признание сделок недействительными может быть недостаточно для защиты потерпевшей стороны¹.

¹ См., например: *Тарасов П. А.* Соотношение ответственности нарушившей обязательство стороны и деликтной ответственности недобросовестного интервента //

Однако пока деликтный иск не получил широкого применения в судебной практике. В этой связи мы сосредоточимся на анализе наиболее распространенного в настоящее время способа защиты кредитора — аннулирования интервенционной сделки.

Недобросовестность интервента

Поскольку интервенция — это не просто вторжение третьего лица в интересы сторон, но вторжение недобросовестное, ключевым является вопрос о том, что стоит понимать под недобросовестностью интервента. В понимании этой недобросовестности возможны две позиции.

Первая заключается в том, что достаточно установления простого знания («знало или не могло не знать») лица о чужих отношениях и о том, что его действия повлекут нарушение договора. Далее эта позиция будет именоваться концепцией простого знания.

Так, во Франции при установлении недобросовестности третьего лица «речь идет не о том, чтобы требовать от третьего лица доказательства мошеннических действий или даже намерения причинить вред, а лишь о том, чтобы продемонстрировать его знание о договоре»².

² Величко В. Справка по французскому праву. С. 5. URL: https://m-logos.ru/img/Spravka_Fr_pravo_m-logos.pdf (Материалы научно-практического круглого стола «ИНТЕРВЕНЦИЯ В ЧУЖИЕ ДОГОВОРНЫЕ ОТНОШЕНИЯ: оспаривание сделки или взыскание убытков» // Юридический институт «М-Логос» (m-logos.ru)).

Этого же подхода, по мнению исследователей, скорее придерживается на данный момент и судебная практика Германии, где «для ответственности интервента в большинстве случаев достаточно одного лишь его знания о договоре между первым кредитором и должником»³. «По сути, суды и согласные с судебной практикой представители немецкой доктрины исходят из того, что как раз само по себе вторжение в чужой договор и возникающие из него права и обязанности имеет решающее значение для констатации нарушения добрых нравов»⁴. Однако такое решение критикуется многими представителями доктрины, так как текст § 826 Германского гражданского уложения говорит о необходимости нарушения добрых нравов, а простое знание о наличии чужих отношений, по их мнению, не может восприниматься в качестве такового.

³ Федоров Д. Интервенция в чужие договорные отношения в Германии. С. 6–7. URL: https://m-logos.ru/img/Intervenciya_v_chyzie_dogovornie_otnosheniya_Germaniya_M-Logos_Fedorov.pdf (Материалы научно-практического круглого стола «ИНТЕРВЕНЦИЯ В ЧУЖИЕ ДОГОВОРНЫЕ ОТНОШЕНИЯ: оспаривание сделки или взыскание убытков» //

Юридический институт «М-Логос» (m-logos.ru)).

⁴ Там же. С. 3.

Второй подход предполагает обязательное наличие у интервента умысла на причинение вреда интересам кредитора. Сторонники данного подхода апеллируют к поощрению этим эффективного экономического обмена, конкуренции, а также к позиции разумного эгоизма, согласно которой участник оборота не должен беспокоиться об интересах иного лица больше, чем о своих собственных. Далее эта позиция будет именоваться как концепция умысла. Видимо, именно такой подход воспринят английским правом, где суд хоть и решает применительно к каждому случаю, «имеется ли достаточное количество обстоятельств, оправдывающих вмешательство», однако если «интервент действует добросовестно (in good faith), преследуя в первую очередь собственные экономические интересы и не желая действовать исключительно во вред истцу», то оснований для привлечения такого лица к ответственности нет⁵.

⁵ Чупрунов А. Ответственность интервента за вторжение в чужие договорные отношения в Англии. URL: https://m-logos.ru/img/Intervenciya_v_chyzie_dogovornie_otnosheniya_Angliya_M-Logos_Chuprunov.pdf (Материалы научно-практического круглого стола «ИНТЕРВЕНЦИЯ В ЧУЖИЕ ДОГОВОРНЫЕ ОТНОШЕНИЯ: оспаривание сделки или взыскание убытков» // Юридический институт «М-Логос» (m-logos.ru)).

Концепция умысла в отечественной литературе подвергается критике с морально-этической точки зрения: игнорирование должником и интервентом интересов первоначального кредитора признается циничным; указывается на представления о справедливости, согласно которым вторгающийся в чужие обязательственные отношения интервент не может считаться порядочным⁶; высказывается мнение, что такое поведение противно основам гражданского права⁷.

⁶ Основные положения гражданского права: постатейный комментарий к статьям 1–16.1 Гражданского кодекса Российской Федерации / Отв. ред. А. Г. Карапетов. М.: М-Логос, 2020. С. 826–827 (автор комментария к статье 10 ГК РФ — А. Г. Карапетов).

⁷ Сеницын С. А. Абсолютная защита относительных прав: причины, последствия и соотношение с принятой классификацией субъективных прав // Вестник гражданского права. 2015. № 1. С. 23.

Представляется, что ссылки сторонников концепции умысла на разумный эгоизм должны быть подвергнуты более тщательному осмыслению. Эта идея действительно является основополагающей для рыночного оборота, однако она имеет значение скорее в вопросе о необходимости совершения каких-либо активных действий ради иных лиц. Идея добросовестности не может создавать

обязанности активно действовать в интересах другого лица, однако обязанность воздерживаться от нарушения чужих прав она вполне может создавать. Это вытекает и из принципа недопустимости вмешательства в частные дела. Поэтому представляется, что концепт разумного эгоизма не может оправдывать нарушение прав иных лиц. Участник оборота должен уважать чужую имущественную автономию, а конкуренция должна поощряться лишь до момента заключения сделки.

В случае когда третье лицо по своим субъективным причинам чрезвычайно ценит спорное благо, оно может вступить в переговоры с кредитором и заплатить ему, чтобы он добровольно отказался от договорных отношений. Если кредитор оценит денежное возмещение в качестве достойной замены предполагавшемуся исполнению обязательства, то все интересы будут соблюдены.

В пользу концепции простого знания высказываются и экономико-правовые аргументы, сводящиеся к дискуссии о теории эффективного нарушения договора. Суть данной теории заключается в том, что если для должника выгоднее нарушить, чем исполнить договор, и после возмещения убытков кредитору он все равно останется в плюсе, то нужно позволить ему такое поведение, так как это будет эффективно по критерию Парето, а значит, будет вести к повышению уровня общего экономического благосостояния⁸. Это соответствует идеологии сторонников концепции умысла. Предоставляя кредитору из средств защиты лишь иск о взыскании убытков к нерадивому должнику и лишая его возможности оспорить интервенционную сделку, мы тем самым поощряем подобное вмешательство третьих лиц. Однако теория эффективного нарушения в настоящее время подвергается критике, в том числе и с экономической точки зрения: «Надо признать, что теория эффективного нарушения является ярким примером близорукого варианта экономического анализа права, берущего в фокус внимания лишь непосредственные последствия реализации того или иного правового решения, но игнорирующего возможные негативные долгосрочные последствия и деструктивное влияние подрыва прочности договорных отношений на перспективы экономического развития»⁹.

⁸ Познер Р. А. Экономический анализ права: В 2 т. / Пер. с англ.; под ред. В. Л. Тамбовцева. СПб.: Экономическая школа, 2004. Т. 1. С. 164.

⁹ Карапетов А. Г. Экономический анализ права. М., 2016. С. 363–364.

В долгосрочной перспективе эффективные нарушения договора ведут к деморализации договорных отношений и подрыву этики верности слову. Вторжение интервента нарушает ожидания кредитора, рассчитывавшего на реальное исполнение, а не на денежный суррогат. Теория эффективного нарушения не обращает внимания и на проблему в сложности доказывания убытков в нашем гражданском праве, из-за чего кредитор не получает полную

компенсацию и оказывается в худшем положении по сравнению с тем, если бы договор был исполнен, а значит, и критерий эффективности по Парето не соблюдается¹⁰.

¹⁰ Там же. С. 364–367.

С указанными замечаниями стоит согласиться. Принцип *pacta sunt servanda* был выработан и поддерживается до сих пор, в том числе и в силу экономических воззрений, так как «с конца XVIII века стало понятно, что без принудительной силы контрактов исчезают гарантии, необходимые для долгосрочного планирования и инвестирования»¹¹. Поощряя, казалось бы, эффективную интервенцию, мы в долгосрочной перспективе уничтожаем благоприятный институциональный климат для планирования экономических проектов из-за отсутствия уверенности в исполнении контрагентами своих обязательств. Вследствие этого лица могут начать закладывать риски неисполнения в цены, на которых они будут согласны совершить сделку, тем самым повышая их до уровня, который не будет приемлем для добросовестных контрагентов, а соглашаться на подобные условия будут лишь лица, изначально стремящиеся к оппортунистическому поведению. Это запустит негативный процесс «ухудшающего отбора»¹².

¹¹ *Карпетов А. Г., Савельев А. И.* Свобода договора и ее пределы: В 2 т. Т. 1: Теоретические, исторические и политико-правовые основания принципа свободы договора и его ограничений. М., 2012. С. 18.

¹² Более подробно о проблеме неблагоприятного отбора (*adverse selection*) см.: *Карпетов А. Г.* Экономический анализ права. С. 184–187; *Акерлоф Дж.* Рынок «лимонов»: неопределенность качества и рыночный механизм (1970) // *THESIS*. 1994. Вып. 5. С. 91–104.

Следовательно, доверие между контрагентами, уверенность участников оборота в том, что они получают желаемые блага в результате надлежащего исполнения обязательств, ведет к поощрению сложных и долгосрочных экономических проектов, а значит, играет в развитии экономики роль не меньшую, чем конкуренция.

Проблема недокомпенсации, то есть возможное присуждение судом в качестве убытков суммы меньшей, чем размер убытков, реально понесенных истцом, сводит на нет аргументы об эффективности нарушения договора по критерию Парето: «Но вся проблема состоит в том, что в реальной жизни (а не в мире экономических абстракций), как только мы покидаем зону добровольных соглашений, мы лишаемся гарантий получения жертвой *ex post* полной компенсации»¹³. Возможное указание на то, что в таком случае нужно решать проблему именно с доказыванием убытков, можно оспорить тем, что подобные

сложности испытываются и в западных правовых порядках, раз проблема недокомпенсации там также используется в качестве аргумента против теории эффективного нарушения.

¹³ Карапетов А. Г. Модели защиты гражданских прав: экономический взгляд // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2014. № 11. С. 43.

Таким образом, этические воззрения в совокупности с вышеприведенными экономическими аргументами позволяют прийти к выводу о том, что более приемлемым решением для правовой системы с политико-правовой точки зрения будет выбор в пользу концепции простого знания.

Не стоит забывать, что, когда мы говорим о необходимости установления простого знания интервента, речь идет не только о его осведомленности о наличии чужих договорных отношений, но и о том, что он своими действиями нарушает права одной из сторон договора. Например, третье лицо могло знать о наличии в договоре права на безмотивный отказ стороны (продавца) от договора и предложить продавцу большую цену. Очевидно, что в подобной ситуации интервент не может быть привлечен к ответственности.

Встает также вопрос о том, какова глубина выяснения наличия чужих обязательственных отношений, бремя которого мы возлагаем на участника оборота? Например, можно ли говорить об интервенции и привлекать к ответственности третье лицо, когда оно знает о договоре купли-продажи продавца с иным покупателем, но полагается на уверения продавца, что тот договор уже прекращен? В первом приближении представляется, что третье лицо не должно просто поверить продавцу на слово. Дабы не быть обвиненным в интервенции, третье лицо, на наш взгляд, должно обратиться за актуальной информацией к покупателю. Еще одним корректным решением вопроса для третьего лица могла бы быть постановка интервенционной сделки под условие прекращения первого договора.

Помимо двух приведенных выше подходов к пониманию недобросовестности интервента (концепции простого знания и концепции умысла), возможен более широкий вариант решения — вменение интервенту стандарта «должен был знать». Такое решение кажется крайне неудачным. Возложение подобного бремени на участников оборота представляет опасность для стабильности последнего, так как может привести к массовому аннулированию сделок: «Привлечение к ответственности третьего лица за содействие неисполнению договора, о котором оно не знало, под предлогом того, что „оно могло бы преодолеть это, проявив большее усердие (...), создало бы большую угрозу для гражданского оборота“»¹⁴. Усиливая обязанности участников оборота по выяснению всех возможных обстоятельств, связанных с чужими отношениями, мы тем самым дестимулируем вступление в экономические

взаимосвязи, а сам стандарт «должен был знать» сильно повышает трансакционные издержки.

¹⁴ G. Viney. Introduction to responsibility. 3rd Ed., 2008, LGDJ, no. 207-3. Цит. по: Величко В. Указ. соч. С. 5.

Разобрав возможные подходы к пониманию недобросовестности интервента, остановимся на вопросе о том, какая же из обозначенных выше концепций реализована в современном отечественном законодательстве.

Российское позитивное право закрепляет отдельные случаи идеи запрета интервенции. В частности, в предписаниях абзаца третьего пункта 6 статьи 67.2, пункта 1 статьи 174 ГК РФ законодатель очевидно не поддерживает концепцию умысла.

В качестве общего правила концепция простого знания является более предпочтительным решением

В то же время при регламентации последствий нарушения договорного запрета на уступку требования пункт 3 статьи 388 ГК РФ дифференцирует эти последствия в зависимости от характера обязательств. При этом, руководствуясь целью повышения ликвидности денежных требований, в отношении последних законодатель принципиально допускает интервенцию третьих лиц. (По этой причине данная норма подвергается в литературе критике¹⁵. — Прим. авт.)

¹⁵ См., например: Байбак В. В., Ильин А. В., Карапетов А. Г., Павлов А. А., Сарбаш С. В. Комментарий к постановлению Пленума ВС РФ от 21.12.2017 № 54 «О некоторых вопросах применения положений главы 24 Гражданского кодекса Российской Федерации о перемене лиц в обязательстве на основании сделки» // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2018. № 2. С. 85 (автор комментария — А. Г. Карапетов).

Эта норма интересна для нас тем, что позволяет поднять также вопрос о том, насколько универсальной является отстаиваемая нами концепция простого знания и возможны ли изъятия из нее. В случае с уступкой денежного требования, запрещенной договором, многие риски (дестабилизация в долгосрочной перспективе договорных отношений, срыв экономических планов, навязывание лицу вместо ожидаемого реального исполнения денежного суррогата) просто не возникают. Но при таком подходе все равно остается нерешенной проблема возможной недокомпенсации, а также подрыва этики верности слову¹⁶.

¹⁶ Там же. С. 85 (автор комментария — А. Г. Карапетов).

Представляется, что если в качестве общего правила концепция простого знания является более предпочтительным решением, то в вопросе о возможности уступки денежного требования вопреки договорному запрету исключение в пользу концепции умысла допустимо исходя из политико-правовой задачи повышения оборотоспособности данных требований. Сейчас соответствующий подход и закреплён в ГК РФ, хотя обсуждение этого вопроса с точки зрения *de lege ferenda* может быть продолжено.

Оспоримость или ничтожность сделки?

Спорным представляется вопрос о режиме недействительности интервенционной сделки. С одной стороны, поскольку такая сделка посягает на интересы третьего лица (кредитора или должника), стоит говорить о применении пункта 2 статьи 168 ГК РФ. С другой — в литературе указывается, что более адекватным решением в случае интервенции будет выбор в пользу оспоримости сделки¹⁷. Несмотря на то что требование о признании оспоримой сделки недействительной может быть предъявлено только стороной сделки, а иным лицом лишь в случае прямого указания в законе (такой общей нормы для интервенции нет), стоит проанализировать данный вопрос с точки зрения должника, тем более что частичные закрепления в ГК РФ доктрины интервенции используют режим оспоримости.

¹⁷ Сделки, представительство, исковая давность: постатейный комментарий к статьям 153–208 Гражданского кодекса Российской Федерации / Отв. ред. А. Г. Карапетов. М.: М-Логос, 2018. С. 390 (автор комментария к статье 168 ГК РФ — А. Г. Карапетов).

Минусом режима оспоримости является то, что в нашем правовом порядке отсутствует внесудебное оспаривание сделок, вследствие чего все связанные с этим издержки и трудности оспаривания интервенционной сделки будут возлагаться на кредитора. Аргументом против режима оспоримости является и сокращённый срок исковой давности в отношении последней.

Однако оправдывает ли это выбор правового порядка в пользу ничтожности интервенционных сделок, особенно если речь идёт о ситуации, когда интервент перекупает товар, обещанный кредитору, то есть о циничной, но все же конкуренции? Да, выше мы сделали довольно категоричный вывод о недопустимости поощрения подобного, но он был продиктован заботой об интересах кредитора. Если же потерпевший кредитор не видит необходимости в оспаривании сделки (либо его останавливают судебные издержки, что может свидетельствовать об отсутствии у него серьёзной заинтересованности в её

реальном исполнении), и его устроит возмещение убытков, то зачем нам уничтожать чужую экономическую операцию? Вряд ли такое послабление в форме порочности будет стимулировать интервенцию, так как всегда будет риск оспаривания сделки.

Режим оспоримости интервенционных сделок позволяет совместить такие способы защиты, как признание сделки недействительной и деликтный иск в натуре, предоставив заинтересованному, пострадавшему от интервенции кредитору выбор. При режиме ничтожности сделки такое совмещение возможно лишь в случае допустимости конкуренции договорных и деликтных исков, однако пока наш правопорядок достаточно скептически относится к такой конкуренции.

Стоит распространить режим оспоримости на все случаи интервенции, в том числе и шиканы

Исходя из вышесказанного, стоит распространить режим оспоримости на все случаи интервенции, в том числе и шиканы. Дифференциация форм недействительности (при умысле — ничтожность, при простом знании — оспоримость) не представляется нам удачным решением, поскольку трудность в установлении умысла на причинение вреда интересам кредитора или должника будет вызывать лишь правовую неопределенность во взаимоотношениях участников оборота. Впрочем, данный вопрос заслуживает дальнейшего анализа.

Актуальная судебная практика по аннулированию интервенционных сделок

Доктрина интервенции стала складываться на уровне практики ВС РФ лишь недавно, в самых общих чертах и скорее интуитивно. Однако этот небольшой корпус судебных решений стоит проанализировать хотя бы для понимания того, в какую сторону наш правопорядок собирается двигаться.

1. Наглядным примером можно считать *определение Судебной коллегии по гражданским делам ВС РФ от 27.03.18 № 49-КГ17-35*. Истица получила право требования на квартиру, затем к ней перешло и владение. После продавец гарантировал оформление документов на право собственности на ее имя, но заключил другой договор купли-продажи с третьим лицом, за которым позже было зарегистрировано право собственности. ВС РФ указал на необходимость выяснения того, знало ли третье лицо о чужих договорных отношениях и нахождении квартиры во владении истицы: «...следовало установить, могло ли быть признано преимущество за добросовестным кредитором, если жилое помещение ранее было передано такому кредитору в фактическое владение во исполнение тождественного обязательства, а кредитор, право которого на

спорную вещь было зарегистрировано, вступая в обязательство по поводу этой вещи, знал об этом обязательстве».

Здесь коллегия по гражданским делам применила концепцию простого знания, и хотя и не сослалась прямо на статью 168 ГК РФ, но очевидно, что ее применение подразумевалось.

2. В определении от 25.01.18 № 308-ЭС17-14180(1,2) Судебная коллегия по экономическим спорам ВС РФ подошла к вопросу об упречности поведения третьего лица крайне широко. Имела место двойная купля-продажа, при этом второй покупатель (интервент) заключил договор на несколько лет позже. В момент заключения договора со вторым покупателем квартиры уже были переданы первым покупателям. Интервент не осуществлял осмотр спорных объектов недвижимости, наличие прав на жилые помещения за иными лицами не проверял. Акцентируя внимание на данном обстоятельстве, ВС РФ указал, что поведение интервента на «соответствие стандарту обычной разумности и добросовестности не оценивалось, а следовательно, вывод по существу спора преждевременен».

Такое решение ВС РФ представляется небесспорным. Мы уже указывали, что возложение на участников оборота обязанности узнавать о наличии чужих договорных отношений будет тормозить оборот и может поставить под угрозу его стабильность. Вызывает вопросы содержание стандарта обычной разумности. Как будет и будет ли вообще дифференцироваться этот стандарт в зависимости от личности интервента? Насколько справедливо считать интервента недобросовестным лишь потому, что он не осмотрел помещение? Если содержание такого стандарта — лишь общее правило, то какие из него исключения? Следует ли дифференцировать подход в зависимости от того, где проживает покупатель, приобретающий квартиру в Петербурге (на Дальнем Востоке или в десяти минутах ходьбы пешком)? Влияет ли на определение такого стандарта цель приобретения объекта — инвестиционная или для собственного пользования? Ответы на эти вопросы остаются нерешенными, поэтому к конечному решению ВС РФ в данном деле стоит подойти с некоей настороженностью.

3. Интересным примером является *определение Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 02.07.18 № 305-ЭС16-10864(5)*. Покупатель по договору долевого участия в строительстве правомерно отказался от договора, однако позже в отношении застройщика была введена процедура банкротства. Требование кредитора о возврате внесенных по договору сумм должно было быть обеспечено ипотекой, если только в отношении квартиры не был заключен новый договор купли-продажи. В последнем случае квартира передается новому покупателю свободной от прав первого участника строительства, право собственности не будет обременено ипотекой.

ВС РФ отметил, что передача квартиры второму покупателю без обременений возможна лишь при добросовестности сторон второго договора, то есть у них должен отсутствовать умысел на лишение первого покупателя его обеспечения: «Поэтому в ситуации злоупотребления правом на заключение второго договора долевого участия в строительстве обеими его сторонами, то есть когда основной целью последующей сделки стало не привлечение средств для завершения строительства, а лишение первого участника обеспечения в интересах застройщика, в момент регистрации права собственности за недобросовестным субъектом возникнет залоговое обременение, так как в этом случае получение правового титула собственника вторым участником направлено на обход положений Федерального закона от 30.12.04 № 214-ФЗ „Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации“ об основаниях и моменте возникновения залога».

Таким образом, в данном деле Судебная коллегия по экономическим спорам ВС РФ использует концепцию умысла, что объясняется спецификой отношений, поиском баланса между интересами кредитора и интересом иных лиц в том, чтобы здание было достроено.

4. Сделка может быть признана недействительной на основании статей 10 и 168 ГК РФ только тогда, когда отсутствуют иные поименованные составы недействительности, которые будут являться специальными. Для этого важно, чтобы суды крайне внимательно подходили к оценке фактических обстоятельств дела. В этом аспекте интересно *определение от 20.08.20 № 310-ЭС20-2781*, в котором Судебная коллегия по экономическим спорам ВС РФ применила пункт 1 статьи 170 ГК РФ, указав в обоснование своего выбора состава недействительности на аффилированность продавца и второго недобросовестного покупателя. В данном деле были заключены договоры купли-продажи бездокументарных акций, однако после этого продавец продал их третьему лицу. В подобной ситуации исходя из фактических обстоятельств вполне мог ставиться вопрос о применении доктрины интервенции. Однако, видимо, факт родственной связи продавца (сын) и третьего лица (отец), а также неясность в вопросе о том, была ли произведена оплата, склонили суд к тому, что, вероятнее всего, второй договор купли-продажи был совершен лишь для вида без намерения породить соответствующие правовые последствия.

Хоть суд и применил пункт 1 статьи 170 ГК РФ, он все равно сослался на пункт 7 постановления Пленума ВС РФ от 23.06.15 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации», в котором речь идет о недействительности на основании статей 10 и 168 ГК РФ. Несмотря на то что дело было верно разрешено по существу, ВС РФ, к сожалению, уклонился от возможности формирования позиции по поводу

разграничения составов недействительности сделок, а также дальнейшей проработки доктрины интервенции.

5. Примером сложности проблемы разграничения составов недействительности может являться дело гражданки С. (*определение Судебной коллегии по гражданским делам ВС РФ от 09.01.18 № 50-КГ17-27*). В данном сюжете при первом приближении кажется, что сделку возможно было квалифицировать и как притворную (пункт 2 статьи 170 ГК РФ), и как недействительную по статьям 10 и 168 ГК РФ, но в двух разных аспектах — либо как интервенционную, либо как совершенную в обход закона.

Обстоятельства дела заключаются в следующем. Гражданка С. заключила предварительный договор купли-продажи 1/3 доли в праве общей собственности на квартиру. После этого продавец заключил договор дарения в отношении 1/90 доли, а затем и договор купли-продажи оставшейся доли (29/90) с третьим лицом.

ВС РФ признал сделки продавца с третьим лицом недействительными по основанию недобросовестной интервенции третьего лица, указав, что обстоятельством, имеющим значение и подлежащим установлению, является «наличие или отсутствие у сторон по сделке иных обязательств, исполнению которых совершение сделки создает или создаст в будущем препятствия».

В данном деле остается непроясненным вопрос о степени упречности поведения интервента. Неясно, знало ли третье лицо о чужих договорных отношениях. Оно очевидно было недобросовестным в аспекте обхода закона (правил о преимущественной покупке). Относительно же осведомленности третьего лица об иных отношениях с уверенностью говорить нельзя, тем более что, как следует из обстоятельств дела, инициатива в заключении сделок исходила не от третьего лица-интервента, а от должника.

Возможно, такая квалификация отношений не свидетельствует о признании ВС РФ широкого подхода к недобросовестности интервента (третье лицо «должно было знать» о нарушении), а предопределена специфическими обстоятельствами данного дела.

Таким образом, в настоящее время на уровне высших инстанций существует относительно небольшое количество решений, посвященных аннулированию сделок из-за недобросовестной интервенции. Однако даже из анализа этих судебных актов можно сделать некоторые выводы. Верховный Суд Российской Федерации констатирует ничтожность интервенционных сделок и скорее склоняется к концепции «простого знания», хотя в некоторых случаях он, видимо, вменял третьим лицам стандарт «должен был знать». Последнее представляется опасным для стабильности оборота и может дискредитировать саму конструкцию статей 10 и 168 ГК РФ, назначение которых — быть точечным инструментом. Доктрина интервенции не должна подменять специальные нормы

законодательства и должна использоваться крайне осторожно с учетом всех фактических обстоятельств. В то же время само ее развитие стоит только приветствовать.

АКТУАЛЬНАЯ ТЕМА

Может ли соучастник схемы уклонения от уплаты налога перераспределить свои потери за счет другого соучастника?

(Комментарий к определению Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 13.04.21 № 305-ЭС20-20802)

Овсянников Сергей Вадимович

Доцент кафедры административного и финансового права Санкт-Петербургского государственного университета, кандидат юридических наук

Как показывает практика, причинение ущерба бюджетной системе Российской Федерации в результате неуплаты налогов часто является результатом согласованных действий налогоплательщика с иными участниками имущественных отношений, которые, наряду с самим налогоплательщиком, получают экономическую выгоду от таких действий, минимизируя свои затраты на приобретение товаров (работ, услуг) за счет их «налогового» удешевления. Наиболее распространенной формой подобного сговора участников гражданского оборота выступает совершение ими притворных сделок, прикрывающих действительно осуществляемые операции (сделки), чреватые крупными налоговыми платежами. Притворная сделка — это всегда результат обоюдного «притворства», то есть злоупотребления, совершаемого обеими сторонами. Далеко не всегда налоговым органам удастся доказать порочность воли обеих сторон сделки, особенно если хозяйствующие субъекты, ее совершившие, являются реально действующими (а не «техническими» компаниями) и не находятся между собой в отношениях аффилированности. Чаще всего усилия налоговых органов направлены не на опорочивание гражданско-правовой сделки, а на выявление действительного экономического смысла хозяйственной операции, совершенной в ее исполнение, и анализ деловых (или иных) целей, которые преследовал конкретный налогоплательщик. Вменение необоснованной налоговой выгоды последнему, как правило, не сопровождается исследованием целей и выгод другого участника рассматриваемой операции.

Можно долго дискутировать о допустимости такого подхода, при котором государство ограничивается выяснением вины только одного из участников хозяйственной операции, к которому предъявляются налоговые претензии, а установив вину обоих участников, предъявляет претензии к любому из них, к кому сочтет возможным (в первую очередь по соображениям исполнимости соответствующих претензий). Наибольшие сомнения с политико-правовой и даже конституционно-правовой точки зрения возникают в случае, когда при

известности лица, выступившего организатором налоговой схемы и извлекающего из нее экономическую выгоду, налоговые претензии адресуются контрагенту, по неосторожности вступившему в сделку с таким лицом и лишь способствовавшему наступлению ущерба для бюджетной системы и незаконному обогащению другого лица — организатора схемы. В то же время едва ли можно сомневаться в правомерности предъявления налоговых претензий к соучастникам налогового злоупотребления, каждый из которых действовал и с прямым умыслом, и к своей выгоде. Совместное причинение ущерба бюджетной системе Российской Федерации и необоснованное обогащение обеих сторон сделки за счет неуплаты налогов в ходе ее осуществления являются весомым поводом для возложения негативных последствий на каждого из соучастников.

Притворная сделка — это всегда результат обоюдного «притворства», то есть злоупотребления, совершаемого обеими сторонами

Еще раз повторим, что далеко не в каждом случае устанавливается степень вовлечения всех участников сделок в налоговую схему и констатируется именно притворность соответствующих сделок. Тем интереснее проанализировать реакцию судов на дело, в котором указанные признаки были установлены.

... Судебный спор возник в связи с продажей товарного знака и других вспомогательных активов, образующих бизнес «Аквалор». Владелец товарного знака «Аквалор» являлась компания «Эльвинто Альянс Инк.» (учреждена в соответствии с законодательством Британских Виргинских островов), которая получила права на товарный знак от АО «Фармамед» — предыдущего правообладателя. Единственным участником компании «Эльвинто Альянс Инк.» и АО «Фармамед» являлось одно и то же физическое лицо, которое в 2013 году заключило с АО «Нижфарм» соглашение о продаже указанного товарного знака и иных активов.

Как следует из судебных актов по делу № А40-198919/2019, с целью исполнения указанного соглашения компания «Эльвинто Альянс Инк.» учредила другое юридическое лицо — компанию «Баттервуд Холдингс Лимитед» (Республика Кипр), которому были переданы права на товарный знак «Аквалор». Между компанией «Баттервуд Холдингс Лимитед» (продавец) и АО «Нижфарм» (покупатель) были заключены договоры, на основании которых АО «Нижфарм» приобрело исключительные права на товарный знак «Аквалор». Цена договора согласована без включения в нее НДС и иных налогов.

Поскольку продавцом по договорам выступала кипрская компания, доход от реализации товарного знака и иных активов не был обложен налогом на прибыль в Российской Федерации.

Впоследствии налоговый орган провел выездную налоговую проверку АО «Фармамед» и пришел к выводу о том, что была реализована схема уклонения от уплаты налога на прибыль на территории Российской Федерации путем совершения притворных сделок по продаже и перепродаже товарного знака «Аквалор» с участием компаний из низконалоговых юрисдикций (Британские Виргинские острова и Республика Кипр). В действительности сделки купли-продажи товарного знака и иных активов были заключены между АО «Фармамед» и АО «Нижфарм». В этой связи налоговый орган начислил налог на прибыль, пени и штраф за умышленную неуплату налога (пункт 3 статьи 122 Налогового кодекса Российской Федерации; далее — НК РФ) в отношении АО «Фармамед» как фактического продавца товарного знака. Решение налогового органа было оспорено АО «Фармамед» в арбитражном суде, однако суды трех инстанций согласились с позицией налогового органа (*дело № А41-103588/2017*).

После завершения спора с налоговым органом АО «Фармамед» предъявило в арбитражный суд иск к АО «Нижфарм», ссылаясь на то, что по условиям заключенных договоров цена сформирована без включения в нее подлежащих уплате налогов, а с учетом выводов налогового органа и судов о притворном характере сделок сторонами фактически совершенной сделки на указанных условиях являются АО «Фармамед» и АО «Нижфарм». Исходя из этого, АО «Фармамед» потребовало от АО «Нижфарм» доплатить сумму налога на прибыль, доначисленную по решению налогового органа, поскольку указанная сумма, по мнению истца, должна увеличить цену договора в соответствии с согласованными условиями ее формирования.

Суды первой и апелляционной инстанций удовлетворили иски АО «Фармамед», а Суд по интеллектуальным правам отказал в их удовлетворении.

Определением Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 13.04.21 № 305-ЭС20-10802 судебные акты трех инстанций отменены и дело направлено на новое рассмотрение в суд первой инстанции.

Мотивировочная часть указанного определения не содержит окончательных выводов, претендующих на статус правовой позиции Верховного Суда Российской Федерации, однако высказанные Судебной коллегией по экономическим спорам замечания и сами обстоятельства спора могут служить основой для анализа проблемы перераспределения между сторонами договора налоговых доначислений, предъявленных одной из них.

Особенностью данного спора является то, что вывод о притворности сделок с участием цепочки иностранных компаний был сделан судами ранее, при рассмотрении налогового спора, поэтому при разрешении дела о взыскании

задолженности по договору истец не доказывал данное обстоятельство, а ответчик, который не был привлечен к участию в налоговом споре в качестве третьего лица, не стал его опровергать, хотя и не лишен этого права в силу части 2 статьи 69 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации.

Судебная коллегия по экономическим спорам совершенно справедливо, в русле сложившейся судебной-арбитражной практики, указала, что положения гражданского законодательства о недействительности притворных сделок могут применяться как в связи с притворностью условий сделки (цепочки из нескольких сделок), так и в связи с притворностью субъектного состава участников. В последнем случае правовые последствия, предусмотренные пунктом 2 статьи 170 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ), наступают для подлинных участников сделки исходя из действительно сложившихся между ними отношений.

Из этого тезиса Судебная коллегия по экономическим спорам сделала вывод о том, что обязательства по сделке, имеющей притворный субъектный состав, по общему правилу продолжают подлежать исполнению на тех условиях, которые закреплены в договоре.

Между тем ключевыми вопросами в данном деле, на наш взгляд, являются, во-первых, вопрос о толковании того условия о цене, которое было включено в текст прикрывающих договоров, и, во-вторых, вопрос о допустимости перераспределения налоговых доначислений между участниками схемы уклонения от уплаты налога и о правовой природе такого перераспределения.

Формулируя условие о цене договора, стороны, безусловно, вправе предусмотреть порядок ее определения, предполагающий выделение в ее составе части, не включающей в себя налоги, и суммы причитающихся к уплате налогов. Свобода сторон при установлении порядка определения цены договора вытекает из статьи 424 ГК РФ.

Однако, как показывает деловая практика, в цене договора стороны выделяют суммы *косвенных* налогов и иных платежей (НДС, акцизов, таможенных пошлин), особенностью которых является то, что объектом обложения по ним выступает каждая совершаемая хозяйственная операция в отдельности (например, реализация конкретного товара (работы, услуги), ввоз конкретной партии товаров на таможенную территорию). Поэтому и становится возможным выделение суммы косвенных налогов в цене конкретных товаров (работ, услуг). При этом стороны оговаривают не сумму налога, которая подлежит уплате продавцом в бюджет по соответствующей хозяйственной операции, поскольку уплачиваемая в бюджет сумма налога уменьшается продавцом на налоговые вычеты и, как правило, будет отличаться от суммы налога, выделенной в цене договора. Фактически оговорка о НДС выполняет функцию уточнения воли сторон относительно условия о цене во избежание неопределенности и споров, но не механизма перенесения на покупателя суммы налога, которую продавец платит в бюджет по соответствующей операции.

Прямые налоги, к числу которых относится налог на прибыль, отличаются тем, что их исчисление по отдельной операции в большинстве случаев невозможно, поскольку при нормальном ведении налогоплательщиком предпринимательской деятельности у него образуются различные доходы и расходы, общее сальдо которых формирует сумму прибыли как налоговую базу, исходя из нее и исчисляется сумма налога. Поэтому выделение суммы налога на прибыль в цене конкретного товара по общему правилу невозможно. Следовательно, если бы стороны договорились о предъявлении покупателю дополнительно к твердой части цены суммы налога на прибыль, рассчитанного по какой-либо формуле применительно к конкретной операции, то это было бы не условие об уточнении цены товара (как в случае с оговоркой о НДС), а условие о переложении на покупателя расходов продавца по уплате налога на прибыль в бюджет. Возможность согласования такого условия в гражданско-правовом договоре — это предмет отдельного исследования, однако во всяком случае не вызывает сомнений то, что оговорка о невключении в цену договора НДС и иных налогов не может быть квалифицирована как согласованный сторонами механизм переложения на покупателя суммы прямых налогов.

Помимо того, что сумма налога должна уплачиваться за счет самого налогоплательщика в силу закона (пункт 1 статьи 8 НК РФ), идея переложения прямых налогов противоречит механизму их исчисления, поскольку в случае такого переложения цена реализуемого товара подлежала бы увеличению на сумму налога, который также подлежал бы включению в налоговую базу, и, соответственно, налог начислялся бы на налог и так далее по замкнутому кругу.

В комментируемом определении отмечается, что обстоятельства, которые бы указывали на ничтожность условий договора о передаче прав, определяющих цену и порядок расчетов по договору, судами первой и апелляционной инстанций не установлены.

Между тем проблема заключается не в признании условий договора о цене ничтожными, а в их толковании. Можно ли считать, что, делая оговорку о невключении в цену договора НДС и иных налогов, стороны имели в виду суммы налогов, которые будут доначислены АО «Фармамед» в случае выявления схемы уклонения уплаты от налогов? Или все же такая стандартная формулировка охватывает лишь те налоги, которые подлежат уплате в рамках избранной сторонами модели реализации товарного знака, то есть когда налогоплательщиком-продавцом признается иностранная компания?

По нашему мнению, признание договора притворным в части субъектного состава само по себе не может менять содержание иных условий договора, если в их отношении отсутствуют признаки притворности. Поэтому утверждение Верховного Суда Российской Федерации об отсутствии обстоятельств, которые порочат условия договора о цене и порядке расчетов, свидетельствует не в пользу вывода о возможности придания этому условию иного смысла, чем это следует из договора, в котором продавцом товарного знака, а значит плательщиком налогов по данной операции, является иностранная компания.

Более того, здесь мы подошли к самому важному и интересному вопросу: а можно ли признать правомерным такое условие договора, в силу которого один участник схемы уклонения от уплаты налогов полностью компенсирует другому участнику все налоговые доначисления, если налоговый орган выявит данную схему?

Из материалов анализируемого дела, а также материалов ранее рассмотренного налогового спора видно, что покупатель — АО «Нижфарм» — как минимум знал о совершаемом налоговом злоупотреблении, умышленно совершил притворные сделки и извлек экономическую выгоду в результате удешевления приобретаемых активов на суммы налоговых издержек. В комментируемом определении указывается на то, что у сторон договора имелся обоюдный интерес во включении иностранной (конduitной, «технической») компании в цепочку сделок с товарным знаком. При рассмотрении налогового спора установлено, что затраты на создание кипрской компании были понесены покупателем товарного знака. Данные обстоятельства получили своеобразную оценку в постановлении Арбитражного суда Московского округа от 16.01.19 по налоговому спору АО «Фармамед» (дело № А41-103588/2017): «Возможно, что АО „Нижфарм“ предполагало получить иную налоговую выгоду в результате создания „Баттервуд Холдингс Лимитед“ и заключения с этой компанией договора о покупке товарного знака, однако это выходит за пределы настоящего дела. Вместе с тем создание схемы взаимоотношений, направленной на получение налоговой экономии, может иметь не единственного выгодоприобретателя».

Таким образом, перед нами предстает картина налогового злоупотребления, где имеются два соучастника, действующие умышленно и извлекающие экономическую выгоду из совершения злоупотребления. Представляется, что принципы распределения имущественных потерь между такими соучастниками должны соответствовать общим принципам распределения убытков между сопричинителями вреда.

Как известно, лица, совместно причинившие вред, отвечают перед потерпевшим солидарно (статья 1080 ГК РФ), а должник, исполнивший солидарную обязанность, имеет право регрессного требования к остальным должникам в равных долях за вычетом доли, падающей на него самого (пункт 2 статьи 325 ГК РФ).

Принципы распределения имущественных потерь между соучастниками должны соответствовать общим принципам распределения убытков между сопричинителями вреда

Иными словами, сопричинители вреда по общему правилу принимают на себя неблагоприятные последствия правонарушения в равных долях.

Безусловно, взаимодействие государства и налогоплательщика относительно возмещения вреда от налогового злоупотребления реализуется в рамках налоговой, а не гражданско-правовой модели — в форме взыскания недоимки*. Однако дальнейшее взаимодействие между контрагентами по договору подчиняется принципам гражданского права, с позиции которых отнесение всех последствий совместного деяния только на одного из соучастников было бы нарушением требований справедливости и баланса интересов сторон.

* Это не исключает квалификацию потерь бюджета в налоговых отношениях как ущерба, который к тому же может возмещаться не только в налоговом, но и в гражданско-правовом порядке (например, постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 08.12.17 № 39-П).

Известную аналогию можно увидеть в разъяснениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации, которые содержатся в пункте 9 постановления от 30.11.17 № 49 «О некоторых вопросах применения законодательства о возмещении вреда, причиненного окружающей среде»: «Лица, совместно причинившие вред окружающей среде, отвечают солидарно (абзац первый статьи 1080 ГК РФ). О совместном характере таких действий могут свидетельствовать их согласованность, скоординированность и направленность на реализацию общего для всех действующих лиц намерения. Так, к солидарной ответственности могут быть привлечены заказчик, поручивший выполнение работ, которые причиняют вред окружающей среде, и подрядчик, фактически их выполнивший».

Следовательно, согласованность действий обеих сторон договора и направленность на реализацию общего намерения причинить вред публичным интересам позволяют рассматривать контрагентов как совместных причинителей вреда. Совокупность указанных признаков имеется в рассматриваемом деле.

Императивные нормы пункта 2 статьи 325 ГК РФ не позволяют соглашением сторон исключить распределение имущественных последствий правонарушения между сопричинителями вреда, равно как пункт 4 статьи 401 ГК РФ не допускает исключение или ограничение ответственности за умышленное причинение вреда. Противоположный подход противоречил бы принципу недопустимости извлечения лицом выгод из своего незаконного или недобросовестного поведения (пункт 4 статьи 1 ГК РФ).

В этой связи едва ли может подлежать судебной защите требование о полном переложении налоговых доначислений на одного из соучастников налогового злоупотребления по иску другого соучастника, если оба соучастника действовали умышленно. Даже если бы такая договоренность и была достигнута между ними (а в рассматриваемом деле наличие подобной договоренности совсем не очевидно), соответствующее требование надлежало бы рассматривать не как требование о взыскании задолженности по оплате цены договора, а как требование, вытекающее из совместного причинения вреда.

В то же время и в отсутствие соответствующей договоренности, то есть в основной массе случаев, подобные требования следовало бы допустить на основании общих правил о деликте и исходя из того, что лица, умышленно и согласованно реализующие схему уклонения от уплаты налогов, действуют к обоюдной выгоде и было бы несправедливо «выводить из-под удара» одного из соучастников. Безусловно, чаще всего невозможно в точности рассчитать долю экономической выгоды от реализации налоговой схемы, полученную конкретным ее соучастником (например, в рассматриваемом деле трудно определить, какую долю выгоды от минимизации налоговых издержек присвоило себе АО «Фармамед», а какую — АО «Нижфарм», однако с высокой вероятностью можно предположить, что каждая из сторон извлекла из этой схемы пользу, на что и указала Судебная коллегия по экономическим спорам в своем определении). Поэтому каждый из сопричинителей должен принять на себя одинаковую долю имущественных последствий правонарушения.

В этом случае не пришлось бы хитрить с порядком исчисления срока исковой давности и связывать ее начало с вступлением в силу решения налогового органа, как будто только с этого момента для сторон «открылся» истинный размер цены заключенного ими договора. Такой подход, поддержанный Судебной коллегией по экономическим спорам, во-первых, не согласуется с основополагающей идеей налогового права, согласно которой обязанности по уплате налогов возникают не из решений налоговых органов, а из фактических обстоятельств экономической жизни, а во-вторых, противоречит самой концепции о том, что стороны изначально имели в виду переложить на покупателя реальное налоговое бремя фактического продавца, то есть АО «Фармамед».

Исчисление срока исковой давности с момента вступления в силу решения налогового органа, как предлагает Судебная коллегия по экономическим спорам, возможно лишь в том случае, если включенную в договор оговорку толковать как условие о перенесении на покупателя имущественных потерь продавца на случай, если схема уклонения будет раскрыта налоговым органом. Однако законность такой оговорки (если бы она в действительности имелась в виду сторонами) вызвала бы сомнения с точки зрения основ нашего правопорядка и принципа добросовестности.

Идея распределения налоговых рисков между участниками оборота, несомненно, продуктивна и находит поддержку в судебно-арбитражной практике

Как показало последующее развитие практики, идея о распределении «налоговых убытков», понесенных одной из сторон по вине другой стороны, находит поддержку и в других решениях Судебной коллегии по экономическим спорам (определение от 09.09.21 № 302-ЭС21-5294). При этом такое

распределение предлагается производить применительно к статье 404 ГК РФ с учетом степени вины контрагентов в возникновении убытков. Безусловно, механизмы компенсации потерь в ситуации совместного умышленного поведения сторон и в случае, когда одна сторона действует умышленно и извлекает налоговую выгоду, а другая не проявляет должной осмотрительности, не могут полностью совпадать. Но сама идея переложения (распределения) налоговых рисков между участниками оборота, несомненно, продуктивна и находит поддержку в судебно-арбитражной практике.

РАСПРОСТРАНЕНИЕ ЖУРНАЛА

АРБИТРАЖНЫЕ СПОРЫ

В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

ООО «КАДИС»

Тел.: +7 (812) 493-54-66, 575-00-84

E-mail: fas@kadis.ru

В МОСКВЕ

ООО «УРАЛ-ПРЕСС»

Тел.: 8 (499) 391-68-21 (доб. 3105)

E-mail: e_timoshenkova@ural-press.ru

Журнал «Арбитражные споры» приглашает юристов к сотрудничеству.

Мы принимаем к рассмотрению ранее не опубликованные материалы, темы которых соответствуют общей направленности издания.

Все материалы просим присылать в редакцию по электронной почте pilipenko_a@kadis.ru

Объем материалов — до 80 тыс. знаков

Авторов просим сообщать о себе следующие данные: фамилию, имя, отчество, место работы и должность, ученую степень, почетные звания (всё на русском и английском языках), контактные данные (номер телефона, e-mail).

Также к материалу необходимо приложить ключевые слова и аннотацию (на русском и английском языках).

Вопрос о публикации решается редакционным советом журнала.

По факту публикации авторам выплачивается гонорар.

© ООО «КАДИС». 2021 г.

При перепечатке авторских материалов и их фрагментов ссылка на журнал «Арбитражные споры» обязательна.

Мнения авторов могут не совпадать с мнением редакционного совета.